СВЕТЛЯЧОК

2 класс

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

СВЕТЛЯЧОК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Универсальная хрестоматия составлена в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта нового поколения и может быть использована со всеми основными учебниками по литературному чтению, рекомендованными Министерством образования и науки РФ.

Книга включает в себя произведения устного народного творчества, сказки русских и зарубежных писателей, стихотворения и прозу отечественных классиков. Кроме того, в хрестоматии имеются краткие биографические сведения и интересные факты из жизни любимых детских писателей.

Хрестоматия формирует и закрепляет навыки работы с текстом, способствует улучшению техники чтения, литературному и творческому развитию учащихся. Издание предназначено для подготовки к урокам чтения.

- Универсальная хрестоматия: 2 класс
  - Устное народное творчество
    - Пословицы
    - Скороговорки
    - Небылицы
    - Потешки
    - Русские народные сказки
      - Царевна-лягушка
      - Крошечка-хаврошечка
      - Каша из топора
      - Ворона и рак
      - Лиса и журавль
      - Два мороза
      - Мена
      - Снегурочка
      - Зимовье зверей
      - Белая уточка
      - Летучий корабль
    - Былины
      - Как Илья из Мурома богатырём стал
  - Русская литература XIX века
    - Проза
      - Всеволод Михайлович Гаршин (1855–1888)
        -
        - Лягушка-путешественница
      - Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

(1852–1912)

-
- Алёнушкины сказки (Присказка)
- Сказка про храброго Зайца – Длинные Уши, Косые Глаза, Короткий Хвост
- Сказка про Воробья Воробеича и Ерша Ершовича
- Сказка про Комара Комаровича – Длинный Нос и про Мохнатого Мишу – Короткий Хвост

- Лев Николаевич Толстой (1828–1910)
  -
  - Зайцы
  - Филипок
  - Страшный зверь
  - Лучше всех
  - Акула (Быль)
  - Прыжок (Быль)
  - Лев и собачка (Быль)
- Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1871)
  -
  - Наше отечество
  - Играющие собаки
  - Кто дерёт нос кверху
  - Спор деревьев
  - Два козлика
  - Два плуга
  - Мороз не страшен
  - Кот Васька
  - Плутишка-кот
  - Утренние лучи
- Антон Павлович Чехов (1860–1904)
  -
  - Весной (отрывок)

- Поэзия
  - Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)
    -
    - Цветок
  - Иван Андреевич Крылов (1769–1844)
    -
    - Волк и кот

- Ворона и лисица
- Зеркало и обезьяна

- Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)
  -
  - «Спи, младенец мой прекрасный…»
  - Горные вершины (Из Гёте)
  - Два великана
- Аполлон Николаевич Майков (1821–1897)
  -
  - «Ласточка примчалась…»
  - Весна
  - Летний дождь
- Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877)
  -
  - Генерал Топтыгин
  - Перед дождём
- Иван Саввич Никитин (1824–1861)
  -
  - Русь
  - Встреча зимы
- Алексей Николаевич Плещеев (1825–1893)
  -
  - В бурю
  - Старик
- Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)
  -
  - Сказка о Попе и работнике его Балде
  - Зимнее утро
  - Зимняя дорога
  - «Опрятней модного паркета…» (отрывок из романа «Евгений Онегин»)
  - «Гонимы вешними лучами…» (отрывок из романа «Евгений Онегин»)
- Феодосий Петрович Савинов (1865–1915)
  -
  - Родина
- Иван Захарович Суриков (1841–1880)
  -
  - Детство
  - Зима
- Алексей Константинович Толстой (1817–1875)

- «Звонче жаворонка пенье…»
- «Вот уж снег последний в поле тает…»
- «Колокольчики мои…» (отрывок)
- «Где гнутся над омутом лозы…»

- Фёдор Иванович Тютчев (1803–1873)
  -
  - «В душном воздуха молчанье…» (отрывок)
  - «В небе тают облака…»

- Русская литература XX века
  - Проза
    - Нина Михайловна Артюхова (1901–1990)
      -
      - Большая берёза
    - Сергей Алексеевич Баруздин (1926–1991)
      -
      - Кузнец
      - Как Алёшке учиться надоело
      - Простуженный ёжик
      - Сложное поручение
    - Аркадий Петрович Гайдар (1904–1941)
      -
      - Ёлка в тайге (отрывок из повести «Чук и Гек»)
    - Виктор Владимирович Голявкин (1929–2001)
      -
      - Как я под партой сидел
      - Про то, для кого Вовка учится
      - Про весёлую книжку
      - В шкафу
    - Виктор Юзефович Драгунский (1913–1972)
      -
      - Тайное становится явным
      - Не пиф, не паф!
      - Заколдованная буква
      - Когда я был маленький
    - Владимир Леонидович Дуров (1863–1934)
      -
      - Хрюшка-парашютист
      - У классной доски
    - Борис Степанович Житков (1882–1938)
      -

- Наводнение
- Про слона
- Про обезьянку
- Как я ловил человечков

- Валентин Петрович Катаев (1897–1986)
  -
  - Цветик-семицветик
- Александр Иванович Куприн (1870–1938)
  -
  - Скворцы (отрывок)
- Валентина Александровна Осеева (1902–1969)
  -
  - Волшебное слово
  - Хорошее
  - Просто старушка
  - Отомстила
  - Сторож
  - Три товарища
  - Добрая хозяюшка
- Л. Пантелеев (1908–1987)
  -
  - Две лягушки
- Евгений Андреевич Пермяк (1902–1982)
  -
  - Волшебные краски
  - Торопливый ножик
  - Самое страшное
  - Смородинка
  - Случай с кошельком
- Михаил Михайлович Пришвин (1873–1954)
  -
  - Лягушонок
  - Деревья в плену
  - Разговор деревьев
  - Лесной доктор
- Георгий Алексеевич Скребицкий (1903–1964)
  -
  - Осень
  - Весна-художник
  - Догадливая синичка
- Николай Иванович Сладков (1920–1996)

-
- Бегство цветов
- Медведь и солнце
- Бежал ёжик по дорожке
- Эхо
- Апрельские шутки

- Поэзия
  - Валентин Дмитриевич Берестов (1928–1998)
    -
    - «Гляжу с высоты на обиду…»
    - Знакомый
    - Путешественники
    - «Если хочется пить…»
    - Гололедица
    - «Посадили игрушку на полку…»
    - Приятная весть
  - Александр Александрович Блок (1880–1921)
    -
    - Сны
  - Сергей Александрович Есенин (1895–1925)
    -
    - «Нивы сжаты, рощи голы…»
    - Пороша
    - Ночь
  - Эмма Эфраимовна Мошковская (1926–1981)
    -
    - Трудный путь
    - «Я ушёл в свою обиду…»
    - «Всего труднее дело…»
    - Жадина
  - Нина Саконская (1896–1951)
    -
    - Зимний праздник
    - «От чистого сердца…»
  - Саша Чёрный (1880–1832)
    -
    - «Что ты тискаешь утёнка?…»
    - Воробей
  - Корней Иванович Чуковский (1882–1969)
    -
    - Мойдодыр
    - Бутерброд

- Загадка
- Зарубежная литература
  - Ганс Христиан Андерсон (1805–1875)
    -
    - Штопальная игла
    - Пятеро из одного стручка
    - Свинопас
  - Братья Якоб Гримм (1785–1863) и Вильгельм Гримм (1786–1859)
    -
    - Госпожа Метелица
    - Маленькие человечки
    - Король лягушонок, или железный Генрих
    - Семеро швабов
    - Бременские уличные музыканты
    - Три брата
  - Шарль Перро (1628–1703)
    -
    - Рикке-хохолок
  - Джоэль Харрис (1848–1908)
    -
    - Братец Кролик и Братец Лис
    - Как повстречались братец Лис и братец Черепаха

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

○ 20

Универсальная хрестоматия: 2 класс

Устное народное творчество

Пословицы

О ЗНАНИИ И УЧЕНИИ

Без наук как без рук.

* * *

Учёный водит, неучёный следом ходит.

* * *

Больше узнаешь – сильнее станешь.

* * *

Не стыдно не знать, стыдно не учиться.

О ДРУЖБЕ

Друга ищи, а найдёшь – береги.

* * *

Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

* * *

За доброе дело берись смело:
сам не осилишь – товарищи помогут.

* * *

Плохой товарищ не подмога.

* * *

Заяц в лесу не пропадёт,
человек среди друзей не погибнет.

* * *

Кто друг прямой, тот брат родной.

* * *

Дерево держится корнями,
а человек – друзьями.

Скороговорки

Три сороки тараторки тараторили на горке.

* * *

Дед Данила делил дыню —
дольку Диме, дольку Дине.

* * *

Спать на сене будет Сеня.

* * *

Стоит воз овса, возле воза – овца.

* * *

Всех скороговорок не переговоришь
и не перевыговоришь.

* * *

Как на горке, на пригорке
стоят тридцать три Егорки:
Раз Егорка,
Два Егорка,
Три Егорка…
(и так до тридцати трёх Егорок)

* * *

У Саши в каше сыворотка из-под простокваши.

Небылицы

Небывальщины-небылицы
Лежат в бабушкиной светлице,
Завёрнуты в тряпицы
В медном ларце
На дубовом поставце,
Кого хочешь – позабавь,
А ларец на место поставь.

* * *

Из-за леса, из-за гор
Едет дедушка Егор.
Он на сивой на телеге,
На скрипучем на коне,
Топорищем подпоясан,
Ремень за пояс заткнут,
Сапоги нараспашку,
На босу ногу зипун[1].

Потешки

– Андрейка, детка, о чём плачешь?
– Об ворота ударился головой.
– Ну-ка, скажи, когда это случилось?
– Вчера вечером.
– Почему же ты плачешь сегодня?
– Так вчера дома никого не было!

* * *

– Здравствуй, кум! Ты куда?
– Да по дрова поехал.
– Что везёшь?
– Сено.
– Какое сено, ведь это дрова?!
– А коли видишь, так что спрашиваешь?

* * *

– Сено для лошади?
– Да.
– Напоил лошадь?
– Напоил.
– Так иди запрягай!
– А где она?

Русские народные сказки

Царевна-лягушка

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицей; у него было три сына – все молодые, холостые, удальцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером описать; младшего звали Иван-царевич.

Говорит однажды царь такое слово:

– Дети мои милые! Возьмите себе по стреле, натяните тугие луки и пустите стрелы в разные стороны; на чей двор стрела упадёт, там и сватайтесь.

Пустил стрелу старший брат – упала она на боярский двор, прямо против девичьего терема. Пустил средний брат – полетела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая. Пустил младший брат – попала стрела в грязное болото, и подхватила её лягуша-квакуша.

Говорит Иван-царевич:

– Как мне за себя квакушу взять? Квакуша – неровня мне!

– Бери, – отвечает ему царь, – знать, судьба твоя такова.

Вот поженились царевичи: старший – на боярышне, средний – на купеческой дочери, а Иван-царевич – на лягуше-квакуше.

Призывает их царь и приказывает:

– Чтобы жёны ваши испекли мне к завтрему по мягкому белому хлебу!

Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

– Ква-ква, Иван-царевич! Почто так закручинился? – спрашивает его лягушка. – Аль услышал от отца своего слово неприятное?

– Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтрему изготовить мягкий белый хлеб!

– Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренее!

Уложила лягушка царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою, вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом:

– Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки.

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши хлеб давно готов, и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать!

Изукрашен каравай разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами.

Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трём своим сыновьям:

– Чтобы жёны ваши соткали мне за одну ночь по ковру.

Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

– Ква-ква, Иван-царевич! Почто закручинился? Аль услышал от отца своего слово неприятное?

– Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шёлковый ковёр.

– Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренее.

Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою. Вышла она на красное крыльцо и закричала громким голосом:

– Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь шёлковый ковёр ткать, чтоб таков был, на каком я сиживала у родного моего батюшки!

Как сказано, так и сделано.

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши ковёр давно готов, и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать.

Изукрашен ковёр златом-серебром, хитрыми узорами.

Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ: чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с жёнами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

– Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Аль от отца услыхал слово неприветливое?

– Как же мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; как я тебя в люди покажу?

– Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду; как услышишь стук да гром, скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет.

Вот старшие братья явились на смотр со своими жёнами, разодетыми, разубранными; стоят да над Иваном-царевичем смеются:

– Что ж ты, брат, без жены пришёл? Хоть бы в платочке принёс! И где ты этакую красавицу выискал? Чай, всё болото исходил?

Вдруг поднялся великий стук да гром – весь дворец затрясся.

Гости крепко напугались, повскакали со своих мест и не знают, что и делать, а Иван-царевич говорит:

– Не бойтесь, гости дорогие! Это моя лягушонка в коробчонке приехала!

Подлетела к царскому крыльцу золочёная коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая – такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть-пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки[2] себе за левый рукав вылила; закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала.

Жёны старших царевичей увидали её хитрости, давай и себе то же делать. Пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой – сделалось озеро, махнула правой – и поплыли по воде белые лебеди. Царь и гости диву дались!

А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми руками – гостей забрызгали, махнули правыми – костью царю прямо в глаз попали! Царь рассердился и прогнал их с глаз долой.

Тем временем Иван-царевич улучил минуту, побежал домой, нашёл лягушечью кожу и спалил её на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась – нет лягушечьей кожи; приуныла, запечалилась и говорит царевичу:

– Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если бы немножко ты подождал, я бы вечно была твоей; а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, – у Кощея Бессмертного.

Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, помолился богу на все четыре стороны и пошёл куда глаза глядят.

Шёл он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли – попадается ему навстречу старый старичок.

– Здравствуй, – говорит, – добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Царевич рассказал ему своё несчастье.

– Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудрёней своего отца уродилась; он за то осерчал на неё и велел ей три года квакушею быть. Вот тебе клубок: куда он покатится – ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старика и пошёл за клубочком.

Идёт чистым полем, попадается ему медведь.

«Дай убью зверя», – думает Иван-царевич.

А медведь говорит ему:

– Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе.

Не тронул Иван-царевич медведя.

Идёт он дальше, глядь: а над ним летит селезень; царевич прицелился из лука, хотел было застрелить птицу, как вдруг говорит она человечьим голосом:

– Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь.

Он пожалел и пошёл дальше.

Бежит косой заяц; царевич опять за лук, стал целиться, а заяц ему человечьим голосом:

– Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь.

Иван-царевич пожалел зайца и пошёл дальше – к синему морю.

Видит – на песке лежит, издыхает щука-рыба.

– Ах, Иван-царевич, – сказала щука, – сжалься надо мною, пусти меня в море!

Он бросил её в море и пошёл берегом.

Долго ли, коротко ли – прикатился клубочек к избушке; стоит избушка на куриных лапках, кругом повёртывается. Говорит Иван-царевич:

– Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила: ко мне передом, а к морю задом!

Избушка повернулась к морю задом, к нему передом. Царевич вошёл в неё и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит Баба Яга, костяная нога, нос в потолок врос, сама зубы точит.

– Гой еси, добрый молодец! Зачем ко мне пожаловал? – спрашивает Баба Яга Ивана-царевича.

– Ах ты старая хрычовка, – говорит Иван-царевич, – ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила, напоила, в бане выпарила, да тогда б и спрашивала.

Баба Яга накормила его, напоила, в бане выпарила, а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую.

– А, знаю! – сказала Баба Яга. – Она теперь у Кощея Бессмертного; трудно её достать, нелегко с Кощеем сладить; смерть его на конце иглы, та игла – в яйце, то яйцо – в утке, та утка – в зайце, тот заяц – в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережёт.

Указала Баба Яга, в каком месте растёт этот дуб.

Иван-царевич пришёл туда и не знает, что ему делать, как сундук достать. Вдруг – откуда ни взялся – прибежал медведь и выворотил дерево с корнем; сундук упал и разбился вдребезги.

Выбежал из сундука заяц и во всю прыть наутёк пустился; глядь: а за ним уж другой заяц гонится, нагнал, ухватил и в

клочки разорвал.

Вылетела из зайца утка и поднялась высоко, летит, а за нею селезень бросился, как ударит её – утка тотчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море.

Иван-царевич, видя беду неминучую, залился слезами. Вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо; он взял то яйцо, разбил его, достал иглу и отломил кончик. Сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть.

Иван-царевич вошёл в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго, и счастливо.

Крошечка-хаврошечка

Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые бога не боятся, своего брата не стыдятся: к таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли её эти люди, выкормили и на свет божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили; она и подаёт, и прибирает, и за всех и за всё отвечает.

А были у её хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя – Двуглазка, а меньшая – Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала. Вот то-то и больно – ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да приохотить нет никого! Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжко жить-поживать: «Коровушка-матушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрему дали пять пудов напрясть, наткать, побелить, в трубы покатать». А коровушка ей в ответ: «Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь – всё будет сработано». Так и сбывалось. Вылезет красная девица из ушка – всё готово: и наткано, и побелено, и покатано. Отнесёт к мачехе; та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а ей ещё больше работы задаст. Хаврошечка опять придёт к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмёт и принесёт.

Дивится старуха, зовёт Одноглазку: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Доглядись, кто сироте помогает: и ткёт, и прядёт, и в трубы катает?» Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке, а Хаврошечка приговаривает:

«Спи, глазок, спи, глазок!» Глазок заснул; пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, материно приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошечка баюкает: «Спи, глазок, спи, другой!» Коровушка наткала, побелила, в трубы покатала; а Двуглазка всё ещё спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте ещё больше работы дала. И Триглазка, как её старшие сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошечка поёт: «Спи, глазок, спи другой!» – а об третьем забыла. Два глаза заснули, а третий глядит и всё видит, всё – как красная девица в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Всё, что видела, Триглазка матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу: «Режь рябую корову!» Старик так, сяк: «Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая!» Режь, да и только! Наточил ножик…

Побежала Хаврошечка к коровушке: «Коровушка-матушка! Тебя хотят резать». – «А ты, красная девица, не ешь моего мяса: косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их рассади и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай». Хаврошечка всё сделала, что коровушка завещала; голодом голодала, мяса её в рот не брала, косточки каждый день в саду поливала, и выросла из них яблонька, да какая – боже мой! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо – останавливается, кто проходит близко – тот заглядывается.

Случилось раз – девушки гуляли по саду; на ту пору ехал по полю барин – богатый, кудреватый, молоденький. Увидел яблочки, попросил девушек: «Девицы-красавицы! – говорит он. – Которая из вас мне яблочко поднесёт, та за меня замуж пойдёт». И бросились три сестры одна перед другой к яблоньке. А яблочки-то висели низко, под руками были, а то вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами стали. Сёстры хотели их сбить – листья глаза засыпают, хотели сорвать – сучья косы расплетают; как ни бились, ни метались – ручки изодрали, а достать не могли. Подошла Хаврошечка, и веточки приклонились, и яблочки опустились. Барин на ней женился, и стала она в добре поживать, лиха не знавать.

Каша из топора

Пришёл солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке: «Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть». А

старуха в ответ: «Вот там на гвоздике повесь». – «Аль ты совсем глуха, что не чуешь?» – «Где хошь, там и заночуешь». – «Ах ты, старая ведьма, я те глухоту-то вылечу!» И полез было с кулаками: «Подавай на стол!» – «Да нечего, родимый!» – «Вари кашицу!» – «Да не из чего, родимый!» – «Давай топор; я из топора сварю». – «Что за диво! – думает баба. – Дай посмотрю, как из топора солдат кашицу сварит». Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил, варил, попробовал и говорит: «Всем бы кашица взяла, только б малую толику круп подсыпать!» Баба принесла ему круп. Опять варил-варил, попробовал и говорит: «Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!» Баба принесла ему масла. Солдат сварил кашицу: «Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли да принимайся за ложку; станем кашицу есть». Похлебали вдвоём кашицу. Старуха спрашивает: «Служивый! Когда же топор будем есть?» – «Да вишь, он ещё не уварился, – отвечал солдат, – где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю». Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошёл в иную деревню. Вот так-то солдат и кашицы поел, и топор унёс!

Ворона и рак

Летела ворона по-над морем, смотрит: рак ползёт – хап его! И понесла в лес, чтобы, усевшись где-нибудь на ветке, хорошенько закусить. Видит рак, что приходится пропадать, и говорит вороне:

– Эй, ворона, ворона! Знал я твоего отца и твою мать – славные были люди!

– Угу! – ответила ворона, не раскрывая рта.

– И братьев и сестёр твоих знаю: что за добрые были люди!

– Угу!

– Да всё же хоть они и хорошие люди, а тебе не ровня. Мне сдаётся, что разумнее тебя никого нет на свете.

Понравились эти речи вороне; каркнула она во весь рот и упустила рака в море.

Лиса и журавль

Лиса с журавлём подружилась, даже покумилась с ним у кого-то на родинах.

Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости: «Приходи, куманёк, приходи, дорогой! Уж я как тебя угощу!» Идёт журавль на званый пир, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчует: «Покушай, мой голубчик-куманёк! Сама стряпала». Журавль хлоп-

хлоп носом, стучал, стучал, ничего не попадает! А лисица в это время лижет себе да лижет кашу, так всю сама и скушала.

Каша съедена; лисица говорит: «Не обессудь, любезный кум! Больше потчевать нечем». – «Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости».

На другой день приходит лиса, а журавль приготовил окрошку, наклал в кувшин с малым горлышком, поставил на стол и говорит: «Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать». Лиса начала вертеться вокруг кувшина, и так зайдёт и этак, и лизнёт его, и понюхает-то, всё ничего не достанет! Не лезет голова в кувшин. А журавль меж тем клюёт себе да клюёт, пока всё не поел. «Ну, не обессудь, кума! Больше угощать нечем». Взяла лису досада, думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла как несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось! С тех пор и дружба у лисы с журавлём врозь.

Два мороза

Гуляли по чистому полю два Мороза, два родных брата, с ноги на ногу поскакивали, рукой об руку поколачивали. Говорит один Мороз другому:

– Братец Мороз – Багровый нос! Как бы нам позабавиться – людей поморозить?

Отвечает ему другой:

– Братец Мороз – Синий нос! Коль людей морозить – не по чистому нам полю гулять. Поле всё снегом занесло, все проезжие дороги замело: никто не пройдёт, не проедет. Побежим-ка лучше к чистому бору! Там хоть и меньше простору, да зато забавы будет больше. Всё нет-нет да кто-нибудь и встретится по дороге.

Сказано – сделано. Побежали два Мороза, два родных брата, в чистый бор. Бегут, дорогой тешатся: с ноги на ногу попрыгивают, по ёлкам, по сосенкам пощёлкивают. Старый ельник трещит, молодой сосняк поскрипывает. По рыхлому ль снегу пробегут – кора ледяная; былинка ль из-под снегу выглядывает – дунут, словно бисером её всю унижут.

Послышали они с одной стороны колокольчик, а с другой бубенчик: с колокольчиком барин едет, с бубенчиком – мужичок. Стали Морозы судить да рядить, кому за кем бежать, кому кого морозить. Мороз – Синий нос, как был помоложе, говорит:

– Мне бы лучше за мужичком погнаться. Его скорей дойму: полушубок старый, заплатанный, шапка вся в дырах, на ногах, кроме лаптишек, – ничего. Он же, никак, дрова рубить едет. А уж ты, братец, как посильнее меня, за барином беги. Видишь, на нём шуба медвежья, шапка лисья, сапоги волчьи. Где уж мне с ним! Не

совладаю.

Мороз – Багровый нос только подсмеивается.

– Молод ещё ты, – говорит, – братец!.. Ну, да уж быть по-твоему. Беги за мужичком, а я побегу за барином. Как сойдёмся под вечер, узнаем, кому была легка работа, кому тяжела. Прощай покамест!

– Прощай, братец!

Свистнули, щёлкнули, побежали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистом поле. Спрашивают друг друга – что?

– То-то, я думаю, намаялся ты, братец, с барином-то, – говорит младший, – а толку, глядишь, не вышло никакого. Где его было пронять!

Старший посмеивается себе.

– Эх, – говорит, – братец Мороз – Синий нос, молод ты и прост! Я его так уважил, что он час будет греться – не отогреется.

– А как же шуба-то, да шапка-то, да сапоги-то?

– Не помогли. Забрался я к нему и в шубу, и в шапку, и в сапоги, да как зачал знобить! Он-то ёжится, он-то жмётся да кутается; думает: дай-ка я ни одним суставом не шевельнусь, авось меня тут мороз не одолеет. Ан не тут-то было! Мне-то это и с руки. Как принялся я за него – чуть живого в городе из повозки выпустил! Ну, а ты что со своим мужичком сделал?

– Эх, братец Мороз – Багровый нос! Плохую ты со мной шутку сшутил, что вовремя не образумил. Думал – заморожу мужика, а вышло – он же отломал мне бока.

– Как так?

– Да вот как. Ехал он, сам ты видел, дрова рубить. Дорогой начал было я его пронимать, только он всё не робеет – ещё ругается: такой, говорит, сякой этот мороз. Совсем даже обидно стало; принялся я его ещё пуще щипать да колоть. Только ненадолго была мне эта забава. Приехал он на место, вылез из саней, принялся за топор. Я-то думаю: тут мне сломить его. Забрался к нему под полушубок, давай его язвить. А он-то топором машет, только щепки кругом летят. Стал даже пот его прошибать. Вижу: плохо – не усидеть мне под полушубком. Под конец инда пар от него повалил. Я прочь поскорее. Думаю: как быть? А мужик всё работает да работает. Чем бы зябнуть, а ему жарко стало. Гляжу: скидает с себя полушубок. Обрадовался я. «Погоди же, говорю, вот я тебе покажу себя!» Полушубок весь мокрёхонек. Я в него забрался, заморозил так, что он стал лубок лубком. Надевай-ка теперь, попробуй! Как покончил мужик своё дело да подошёл к полушубку, у меня и сердце взыграло: то-то потешусь! Посмотрел мужик и принялся меня ругать – все слова

перебрал, что нет их хуже. «Ругайся, – думаю я себе, – ругайся! А меня всё не выживешь!» Так он бранью не удовольствовался – выбрал полено подлиннее да посучковатее, да как примется по полушубку бить! По полушубку бьёт, а меня всё ругает. Мне бы бежать поскорее, да уж больно я в шерсти-то завяз – выбраться не могу. А он-то колотит, он-то колотит! Насилу я ушёл. Думал, костей не соберу. До сих пор бока ноют. Зака́ялся[3] я мужиков морозить.

Мена

Купался богатый купец в реке, попал на глубокое место и стал тонуть. Шёл мимо старик мужик-серячок, услыхал крик, кинулся – и купца из воды вытащил. Купец не знает, как старика благодарить: позвал к себе в город, угостил хорошенько и подарил ему кусок золота величиною с конскую голову.

Взял золото мужичок и идёт домой, а навстречу ему барышник – целый табун лошадей гонит:

– Здравствуй, старик! Откуда бог несёт?

– Из города, от богатого купца.

– Что же тебе купец дал?

– Кусок золота с конскую голову.

– Отдай мне золото, возьми лучшего коня.

Взял старик лучшего коня, поблагодарил и пошёл дальше.

Идёт старик, а навстречу ему пастух волов гонит:

– Здравствуй, старик! Откуда бог несёт?

– Из города, от купца.

– Что же тебе купец дал?

– Золота с конскую голову.

– А где же оно?

– Променял на коня.

– Променяй мне коня на любого вола.

Старик выбрал вола, поблагодарил и пошёл. Идёт старичок, а навстречу овчар – гонит овечье стадо:

– Здравствуй, старичок! Откуда бог несёт?

– От богатого купца, из города.

– Что же тебе купец дал?

– Золота с конскую голову.

– Где же оно?

– Променял на коня.

– А конь где?

– Променял на вола.

– Променяй мне вола на любого барана.

Взял старик лучшего барана, поблагодарил и пошёл дальше.

Идёт старик, а навстречу свинопас – поросят гонит:

– Здравствуй, старик! Где был?

– В городе, у богатого купца.

– Что же тебе купец дал?

– Кусок золота с конскую голову.

– Где же оно?

– Променял на коня.

– А конь где?

– Променял на вола.

– А вол где?

– Променял на барана.

– Давай мне барана, бери себе лучшего поросёнка.

Выбрал старик поросёнка, поблагодарил пастуха и пошёл.

Идёт старик, а навстречу ему коробейник с коробом за спиной:

– Здравствуй, старик! Откуда идёшь?

– От купца, из города.

– А что тебе купец дал?

– Золота с конскую голову.

– Где же оно?

– Променял на коня.

– А конь где?

– Променял на вола.

– А вол где?

– Променял на барана.

– А баран где?

– Променял на порося.

– Променяй мне поросёнка на любую иглу.

Выбрал старик славную иголку, поблагодарил и пошёл домой. Пришёл старик домой, стал через плетень перелезать и иглу потерял. Выбежала старику навстречу старушка:

– Ах, голубчик мой, я без тебя здесь совсем пропала! Ну, рассказывай: был ты у купца?

– Был.

– Что тебе купец дал?

– Кусок золота с конскую голову.

– Где же оно?

– Променял на коня.

– А конь где?

– Променял на вола.

– А вол где?

– Променял на барана.

– А баран где?

– Променял на поросёнка.

– А поросёнок где?

– Променял на иглу: хотел тебе, старая, подарочек принести, стал через плетень перелезать и потерял.

– Ну хорошо, голубчик, что ты хоть сам вернулся! Пойдём в избу ужинать.

И теперь живёт старичок со старушкой, счастливы и без золота.

Снегурочка

Жили-были на свете дед и баба. Жили они, жили и состарились.

А детей у них не было. И очень они о том горевали. Вот раз зимой выпало снегу по колено. Выбежали ребятишки на улицу играть. На санках катаются, снежками кидаются. А потом стали снежную бабу лепить.

Смотрел на них старик из окошка, смотрел да и говорит бабе:

– А что, старуха, не пойти ли и нам по молодому снежку погулять?

А старуха в ответ:

– Что же, старик, пойдём. Вылепим себе из снега дочку Снегурочку.

Так и сделали. Пошли в огород и давай Снегурочку лепить. Вылепили ручки, ножки, головку. Глазки из светлых льдинок сделали, брови угольком вывели. Хороша Снегурочка! Смотрят на неё старики – насмотреться не могут.

И вдруг усмехнулась Снегурочка, бровью повела, ручку подняла, шагнула разок-другой и пошла себе тихонько по снегу к избе.

Тут-то обрадовались дед и баба, побежали за ней в избу, не знают, куда посадить, чем угостить.

Так и осталась жить у деда с бабой дочка Снегурочка.

Растёт Снегурочка не по дням, а по часам. Что ни день – всё умнее да милее становится.

Дед и баба на неё не нарадуются. Сапожки ей купили сафьяновые, ленту в косу – атласную.

День и ночь – сутки прочь. Вот и миновала зима, пришла весна. Стало солнышко пригревать. Потекли из-под снега ручьи. Закапало с крыши. Все ребята рады-радёшеньки. Одна Снегурочка невесела – сидит в уголке, на свет не глядит.

Только и радости у неё, как набегут на небо тёмные тучи да холодком дохнёт. Смотрит на неё старуха, головой качает.

– Кто тебя, доченька, обидел?

– Никто не обидел, матушка.

– Может, нездоровится?

Молчит Снегурочка, а у самой по белым щекам слёзы катятся.

Тут и лето настало. Солнышко печёт, земля цветёт. Собрались девушки в лес гулять и Снегурочку зовут:

– Пойдём с нами!

Боится Снегурочка за порог выйти.

– Жарко, – говорит, – солнце голову напечёт.

– А ты платочек на голову повяжи, вот и не напечёт.

Не пошла бы Снегурочка, да старики её уговорили:

– Ступай, доченька. Что тебе одной сидеть?

Послушалась Снегурочка, пошла с девушками. Они в лесу цветы рвут, венки плетут, а она себе сидит в тени у студёного ручейка, ножки в воду опустила, ждёт, пока солнце закатится.

Вот и зашло солнышко. Вечер наступил.

Развеселились девушки, развели костёр и вздумали через огонь прыгать. Одна прыгнула, а за ней другая, третья.

– Что же ты не прыгаешь? – говорят ей подруги. – Иль боишься?

Собралась Снегурочка с духом, разбежалась и прыгнула. Смотрят девушки – где же Снегурочка? Нет её. Только над костром белый пар вьётся. Свился в тонкое облачко, и полетело облачко высоко, высоко – другие облака догонять.

Растаяла Снегурочка.

Зимовье зверей

Шёл бык лесом; попадается ему навстречу баран. «Куды, баран, идёшь?» – спросил бык. «От зимы лета ищу», – говорит баран. «Пойдём со мною!» Вот пошли вместе; попадается им навстречу свинья. «Куды, свинья, идёшь?» – спросил бык. «От зимы лета ищу», – отвечает свинья. «Иди с нами!» Пошли втроём дальше; навстречу им попадается гусь. «Куды, гусь, идёшь?» – спросил бык. «От зимы лета ищу», – отвечает гусь. «Ну, иди за нами!» Вот гусь и пошёл за ними. Идут, а навстречу им петух. «Куды, петух, идёшь?» – спросил бык. «От зимы лета ищу», – отвечает петух. «Иди за нами!»

Вот идут они путём-дорогою и разговаривают промеж себя: «Как же, братцы-товарищи? Время приходит холодное: где тепла искать?» Бык и сказывает: «Ну, давайте избу строить; а то и впрямь зимою позамёрзнем». Баран говорит: «У меня шуба тепла – вишь какая шерсть! Я и так прозимую». Свинья говорит: «А по мне хоть какие морозы – я не боюсь: зароюся в землю и без избы прозимую». Гусь говорит: «А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденуся, – меня никакой холод не возьмёт; я и

так прозимую». Петух говорит: «И я тож!» Бык видит – дело плохо, надо одному хлопотать. «Ну, – говорит, – вы как хотите, а я стану избу строить». Выстроил себе избушку и живёт в ней.

Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран – делать нечего – приходит к быку: «Пусти, брат, погреться». – «Нет, баран, у тебя шуба тепла; ты и так перезимуешь. Не пущу!» – «А коли не пустишь, то я разбегуся и вышибу из твоей избы бревно; тебе же будет холоднее». Бык думал-думал: «Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозит» – и пустил барана. Вот и свинья прозябла, пришла к быку: «Пусти, брат, погреться». – «Нет, не пущу; ты в землю зароешься и так прозимуешь!» – «А не пустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу уроню». Делать нечего, надо пустить; пустил и свинью. Тут пришли к быку гусь и петух: «Пусти, брат, к себе погреться». – «Нет, не пущу. У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; и так прозимуете!» – «А не пустишь, – говорит гусь, – так я весь мох из твоих стен повыщиплю; тебе же холоднее будет». – «Не пустишь? – говорит петух. – Так я взлечу на верх, всю землю с потолка сгребу; тебе же холоднее будет». Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся и петуха.

Вот живут они себе да поживают в избушке. Отогрелся в тепле петух и начал песенки распевать. Услышала лиса, что петух песенки распевает, захотелось петушком полакомиться, да как достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала: «Ну, любезные куманьки, я нашла для всех поживу: для тебя, медведь, быка; для тебя, волк, барана; а для себя петуха». – «Хорошо, кумушка, – говорят медведь и волк, – мы твоих услуг никогда не забудем! Пойдём же, приколем да поедим!»

Лиса привела их к избушке. «Кум, – говорит она медведю, – отворяй дверь, я наперёд пойду, петуха съем». Медведь отворил дверь, а лисица вскочила в избушку. Бык увидал её и тотчас прижал к стене рогами, а баран зачал осаживать по бокам; из лисы и дух вон. «Что она там долго с петухом не может управиться? – говорит волк. – Отпирай, брат Михайло Иванович! Я пойду». – «Ну, ступай». Медведь отворил дверь, а волк вскочил в избушку. Бык и его прижал к стене рогами, а баран ну осаживать по бокам, и так его приняли, что волк и дышать перестал. Вот медведь ждал-ждал: «Что он до сих пор не может управиться с бараном! Дай я пойду». Вошёл в избушку; а бык да баран и его так же приняли. Насилу вон вырвался и пустился бежать без оглядки.

Белая уточка

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел ещё на неё наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел её наслушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть. Много плакала княгиня, много князь её уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться[4], худых речей не слушаться. Княгиня обещала всё исполнить. Князь уехал; она заперлась в своём покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось – такая простая, сердечная! «Что, – говорит, – ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила». Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда, и пошла. В саду разливалась ключевая хрустальная вода. «Что, – говорит женщина, – день такой жаркий, солнце палит, а водица студёная – так и плещет, не искупаться ли нам здесь?» – «Нет, нет, не хочу!» – а там подумала: ведь искупаться не беда! Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила её по спине: «Плыви ты, – говорит, – белою уточкой!» И поплыла княгиня белою уточкой. Ведьма тотчас нарядилась в её платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя. Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал её.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек, двух хороших, а третьего заморышка, и деточки её вышли – ребяточки; она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики сбирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок. «Ох, не ходите туда, дети!» – говорила мать. Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше, и забрались на княжий двор. Ведьма чутьём их узнала, зубами заскрипела; вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи. Легли два братца и заснули, – а заморышка, чтоб не застудить, приказала (им) мать в пазушке носить – заморышек-то и не спит, всё слышит, всё видит. Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает: «Спите вы, детки, иль нет?» Заморышек отвечает: «Мы спим – не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!» – «Не спят!»

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь: «Спите, детки, или нет?» Заморышек опять говорит то же: «Мы спим – не

спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!» – «Что же это всё один голос?» – подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мёртвой рукою – и они померли.

Поутру белая уточка зовёт деток; детки нейдут. Зачуяло её сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор. На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком. Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпаивала,
Тёмну ночь не досыпала,
Сладок кус не доедала!

«Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает». – «Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!» Её прогонят, она облетит да опять к деткам:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная;
Отняла у вас отца родного,
Отца родного – моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уточек,
А сама живёт – величается!

«Эге!» – подумал князь и закричал: «Поймайте мне белую уточку!» Бросились все, а белая уточка летает и никому не даётся; выбежал князь сам, она к нему на руки пала. Взял он её за крылышко и говорит: «Стань белая берёза у меня позади, а красная девица впереди!» Белая берёза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню. Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток

живящею водою – они встрепенулись, сбрызнули говорящею – они заговорили. И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать. А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога – там стала кочерга, где рука – там грабли, где голова – там куст да колода; налетели птицы – мясо поклевали, поднялися ветры – кости разметали, и не осталось от неё ни следа, ни памяти!

Летучий корабль

Был себе дед да баба, у них было три сына: два разумных, а третий дурень. Первых баба любила, чисто одевала; а последний завсегда был одет худо – в чёрной сорочке ходил. Послышали они, что пришла от царя бумага: «Кто состроит такой корабль, чтобы мог летать, за того выдаст замуж царевну». Старшие братья решились идти пробовать счастья и попросили у стариков благословения; мать снарядила их в дорогу, надавала им белых паляниц[5], разного мясного и фляжку кваса и выпроводила в путь-дорогу. Увидя то, дурень начал и себе проситься, чтобы и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтоб не ходил: «Куда тебе, дурню; тебя волки съедят!» Но дурень заладил одно: пойду да пойду! Баба видит, что с ним не сладишь, дала ему на дорогу чёрных паляниц и фляжку воды и выпроводила из дому.

Дурень шёл-шёл и повстречал старика. Поздоровались. Старик спрашивает дурня: «Куда идёшь?» – «Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сделает летучий корабль». – «Разве ты можешь сделать такой корабль?» – «Нет, не сумею!» – «Так зачем же ты идёшь?» – «А бог его знает!» – «Ну, если так, – сказал старик, – то садись здесь; отдохнём вместе и закусим; вынимай, что у тебя есть в торбе». – «Да тут такое, что и показать стыдно людям!» – «Ничего, вынимай; что бог дал – то и поснедаем!» Дурень развязал торбу – и глазам своим не верит: вместо чёрных паляниц лежат белые булки и разные приправы; подал старику. «Видишь, – сказал ему старик, – как бог дурней жалует! Хоть родная мать тебя и не любит, а вот и ты не обделён… Давай же выпьем наперёд кваску». Во фляжке наместо воды очутился квас; выпили, перекусили, и говорит старик дурню: «Слушай же – ступай в лес, подойди к первому дереву, перекрестись три раза и ударь в дерево топором, а сам упади наземь ничком и жди, пока тебя не разбудят. Тогда увидишь перед собою готовый корабль, садись в него и лети, куда надобно; да по дороге забирай к себе всякого встречного».

Дурень поблагодарил старика, распрощался с ним и пошёл к лесу. Подошёл к первому дереву, сделал всё так, как ему велено:

три раза перекрестился, тюкнул по дереву секирою[6], упал на землю ничком и заснул. Спустя несколько времени начал кто-то будить его. Дурень проснулся и видит готовый корабль; не стал долго думать, сел в него – и корабль полетел по воздуху.

Летел-летел, глядь – лежит внизу на дороге человек, ухом к сырой земле припал. «Здоров, дядьку!» – «Здоров, небоже». – «Что ты делаешь?» – «Слушаю, что на том свете делается». – «Садись со мною на корабль». Тот не захотел отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше. Летели-летели, глядь – идёт человек на одной ноге, а другая до уха привязана. «Здоров, дядьку! Что ты на одной ноге скачешь?» – «Да коли б я другую отвязал, так за один бы шаг весь свет перешагнул!» – «Садись с нами!» Тот сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь – стоит человек с ружьём, прицеливается, а во что – неведомо. «Здоров, дядьку! Куда ты метишь? Ни одной птицы не видно». – «Как же, стану я стрелять близко! Мне бы застрелить зверя или птицу вёрст за тысячу отсюда: то по мне стрельба!» – «Садись же с нами!» Сел и этот, и полетели они дальше.

Летели-летели, глядь – несёт человек за спиною полон мех хлеба. «Здоров, дядьку! Куда идёшь?» – «Иду, – говорит, – добывать хлеба на обед». – «Да у тебя и так полон мешок за спиною». – «Что тут! Для меня этого хлеба и на один раз укусить нечего». – «Садись-ка с нами!» Объедало сел на корабль, и полетели дальше. Летели-летели, глядь – ходит человек вокруг озера. «Здоров, дядьку! Чего ищешь?» – «Пить хочется, да воды не найду». – «Да перед тобой целое озеро; что ж ты не пьёшь?» – «Эка! Этой воды на один глоток мне не станет». – «Так садись с нами!» Он сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь – идёт человек в лес, а за плечами вязанка дров. «Здоров, дядьку! Зачем в лес дрова несёшь?» – «Да это не простые дрова». – «А какие же?» – «Да такие: коли разбросить их, так вдруг целое войско явится». – «Садись с нами!» Сел он к ним, и полетели дальше. Летели-летели, глядь – человек несёт куль соломы. «Здоров, дядьку! Куда несёшь солому?» – «В село». – «Разве в селе-то мало соломы?» – «Да это такая солома, что как ни будь жарко лето, а коли разбросаешь её – так зараз холодно сделается: снег да мороз!» – «Садись и ты с нами!» – «Пожалуй!» Это была последняя встреча; скоро прилетели они до царского двора.

Царь на ту пору за обедом сидел: увидал летучий корабль, удивился и послал своего слугу спросить: кто на том корабле прилетел? Слуга подошёл к кораблю, видит, что на нём все мужики, не стал и спрашивать, а, воротясь назад в покои, донёс царю, что на корабле нет ни одного пана, а все чёрные люди. Царь рассудил, что отдавать свою дочь за простого мужика не

приходится, и стал думать, как бы от такого зятя избавиться. Вот и придумал: «Стану я ему задавать разные трудные задачи». Тотчас посылает к дурню с приказом, чтобы он достал ему, пока царский обед покончится, целющей и живущей воды.

В то время как царь отдавал этот приказ своему слуге, первый встречный (тот самый, который слушал, что на том свете делается) услыхал царские речи и рассказал дурню. «Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды!» – «Не бойся, – сказал ему скороход, – я за тебя справлюсь». Пришёл слуга и объявил царский приказ. «Скажи: принесу!» – отозвался дурень; а товарищ его отвязал свою ногу от уха, побежал и мигом набрал целющей и живущей воды: «Успею, – думает, – воротиться!» – присел под мельницей отдохнуть и заснул. Царский обед к концу подходит, а его нет как нет; засуетились все на корабле. Первый встречный приник к сырой земле, прислушался и сказал: «Экий! Спит себе под мельницей». Стрелок схватил своё ружьё, выстрелил в мельницу и тем выстрелом разбудил скорохода; скороход побежал и в одну минуту принёс воду; царь ещё из-за стола не встал, а приказ его выполнен как нельзя вернее.

Нечего делать, надо задавать другую задачу. Царь велел сказать дурню: «Ну, коли ты такой хитрый, так покажи своё удальство: съешь со своими товарищами за один раз двенадцать быков жареных да двенадцать кулей печёного хлеба». Первый товарищ услыхал и объявил про то дурню. Дурень испугался и говорит: «Да я и одного хлеба за один раз не съем!» – «Не бойся, – отвечает Объедало, – мне ещё мало будет!» Пришёл слуга, явил царский указ. «Хорошо, – сказал дурень, – давайте, будем есть». Принесли двенадцать быков жареных да двенадцать кулей хлеба печёного; Объедало один всё поел. «Эх, – говорит, – мало! Ещё б хоть немножко дали…» Царь велел сказать дурню, чтобы выпито было сорок бочек вина, каждая бочка в сорок вёдер. Первый товарищ дурня подслушал те царские речи и передал ему по-прежнему; тот испугался: «Да я и одного ведра не в силах за раз выпить». – «Не бойся, – говорит Опивало, – я один за всех выпью; ещё мало будет!» Налили вином сорок бочек; Опивало пришёл и без роздыху выпил все до одной; выпил и говорит: «Эх, маловато! Ещё б выпить».

После того царь приказал дурню к венцу готовиться, идти в баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велел натопить жарко-жарко, чтоб дурень в ней в одну минуту задохся. Вот раскалили баню докрасна; пошёл дурень мыться, а за ним следом идёт мужик с соломою: подостлать-де надо. Заперли их обоих в бане; мужик разбросал солому – и сделалось так холодно, что

едва дурень вымылся, как в чугунах вода стала мёрзнуть; залез он на печку и там всю ночь пролежал. Утром отворили баню, а дурень жив и здоров, на печи лежит да песни поёт. Доложили царю; тот опечалился, не знает, как бы отвязаться от дурня; думал-думал и приказал ему, чтобы целый полк войска поставил, а у самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он не сделает!»

Как узнал про то дурень, испугался и говорит: «Теперь-то я совсем пропал! Выручали вы меня, братцы, из беды не один раз; а теперь, видно, ничего не поделаешь». – «Эх ты! – отозвался мужик с вязанкою дров. – А про меня разве забыл? Вспомни, что я мастер на такую штуку, и не бойся!» Пришёл слуга, объявил дурню царский указ: «Коли хочешь на царевне жениться, поставь к завтрему целый полк войска». – «Добре, зроблю! Только если царь и после того станет отговариваться, то повоюю всё его царство и насильно возьму царевну». Ночью товарищ дурня вышел в поле, вынес вязанку дров и давай раскидывать в разные стороны – тотчас явилось несметное войско; и конное, и пешее, и с пушками. Утром увидал царь и в свой черёд испугался; поскорей послал к дурню дорогие уборы и платья, велел во дворец просить с царевной венчаться. Дурень нарядился в те дорогие уборы, сделался таким молодцом, что и сказать нельзя! Явился к царю, обвенчался с царевною, получил большое приданое и стал разумным и догадливым. Царь с царицею его полюбили, а царевна в нём души не чаяла.

Былины

Как Илья из Мурома богатырём стал

В старину стародавнюю жил под городом Муромом, в селе Карачарове крестьянин Иван Тимофеевич со своей женой Ефросиньей Яковлевной.

Был у них один сын Илья.

Любили его отец с матерью, да только плакали, на него поглядывая: тридцать лет Илья на печи лежит, ни рукой, ни ногой не шевелит. И ростом богатырь Илья, и умом светел, и глазом зорок, а ноги его не носят, словно брёвна лежат, не шевелятся.

Слышит Илья, на печи лежучи, как мать плачет, отец вздыхает, русские люди жалуются: нападают на Русь враги, поля вытаптывают, людей губят, детей сиротят. По путям-дорогам разбойники рыщут, не дают они людям ни проходу, ни проезду. Налетает на Русь Змей Горыныч, в своё логово девушек утаскивает.

Горько Илья, обо всём этом слыша, на судьбу свою жалуется:

– Эх вы, ноги мои нехожалые, эх вы, руки мои недержалые! Был бы я здоров, не давал бы родную Русь в обиду врагам да разбойникам!

Так и шли дни, катились месяцы…

Вот раз отец с матерью пошли в лес пни корчевать, корни выдирать, готовить поле под пахоту. А Илья один на печи лежит, в окошко поглядывает.

Вдруг видит – подходят к его избе три нищих странника.

Постояли они у ворот, постучали железным кольцом и говорят:

– Встань, Илья, отвори калиточку.

– Злые шутки вы, странники, шутите: тридцать лет я на печи сиднем сижу, встать не могу.

– А ты приподнимись, Илюшенька.

Рванулся Илья – и спрыгнул с печи, стоит на полу и сам своему счастью не верит.

– Ну-ка, пройдись, Илья.

Шагнул Илья раз, шагнул другой – крепко его ноги держат, легко его ноги несут.

Обрадовался Илья, от радости слова сказать не может. А калики перехожие ему говорят:

– Принеси-ка, Илюша, студёной воды.

Принёс Илья студёной воды ведро.

Налил странник воды в ковшичек.

– Попей, Илья. В этом ковше вода всех рек, всех озёр Руси-матушки.

Выпил Илья и почуял в себе силу богатырскую. А калики его спрашивают:

– Много ли чуешь в себе силушки?

– Много, странники. Кабы мне лопату, всю бы землю вспахал.

– Выпей, Илья, остаточек. В том остаточке всей земли роса, с зелёных лугов, с высоких лесов, с хлебородных полей. Пей.

Выпил Илья и остаточек.

– А теперь много в тебе силушки?

– Ох, калики перехожие, столько во мне силы, что кабы было в небесах кольцо, ухватился бы я за него и всю землю перевернул.

– Слишком много в тебе силушки, надо поубавить, а то земля носить тебя не станет. Принеси-ка ещё воды.

Пошёл Илья по воду, а его и впрямь земля не несёт: нога в земле, что в болоте, вязнет, за дубок ухватился – дуб с корнем вон, цепь от колодца, словно ниточка, на куски разорвалась.

Уж Илья ступает тихохонько, а под ним половицы ломаются. Уж Илья говорит шёпотом, а двери с петель срываются.

Принёс Илья воды, налили странники ещё ковшичек.

– Пей, Илья!

Выпил Илья воду колодезную.

– Сколько теперь в тебе силушки?

– Во мне силушки половинушка.

– Ну, и будет с тебя, молодец. Будешь ты, Илья, велик богатырь, бейся-ратайся с врагами земли родной, с разбойниками да с чудищами. Защищай вдов, сирот, малых деточек. Никогда только, Илья, со Святогором не спорь, через силу носит его земля. Ты не ссорься с Микулой Селяниновичем, его любит мать сыра земля. Не ходи ещё на Вольгу Всеславьевича, он не силой возьмёт, так хитростью-мудростью. А теперь прощай, Илья.

Поклонился Илья каликам перехожим, и ушли они за околицу.

А Илья взял топор и пошёл на пожню[7] к отцу с матерью. Видит – малое местечко от пенья-коренья расчищено, а отец с матерью, от тяжёлой работы умаявшись, спят крепким сном: люди старые, а работа тяжёлая.

Стал Илья лес расчищать – только щепки полетели. Старые дубы с одного взмаха валит, молодые с корнем из земли рвёт. За три часа столько поля расчистил, сколько вся деревня за три дня не осилит. Развалил он поле великое, спустил деревья в глубокую реку, воткнул топор в дубовый пень, ухватил лопату да грабли и вскопал и выровнял поле широкое – только знай зерном засевай!

Проснулись отец с матерью, удивились, обрадовались, добрым словом вспоминали стариков странников.

А Илья пошёл себе коня искать.

Вышел он за околицу и видит: ведёт мужичок жеребёнка рыжего, косматого, шелудивого. Вся цена жеребёнку грош, а мужик за него непомерных денег требует: пятьдесят рублей с полтиною.

Купил Илья жеребёнка, привёл домой, поставил в конюшню, белоярой пшеницей откармливал, ключевой водой отпаивал, чистил, холил, свежей соломы подкладывал.

Через три месяца стал Илья Бурушку на утренней заре на луга выводить. Повалялся жеребёнок по зоревой росе, стал богатырским конём.

Подводил его Илья к высокому тыну[8]. Стал конь поигрывать, поплясывать, головой повёртывать, гривой потряхивать. Стал через тын взад-вперёд перепрыгивать. Десять раз перепрыгнул и копытом не задел. Положил Илья на Бурушку руку богатырскую – не пошатнулся конь, не шелохнулся.

– Добрый конь, – говорит Илья. – Будет он мне верным товарищем.

Стал Илья себе меч по руке искать. Как сожмёт в кулаке рукоятку меча, сокрушится рукоять, рассыплется. Нет Илье меча по руке. Бросил Илья мечи бабам лучину щепать. Сам пошёл в кузницу, три стрелы себе выковал, каждая стрела весом в целый пуд. Изготовил себе тугой лук, взял копьё долгомерное да ещё палицу булатную.

Снарядился Илья и пошёл к отцу с матерью:

– Отпустите меня, батюшка с матушкой, в стольный Киев-град к князю Владимиру. Буду служить Руси родной верой-правдой, беречь землю русскую от недругов-ворогов.

Говорит старый Иван Тимофеевич:

– Я на добрые дела благословляю тебя, а на худые дела моего благословения нет. Защищай нашу землю русскую не для золота, не из корысти, а для чести, для богатырской славушки. Зря не лей крови людской, не слези матерей да не забывай, что ты роду чёрного, крестьянского.

Поклонился Илья отцу с матерью до сырой земли и пошёл седлать Бурушку-Косматушку. Положил на коня войлочки, а на войлочки – потнички, а потом седло черкасское с двенадцатью подпругами шелкóвыми, а с тринадцатой железной, не для красы, а для крепости.

Захотелось Илье свою силу попробовать.

Он подъехал к Оке-реке, упёрся плечом в высокую гору, что на берегу была, и свалил её в реку Оку. Завалила гора русло,

потекла река по-новому.

Взял Илья хлебца ржаного корочку, опустил её в реку Оку, сам Оке-реке приговаривал:

– А спасибо тебе, матушка Ока-река, что поила, что кормила Илью Муромца.

На прощанье взял с собой земли родной малую горсточку, сел на коня, взмахнул плёточкой…

Видели люди, как вскочил на коня Илья, да не видели, куда поскакал. Только пыль по полю столбом поднялась.

Русская литература XIX века

Проза

Всеволод Михайлович Гаршин (1855–1888)

Выдающийся русский прозаик Всеволод Михайлович Гаршин родился 2 февраля 1855 года в имении Приятная Долина в дворянской офицерской семье. Пятилетним ребёнком Гаршин пережил семейную драму, которая сказалась на его здоровье и значительно повлияла на его характер. Учился сначала в гимназии в Петербурге, затем поступил в Горный институт. Однако литература и искусство интересовали его больше, чем наука. Он начинает писать очерки и искусствоведческие статьи.

В 1877 году, когда Россия объявила Турции войну, Гаршин записался добровольцем в действующую армию. В одном из первых сражений он увлёк полк в атаку, во время сражения был ранен в ногу. К счастью, рана оказалась неопасной, но в дальнейших военных действиях он уже участия не принимал. Гаршин был произведён в офицеры, вскоре вышел в отставку. Некоторое время был вольным слушателем филологического факультета Петербургского университета, а затем всецело посвятил себя творчеству.

Лягушка-путешественница

Жила-была на свете лягушка-путешественница. Сидела она в болоте, ловила комаров да мошку, весною громко квакала вместе со своими подругами. И весь век она прожила бы благополучно – конечно, в том случае, если бы не съел её аист. Но случилось одно происшествие.

Однажды она сидела на сучке высунувшейся из воды коряги и наслаждалась тёплым мелким дождиком.

«Ах, какая сегодня прекрасная мокрая погода! – думала она. – Какое это наслаждение – жить на свете!»

Дождик моросил по её пёстренькой лакированной спинке; капли его подтекали ей под брюшко и за лапки, и это было восхитительно приятно, так приятно, что она чуть-чуть не заквакала, но, к счастью, вспомнила, что была уже осень и что осенью лягушки не квакают, – на это есть весна, – и что, заквакав, она может уронить своё лягушачье достоинство. Поэтому она промолчала и продолжала нежиться.

Вдруг тонкий, свистящий, прерывистый звук раздался в воздухе. Есть такая порода уток: когда они летят, то их крылья,

рассекая воздух, точно поют или, лучше сказать, посвистывают. Фью-фью-фью – раздаётся в воздухе, когда летит высоко над вами стая таких уток, а их самих даже и не видно, так они высоко летят. На этот раз утки, описав огромный полукруг, спустились и сели как раз в то самое болото, где жила лягушка.

– Кря, кря! – сказала одна из них. – Лететь ещё далеко: надо покушать.

И лягушка сейчас же спряталась. Хотя она и знала, что утки не станут есть её, большую и толстую квакушку, но всё-таки на всякий случай она нырнула под корягу. Однако, подумав, она решилась высунуть из воды свою лупоглазую голову: ей было очень интересно узнать, куда летят утки.

– Кря, кря! – сказала другая утка. – Уже холодно становится! Скорей на юг! Скорей на юг!

И все утки стали громко крякать в знак одобрения.

– Госпожи утки! – осмелилась сказать лягушка. – Что такое юг, на который вы летите? Прошу извинения за беспокойство.

И утки окружили лягушку. Сначала у них явилось желание съесть её, но каждая из них подумала, что лягушка слишком велика и не пролезет в горло. Тогда все они начали кричать, хлопая крыльями:

– Хорошо на юге! Теперь там тепло! Там есть такие славные тёплые болота! Какие там червяки! Хорошо на юге!

Они так кричали, что почти оглушили лягушку. Едва-едва она убедила их замолчать и попросила одну из них, которая казалась ей толще и умнее всех, объяснить ей, что такое юг. И когда та рассказала ей о юге, то лягушка пришла в восторг, но в конце всё-таки спросила, потому что была осторожна:

– А много ли там мошек и комаров?

– О! Целые тучи! – ответила утка.

– Ква! – сказала лягушка и тут же обернулась посмотреть, нет ли здесь подруг, которые могли бы услышать её и осудить за кваканье осенью. Она уж никак не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разик.

– Возьмите меня с собой!

– Это мне удивительно! – воскликнула утка. – Как мы тебя возьмём? У тебя нет крыльев.

– Когда вы летите? – спросила лягушка.

– Скоро, скоро! – закричали все утки. – Кря, кря! Кря! Кря! Тут холодно! На юг! На юг!

– Позвольте мне подумать только пять минут, – сказала лягушка, – я сейчас вернусь, я, наверное, придумаю что-нибудь хорошее.

И она шлёпнулась с сучка, на который было снова влезла, в

воду, нырнула в тину и совершенно зарылась в ней, чтобы посторонние предметы не мешали ей размышлять. Пять минут прошло, утки совсем было собрались лететь, как вдруг из воды, около сучка, на котором она сидела, показалась её морда, и выражение этой морды было самое сияющее, на какое только способна лягушка.

– Я придумала! Я нашла! – сказала она. – Пусть две из вас возьмут в свои клювы прутик, а я прицеплюсь за него посередине. Вы будете лететь, а я ехать. Нужно только, чтобы вы не крякали, а я не квакала, и всё будет превосходно.

Хотя молчать и тащить хоть бы и лёгкую лягушку три тысячи вёрст не бог знает какое удовольствие, но её ум привёл уток в такой восторг, что они единодушно согласились нести её. Решили переменяться каждые два часа, и так как уток было, как говорится в загадке, столько, да ещё столько, да полстолько, да четверть столько, а лягушка была одна, то нести её приходилось не особенно часто.

Нашли хороший, прочный прутик, две утки взяли его в клювы, лягушка прицепилась ртом за середину, и всё стадо поднялось в воздух. У лягушки захватило дух от страшной высоты, на которую её подняли; кроме того, утки летели неровно и дёргали прутик; бедная квакушка болталась в воздухе, как бумажный паяц, и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не оторваться и не шлёпнуться на землю. Однако она скоро привыкла к своему положению и даже начала осматриваться. Под нею быстро проносились поля, луга, реки и горы, которые ей, впрочем, было очень трудно рассматривать, потому что, вися на прутике, она смотрела назад и немного вверх, но кое-что всё-таки видела, и радовалась, и гордилась. «Вот как я превосходно придумала», – думала она про себя.

А утки летели вслед за нёсшей её передней парой, кричали и хвалили её.

– Удивительно умная голова наша лягушка, – говорили они. – Даже между утками мало таких найдётся.

Она едва удержалась, чтобы не поблагодарить их, но, вспомнив, что, открыв рот, она свалится со страшной высоты, ещё крепче стиснула челюсти и решилась терпеть. Она болталась таким образом целый день: нёсшие её утки переменялись на лету, ловко подхватывая прутик. Это было очень страшно: не раз лягушка чуть было не квакала от страха, но нужно было иметь присутствие духа, и она его имела. Вечером вся компания остановилась в каком-то болоте; с зарёю утки с лягушкой снова пустились в путь, но на этот раз путешественница, чтобы лучше видеть, что делается на пути, прицепилась спинкой и головой

вперёд, а брюшком назад. Утки летели над сжатыми полями, над пожелтевшими лесами и над деревнями, полными хлеба в скирдах; оттуда доносился людской говор и стук цепов, которыми молотили рожь. Люди смотрели на стаю уток и, замечая в ней что-то странное, показывали на неё руками. И лягушке ужасно захотелось лететь поближе к земле, показать себя и послушать, что о ней говорят. На следующем отдыхе она сказала:

– Нельзя ли нам лететь не так высоко? У меня от высоты кружится голова, и я боюсь свалиться, если мне вдруг сделается дурно.

И добрые утки обещали ей лететь пониже. На следующий день они летели так низко, что слышали голоса.

– Смотрите, смотрите! – кричали дети в одной деревне. – Утки лягушку несут!

Лягушка услышала это, и у неё прыгало сердце.

– Смотрите, смотрите! – кричали в другой деревне взрослые. – Вот чудо-то!

«Знают ли они, что это придумала я, а не утки?» – подумала квакушка.

– Смотрите, смотрите! – кричали в третьей деревне. – Экое чудо! И кто это придумал такую хитрую штуку?

Тут лягушка уж не выдержала и, забыв всякую осторожность, закричала изо всей мочи:

– Это я! Я!

И с этим криком она полетела вверх тормашками на землю. Утки громко закричали; одна из них хотела подхватить бедную спутницу на лету, но промахнулась. Лягушка, дрыгая всеми четырьмя лапками, быстро падала на землю; но так как утки летели очень быстро, то и она упала не прямо на то место, над которым закричала и где была твёрдая дорога, а гораздо дальше, что было для неё большим счастьем, потому что она бултыхнулась в грязный пруд на краю деревни.

Она скоро вынырнула из воды и тотчас же опять сгоряча закричала во всё горло:

– Это я! Это я придумала!

Но вокруг неё никого не было. Испуганные неожиданным всплеском, местные лягушки все попрятались в воду. Когда они начали показываться из неё, то с удивлением смотрели на новую.

И она рассказала им чудную историю о том, как она думала всю жизнь и наконец изобрела новый, необыкновенный способ путешествия на утках; как у неё были свои собственные утки, которые носили её, куда ей было угодно; как она побывала на прекрасном юге, где так хорошо, где такие прекрасные тёплые болота и так много мошек и всяких других съедобных насекомых.

– Я заехала к вам посмотреть, как вы живёте, – сказала она. – Я пробуду у вас до весны, пока не вернутся мои утки, которых я отпустила.

Но утки уж никогда не вернулись. Они думали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалели её.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852–1912)

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (настоящая фамилия – Мамин) родился в 1852 году в семье заводского священника. Получил домашнее образование, после учился в Висимской школе для детей рабочих, после которой был принят в Екатеринбургское духовное училище. В 1868 году продолжил образование в Пермской духовной семинарии. В 1872 году Мамин-Сибиряк поступает в Петербургскую медико-хирургическую академию на ветеринарное отделение, через 4 года, не окончив курс, переходит на юридический факультет Петербургского университета. Однако, проучившись всего год, был вынужден оставить учебу из-за материальных трудностей и резкого ухудшения здоровья.

В 1877 году писатель возвращается на Урал; в следующем году умирает отец, и на плечи Мамина-Сибиряка ложится забота о семье. Чтобы дать образование братьям и сестре, семья переезжает в Екатеринбург. Здесь писатель женится, супруга становится ему другом и прекрасным советчиком по литературным вопросам.

Алёнушкины сказки (Присказка)

Баю-баю-баю…

Один глазок у Алёнушки спит, другой – смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое – слушает.

Спи, Алёнушка, спи, красавица, а папа будет рассказывать сказки. Кажется, все тут: и сибирский кот Васька, и лохматый деревенский пёс Постойко, и серая Мышка-норушка, и Сверчок за печкой, и пёстрый Скворец в клетке, и забияка Петух.

Спи, Алёнушка, сейчас сказка начинается. Вон уже в окно смотрит высокий месяц; вон косой заяц приковылял на своих валенках; волчьи глаза засветились желтоватыми огоньками, медведь Мишка сосёт свою лапу. Подлетел к самому окну старый Воробей, стучит носом о стекло и спрашивает: скоро ли? Все тут, все в сборе, и все ждут Алёнушкиной сказки.

Один глазок у Алёнушки спит, другой – смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое – слушает.

Баю-баю-баю…

Сказка про храброго Зайца – Длинные Уши, Косые Глаза, Короткий Хвост

Родился зайчик в лесу и всё боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнёт птица, упадёт с дерева ком снега – у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся год; а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

– Никого я не боюсь! – крикнул он на весь лес. – Вот не боюсь нисколько, и всё тут!

Собрались старые зайцы, сбежались маленькие зайчата, приплелись старые зайчихи, – все слушали, как хвастается Заяц – Длинные Уши, Косые Глаза, Короткий Хвост, – слушают и собственным ушам не верят. Не было ещё, чтобы заяц не боялся никого.

– Эй ты, Косой Глаз, ты и волка не боишься?

– И волка не боюсь, и лисицы, и медведя – никого не боюсь!

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки-зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной заяц!.. Ах, какой смешной! И всем вдруг сделалось весело.

Начали кувыркаться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

– Да что тут долго говорить! – кричал расхрабрившийся окончательно Заяц. – Ежели мне попадётся волк, так я его сам съем…

Ах, какой смешной заяц! Ах, какой он глупый!

Все видят, что и смешной, и глупый, и все смеются.

Кричат зайцы про волка, а волк – тут как тут.

Ходил он, ходил в лесу по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: «Вот бы хорошо зайчиком закусить!» – как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого волка, поминают.

Сейчас он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко подошёл волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше – хвастун Заяц – Косые Глаза, Длинные Уши, Короткий Хвост.

«Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем!» – подумал серый волк и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью.

А зайцы ничего не видят и веселятся пуще прежнего.

Кончилось тем, что хвастун Заяц взобрался на пенёк, уселся на задние лапки и заговорил:

– Слушайте вы, трусы! Слушайте и смотрите на меня. Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я… я… я…

Тут язык у хвастуна точно примёрз. Заяц увидел глядевшего на него волка.

Другие не видели, а он видел и не смел дохнуть.

Дальше случилась совсем необыкновенная вещь.

Заяц-хвастун подпрыгнул кверху, точно мячик, и со страха упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем прокатился по волчьей спине, перевернулся ещё раз в воздухе и потом задал такого стрекача, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил.

Ему всё казалось, что волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и замертво свалился под куст. А волк в это время бежал в другую сторону. Когда Заяц упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а этот был какой-то бешеный.

Долго не могли прийти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался за пенёк, кто завалился в ямку.

Наконец надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать, кто похрабрее.

– А ловко напугал волка наш Заяц! – решили все. – Если бы не он, так не уйти бы нам живыми. Да где же он, наш бесстрашный Заяц?

Начали искать.

Ходили, ходили, нет нигде храброго Зайца. Уж не съел ли его другой волк? Наконец-таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

– Молодец, косой! – закричали все зайцы в один голос. – Ай да косой!.. Ловко ты напугал старого волка. Спасибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь.

Храбрый Заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

– А вы как думали! Эх вы, трусы!..

С этого дня храбрый Заяц начал верить, что он действительно никого не боится. Баю-баю-баю…

Сказка про Воробья Воробеича и Ерша Ершовича

Воробей Воробеич и Ёрш Ершович жили в большой дружбе. Летом Воробей Воробеич прилетал к речке и кричал:

– Эй, брат, здравствуй!.. Как поживаешь?

– Ничего, живём помаленьку, – отвечал Ёрш Ершович. – Иди ко мне в гости. У меня, брат, хорошо в глубоких местах… Вода стоит тихо, всякой водяной травки сколько хочешь. Угощу тебя лягушачьей икрой, червячками, водяными козявками…

– Спасибо, брат! – говорит Воробей Воробеич. – Пошёл бы я к тебе в гости, да воды боюсь. Лучше уж ты прилетай ко мне в гости, на крышу… Я тебя, брат, ягодами буду угощать – у меня целый сад, а потом раздобудем и корочку хлебца, и овса, и сахару, и живого комарика. Ты ведь любишь сахар?

– А какой он? – спрашивает Ёрш Ершович.

– Белый такой…

– Как у нас галька в реке?

– Ну вот. А возьмёшь в рот – сладко. Твою гальку не съешь. Полетим сейчас на крышу?

– Нет, я не умею летать, да и задыхаюсь на воздухе. Вот лучше в воде поплавать вместе. Я тебе всё покажу.

Воробей Воробеич пробовал заходить в воду – по колени зайдёт, а дальше страшно делается. Так-то и утонуть можно!

Сказка про Комара Комаровича – Длинный Нос и про Мохнатого Мишу – Короткий Хвост

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в болото. Комар Комарович – Длинный Нос прикорнул под широкий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

– Ой, батюшки!.. Ой, караул!..

Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

– Что случилось?.. Что вы орёте?

А комары летают, жужжат, пищат – ничего разобрать нельзя.

– Ой, батюшки!.. Пришёл в наше болото медведь и завалился спать. Как лёг в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров; как дохнул – проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передавил.

Комар Комарович – Длинный Нос сразу рассердился и на медведя, и на глупых комаров, которые пищали без толку.

– Эй вы, перестаньте пищать! – крикнул он. – Вот я сейчас пойду и прогоню медведя… Очень просто! А вы орёте только напрасно…

Ещё сильнее рассердился Комар Комарович и полетел.

Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили испокон веку, развалился и носом сопит, только свист идёт, точно кто на трубе играет. Вот бессовестная тварь!.. Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ да ещё спит так сладко!

– Эй, дядя, ты куда это забрался? – закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз – никого не видно, открыл другой глаз – едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

– Тебе что нужно, приятель? – заворчал Миша и тоже начал сердиться: «Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит».

– Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!..

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно рассердился.

– Да что тебе нужно, негодная тварь? – зарычал он.

– Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю… Вместе с шубой тебя съем.

Медведю сделалось смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на всё болото:

– Ловко я напугал Мохнатого Мишку… В другой раз не придёт.

Подивились комары и спрашивают:

– Ну а сейчас-то медведь где?

– А не знаю, братцы. Сильно струсил, когда я ему сказал, что съем, если не уйдёт. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: съем. Боюсь, как бы он не околел со страху, пока я к вам летаю… Что же, сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили – как им быть с невежей-медведем. Никогда ещё в болоте не было такого страшного шума. Пищали, пищали и решили выгнать медведя из болота.

– Пусть идёт к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше… Ещё отцы и деды наши вот в этом самом болоте жили.

Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя в покое: пусть его полежит, а когда выспится – сам уйдёт; но на неё все так накинулись, что бедная едва успела спрятаться.

– Идём, братцы! – кричал больше всех Комар Комарович. – Мы ему покажем… Да!

Полетели комары за Комаром Комаровичем. Летят и пищат, даже самим страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

– Ну, я так и говорил: умер, бедняга, со страху! – хвастался Комар Комарович. – Даже жаль немножко, вон какой здоровый медведище.

– Да он спит, братцы, – пропищал маленький комаришка, подлетевший к самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.

– Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный! – запищали все комары разом и подняли ужасный гвалт. – Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам спит как ни в чём не бывало.

А Мохнатый Миша спит себе да носом посвистывает.

– Он притворяется, что спит! – крикнул Комар Комарович и полетел на медведя. – Вот я ему сейчас покажу!.. Эй, дядя, будет притворяться!

Как налетит Комар Комарович, как вопьётся своим длинным носом прямо в чёрный медвежий нос. Миша так и вскочил. Хвать лапой по носу, а Комара Комаровича как не бывало.

– Что, дядя, не понравилось? – пищит Комар Комарович. – Уходи, а то хуже будет… Я теперь не один Комар Комарович – Длинный Нос, а прилетели со мной и дедушка – Комарище – Длинный Носище, и младший брат – Комаришка – Длинный Носишко! Уходи, дядя!

– А я не уйду! – закричал медведь, усаживаясь на задние лапы. – Я вас всех передавлю!

– Ой, дядя, напрасно хвастаешь…

Опять полетел Комар Комарович и впился медведю прямо в глаз. Заревел медведь от боли, хватил себя лапой по морде, и опять в лапе ничего, только чуть глаз себе не вырвал когтем. А Комар Комарович вьётся над самым медвежьим ухом и пищит:

– Я тебя съем, дядя…

Рассердился окончательно Миша. Выворотил он вместе с корнем целую берёзу и принялся колотить ею комаров. Так и ломит со всего плеча… Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет – все вьются над ним и пищат. Тогда ухватил Миша тяжёлый камень и запустил им в комаров – опять толку нет.

– Что, взял, дядя? – пищал Комар Комарович. – А я тебя всё-таки съем…

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рёв. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней выворотил!.. Всё ему хотелось зацепить первого Комара Комаровича: ведь вот тут, над самым ухом, вьётся, а хватит медведь лапой – и опять ничего,

только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел наконец Миша. Присел он на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку – давай кататься по траве, чтобы передавить всё комариное царство. Катался, катался Миша, однако из этого ничего не вышло, а только ещё больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох – вышло того хуже.

Комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

– Постойте, вот я вам задам! – ревел он так, что за пять вёрст было слышно. – Я вам покажу штуку… Я… я… я…

Отступили комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ревёт:

– Ну-ка, подступитесь теперь ко мне… Всем носы пообломаю!..

Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на медведя уже всем войском. Пищат, кружатся, лезут… Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся – да как сорвётся с сука, точно мешок… Однако поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

– Ну что, взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?

Ещё тоньше засмеялись комары, а Комар Комарович так и трубит:

– Я тебя съем… я тебя съем… съем… съем!

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

– Охота вам, Михайло Иванович, беспокоить себя напрасно!.. Не обращайте вы на этих дрянных комаришек внимания. Не стоит.

– И то не стоит, – обрадовался медведь. – Я это так… Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я… я…

Как повернётся Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович – Длинный Нос летит за ним, летит и кричит:

– Ой, братцы, держите! Убежит медведь… Держите!

Собрались все комары, посоветовались и решили: «Не стоит! Пусть его уходит, – ведь болото-то осталось за нами!»

Лев Николаевич Толстой (1828–1910)

Лев Николаевич Толстой родился 9 сентября 1828 года в усадьбе Ясная Поляна. Предок писателя по отцовской линии был сподвижником Петра I и одним из первых в России получил

графский титул. По матери Толстой был родственником А.С. Пушкина.

Толстой рано осиротел, потеряв сначала мать, а затем и отца. Вместе с сестрой и тремя братьями он переезжает в Казань к тётке – одной из сестёр отца, – которая и стала их опекуншей. В Казани писатель два с половиной года готовится к поступлению в университет. Он успешно поступает и учится там с 1844 года сначала на восточном, а затем на юридическом факультете. Кроме того, Толстой изучает турецкий и татарский языки у известного профессора Казембека. Однако университет он не закончил, Толстого тяготили занятия, больше ему нравилось работать самостоятельно. Писатель уезжает на Кавказ, где в действующей армии служил его старший брат Николай. До 1856 года, когда Толстой вышел в отставку, он служит в армии. Впечатления от войн отразились в произведениях писателя.

После возвращения из армии Толстой отправляется в полугодичное заграничное путешествие – посещает Францию, Швейцарию, Италию и Германию.

В 1859 году Толстой открывает в Ясной Поляне школу для крестьянских детей, а затем помогает открыть ещё около 20 школ в окрестных деревнях.

Зайцы

Зайцы лесные по ночам кормятся корою деревьев, зайцы полевые – озимыми и травой, гуменники – хлебными зёрнами на гумнах. За ночь зайцы прокладывают по снегу глубокий, видный след. До зайцев охотники – и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяц ходил просто и прямо, то поутру его сейчас бы нашли по следу и поймали; но заяц труслив, и трусость спасает его.

Заяц ходит ночью по полям и лесам без страха и прокладывает прямые следы; но как только приходит утро, враги его просыпаются: заяц начинает слышать то лай собак, то визг саней, то голоса мужиков, то треск волка по лесу и начинает от страху метаться из стороны в сторону. Проскачет вперёд, испугается чего-нибудь – и побежит назад по своему следу. Ещё услышит что-нибудь – и со всего размаха прыгнет в сторону и поскачет прочь от прежнего следа. Опять стукнет что-нибудь – опять заяц повернётся назад и опять поскачет в сторону. Когда светло станет, он ляжет.

Наутро охотники начинают разбирать заячий след, путаются по двойным следам и далёким прыжкам и удивляются хитрости зайца. А заяц и не думал хитрить. Он только всего боится.

Филипок

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему:

– Куда ты, Филипок, собрался?

– В школу.

– Ты ещё мал, не ходи, – и мать оставила его дома.

Ребята ушли в школу. Отец ещё с утра уехал в лес, мать ушла на подённую работу. Остались в избе Филипок да бабушка на печке.

Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашёл, взял старую, отцовскую и пошёл в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филипп шёл по своей слободе, собаки не трогали его, они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчок. Филипок бросился бежать, собаки за ним. Филипок стал кричать, споткнулся и упал. Вышел мужик, отогнал собак и сказал:

– Куда ты, пострелёнок, один бежишь?

Филипок ничего не сказал, подобрал полы и пустился бежать во весь дух. Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе, слышно, гудят голоса ребят. На Филипка нашёл страх: что, как учитель меня прогонит? И стал он думать, что ему делать. Назад идти – опять собака заест, в школу идти – учителя боится.

Шла мимо школы баба с ведром и говорит:

– Все учатся, а ты что тут стоишь?

Филипок и пошёл в школу. В сенцах снял шапку и отворил дверь. Школа вся была полна ребят. Все кричали своё, и учитель в красном шарфе ходил посередине.

– Ты что? – закричал он на Филипка. Филипок ухватился за шапку и ничего не говорил.

– Да ты кто?

Филипок молчал.

– Или ты немой?

Филипок так напугался, что говорить не мог.

– Ну, так иди домой, коли говорить не хочешь.

А Филипок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал.

Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по голове и спросил ребят, кто этот мальчик.

– Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в школу,

да мать не пускает его, и он украдкой пришёл в школу.

– Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтоб пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уже знал и немножко читать умел.

– Ну-ка, сложи своё имя.

Филипок сказал:

– Хве-и-хви, ле-и-ли, пе-ок-пок.

Все засмеялись.

– Молодец, – сказал учитель. – Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал:

– Костюшка. Я бедовый, я сразу всё понял. Я страсть какой ловкий!..

Учитель засмеялся и сказал:

– Ты погоди хвалиться, а поучись.

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.

Страшный зверь

Мышка вышла гулять. Ходила по двору и пришла опять к матери.

– Ну, матушка, я двух зверей видела. Один страшный, а другой добрый.

Мать сказала:

– Скажи, какие эти звери.

Мышка сказала:

– Один страшный, ходит по двору вот так: ноги у него чёрные, гребешок красный, нос крючком. Когда я мимо шла, он открыл пасть, ногу поднял и стал кричать так громко, что я очень испугалась.

– Это петух, – сказала старая мышь, – его не бойся. Ну, а другой зверь?

– Другой лежал на солнышке и грелся. Шейка у него белая, ножки серые, гладкие, сам лижет свою белую грудку и хвостиком машет, на меня глядит.

Старая мышь сказала:

– Глупая ты. Вот это сам кот.

Лучше всех

На улице в толпе заблудилась маленькая девочка. Бегает, кричит, ищет свою маму. Народ спрашивает у неё: «Какая же твоя мама?» А девочка сквозь слёзы говорит: «Разве вы не знаете? Моя

мама та, что лучше всех».

Акула (Быль)

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный, с моря дул свежий ветер; но к вечеру погода изменилась: стало душно и точно из топлёной печки несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары. Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул: «Купаться!» – и в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе, они вздумали плавать наперегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и что было силы поплыли к тому месту, где был бочонок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать. Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему: «Не выдавай! понатужься!»

Вдруг с палубы кто-то крикнул: «Акула!» – и все мы увидали в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

– Назад! назад! вернитесь! акула! – закричал артиллерист. Но ребята не слыхали его, плыли дальше, смеялись и кричали ещё веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный как полотно, не шевелясь, смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в неё и, сгибая вёсла, понеслись что было силы к мальчикам; но они были ещё далеко от них, когда акула уже была не дальше 20-ти шагов.

Мальчики сначала не слыхали того, что им кричали, и не видали акулы; но потом один из них оглянулся, и мы все услыхали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он повернул хобот, прилёг к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидали, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза.

Но когда дым разошёлся над водою, со всех сторон послышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее, и, наконец, со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл лицо, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

Прыжок (Быль)

Один корабль обошёл вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было – она знала, что ею забавляются, и оттого ещё больше расходилась.

Она подпрыгнула к 12-летнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему, или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать её. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи. Мальчик погрозил ей и крикнул на неё, но она ещё злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по верёвке на первую перекладину; но обезьяна ещё ловчее и быстрее его, в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась ещё выше.

– Так не уйдёшь же ты от меня! – закричал мальчик и полез выше. Обезьяна опять подманила его, полезла ещё выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха. На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой за верёвку, повесила шляпу на край последней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было аршина два, так что достать её нельзя было иначе, как выпустить из рук верёвку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладину. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделывали обезьяна и капитанский сын; но как увидали, что он

пустил верёвку и ступил на перекладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться – и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошёл до края перекладины и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты. Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нёс ружьё, чтобы стрелять чаек. Он увидал сына на мачте и тотчас же прицелился в сына и закричал: «В воду! прыгай сейчас в воду! застрелю!» Мальчик шатался, но не понимал. «Прыгай или застрелю!.. Раз, два…» И как только отец крикнул: «три» – мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро, шлёпнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже 20 молодцов матросов спрыгнули с корабля в море. Секунд через 40 – они долги показались всем – вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидел это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтоб никто не видал, как он плачет.

Лев и собачка (Быль)

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусочек и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев ощетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ощетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1871)

Знаменитый русский педагог Константин Ушинский родился в 1824 году в Туле, позже вся семья переехала в небольшой уездный город Новгород-Северский. Всё детство Ушинского прошло там – в небольшом имении на берегу реки Десны.

Ушинский блестяще закончил юридический факультет Московского университета, именно там он почувствовал своё призвание к преподаванию. В течение многих лет Константин Дмитриевич преподаёт в нескольких лицеях – он улучшает систему, однако практически каждый раз вступает в конфликт с начальством. Его прогрессивные взгляды, эрудиция вызывают неприятие консервативных педагогов.

В 1862 году Ушинского направили на пять лет за границу для лечения и изучения школьного дела. За время своего путешествия педагог посетил Швейцарию, Германию, Францию, Бельгию и Италию, где изучал учебные заведения – женские школы, детские сады, приюты и школы, особенно в Германии и Швейцарии. В то время эти страны считались самыми передовыми в части новаций в педагогике.

Наше отечество

Наше отечество, наша родина – матушка Россия. Отечеством мы зовём Россию потому, что в ней жили испокон веку отцы и деды наши. Родиной мы зовём её потому, что в ней мы родились, в ней говорят родным языком, и всё в ней для нас родное; а матерью – потому, что она вскормила нас своим хлебом, вспоила своими водами, выучила своему языку; как мать, она защищает и бережёт нас от всяких врагов, а когда мы уснём навеки, она прикроет и кости наши.

Велика наша Родина-мать – святорусская земля! От запада к востоку тянется она почти на одиннадцать тысяч вёрст; а от севера к югу на четыре с половиною. Не в одной, а в двух частях света раскинулась Русь: в Европе и Азии…

Много есть на свете и кроме России всяких хороших государств и земель, но одна у человека родная мать – одна у него и родина.

Играющие собаки

Володя стоял у окна и смотрел на улицу, где грелась на солнышке большая собака Полкан.

К Полкану подбежал маленький Мопс и стал на него кидаться и лаять; хватал его зубами за огромные лапы, за морду и, казалось, очень надоедал большой и угрюмой собаке.

– Погоди-ка, вот она тебе задаст! – сказал Володя. – Проучит она тебя.

Но Мопс не переставал играть, а Полкан смотрел на него очень благосклонно.

– Видишь ли, – сказал Володе отец, – Полкан добрее тебя. Когда с тобою начнут играть твои маленькие братья и сёстры, то непременно дело кончится тем, что ты их приколотишь. Полкан же знает, что большому и сильному стыдно обижать маленьких и слабых.

Кто дерёт нос кверху

Спросил мальчик отца:

– Скажи мне, папа, отчего это иной колос так и гнётся к земле, а другой торчмя торчит?

– Который колос полон, – отвечает отец, – тот к земле гнётся, а который пустой, тот и торчит кверху.

Спор деревьев

Заспорили деревья промежду себя: кто из них лучше?

Вот дуб говорит:

– Я всем деревьям царь! Корень мой глубоко ушёл, ствол в три обхвата, верхушка в небо смотрится; листья у меня вырезные, а сучья будто из железа вылиты. Я не кланяюсь бурям, не гнусь перед грозою.

Услышала яблоня, как дуб хвастает, молвила:

– Не хвастай много, дубище, что ты велик и толст, зато растут на тебе одни жёлуди, свиньям на потеху; а моё румяное яблочко и на царском столе бывает.

Слушает сосенка, иглистой верхушкой качает.

– Погодите, – говорит, – похваляться; вот придёт зима, и будете вы оба стоять голенёшеньки, а на мне всё же останутся мои зелёные колючки; без меня в холодной стороне житья бы людям не было; я им и печки теплю, и избы строю.

Два козлика

Два упрямых козлика встретились однажды на узком бревне, переброшенном через ручей. Обоим рядом перейти ручей было невозможно; приходилось которому-нибудь воротиться назад, дать дорогу другому и обождать.

– Уступи мне дорогу, – сказал один.

– Вот ещё! Поди-ка ты, какой важный барин, – отвечал другой, – пяться назад, я первый взошёл на мост.

– Нет, брат, я гораздо старше тебя годами, и мне уступить молокососу! Ни за что!

Тут оба, долго не думавши, столкнулись крепкими лбами, сцепились рогами и, упираясь тоненькими ножками в колоду, стали драться. Но колода была мокра: оба упрямца поскользнулись и полетели прямо в воду.

Два плуга

Из одного и того же куска железа и в одной и той же мастерской были сделаны два плуга. Один из них попал в руки земледельца и немедленно пошёл в работу, а другой долго и совершенно бесполезно провалялся в лавке купца. Случилось через несколько времени, что оба земляка опять встретились. Плуг, бывший у земледельца, блестел, как серебро, и был даже ещё лучше, чем в то время, когда он только что вышел из мастерской; плуг же, пролежавший без всякого дела в лавке, потемнел и покрылся ржавчиной. «Скажи, пожалуйста, отчего ты

так блестишь?» – спросил заржавевший плуг у своего старого знакомца. «От труда, мой милый, – отвечал тот, – а если ты заржавел и сделался хуже, чем был, то потому, что всё это время ты пролежал на боку, ничего не делая».

Мороз не страшен

Обидно зиме, что даже маленькие ребятишки, и те не боятся её сильных морозов! Катаются на коньках да на санках, в снежки играют, снежных баб лепят, горы строят, водой их поливают, да ещё просят мороза: «Приди-ка, помоги!» Ущипнула зима одного мальчугана за ухо, другого за нос, третьего за щёку. Щека даже побелела. А мальчик схватил снегу, давай тереть. И лицо стало красное, как огонь.

Кот Васька

Васька – котик-коток. Васька – серый лобок.

У Васютки ушки чутки, усы длинны, шубка шёлковая. Глазки огневые, когти стальные.

Ласков Васька и хитёр: спинку выгибает, хвостиком виляет, глазки закрывает: днём на солнышке лежит да всё сказки говорит; ночью бродит на охоту: мышек сторожит.

Плутишка-кот

Жили-были на одном дворе кот, козёл да баран. Жили они дружно, сена клок и то пополам; а коли вилы в бок, так одному коту Ваське. Он такой вор и разбойник: где что плохо лежит, туда и глядит. Вот идёт раз кот-мурлышка, серый лобишко; идёт да таково жалобно плачет.

Спрашивают кота козёл да баран:

– Котик-коток, серенький лобок! О чём ты плачешь, на трёх ногах скачешь?

Отвечает им Вася:

– Как мне не плакать? Била меня баба, била; уши выдирала, ноги поломала, да ещё удавку на меня припасла.

– А за что же на тебя такая беда пришла? – спрашивают козёл да баран.

– Эх-эх! За то, что нечаянно сметанишку слизал!

– Поделом вору и му́ка, – говорит козёл, – не воруй сметаны!

Вот кот опять плачет:

– Била меня баба, била; била, приговаривала: придёт ко мне

зять, где сметаны будет взять? Поневоле придётся козла да барана резать.

Заревели тут козёл да баран:

– Ах ты, серый ты кот, бестолковый твой лоб! За что ты нас-то сгубил?

Стали они судить да рядить, как бы им беды великой избыть, – и порешили тут же: всем троим бежать. Подстерегли, как хозяйка не затворила ворот, и ушли.

Долго бежали кот, козёл да баран по долам, по горам, по сыпучим пескам; пристали и порешили заночевать на скошенном лугу; а на том лугу стога, что города, стоят.

Ночь была тёмная, холодная: где огня добыть? А котишка-мурлышка уже достал бересты, обернул козлу рога и велел ему с бараном лбом столкнуться. Стукнулись козёл с бараном, искры из глаз посыпались: береста так и запылала.

– Ладно, – молвил серый кот, – теперь обогреемся! – да недолго думавши и зажёг целый стог сена.

Не успели они ещё порядком обогреться, как жалует к ним незваный гость – Михайло Потапыч Топтыгин.

– Пустите, – говорит, – братцы, обогреться да отдохнуть; что-то мне неможется.

– Добро пожаловать, Михайло Потапыч, – говорит котик. – Откуда идёшь?

– Ходил на пчельник, – говорит медведь, – пчёлок проведать, да подрался с мужиками, оттого и хворость прикинулась.

Вот стали они все вместе ночку коротать: козёл да баран у огня, мурлышка на стог сена залез, а медведь под стог забился.

Заснул медведь; козёл да баран дремлют; один мурлыка не спит и всё видит. И видит он: идут семь волков серых, один белый – и прямо к огню.

– Фу-фу! Что за народ такой? – говорит белый волк козлу да барану. – Давай силу пробовать.

Заблеяли тут со страху козёл да баран; а котишка – серый лобишко повёл такую речь:

– Ах ты, белый волк, над волками князь! Не гневи ты нашего старшего: он, помилуй бог, сердит! Как расходится – никому несдобровать! Аль не видишь у него бороды: в ней-то вся и сила; бородой он всех зверей побивает, рогами только кожу сымает. Лучше подойдите да честью попросите: хотим-де поиграть с твоим меньшим братцем, что под стогом спит.

Волки на том козлу кланялись; обступили Мишу и ну заигрывать. Вот Миша крепился-крепился, да как хватит на каждую лапу по волку, так запели они лазаря[9]. Выбрались волки из-под стога еле живыми и, поджав хвосты, – давай бог ноги!

Козёл же да баран, пока медведь с волками расправлялся, подхватили мурлышку на спину и поскорее домой! «Полно, – говорят, – без пути таскаться, ещё не такую беду наживём».

Старик и старушка были рады-радёшеньки, что козёл с бараном домой воротились; а котишку-мурлышку ещё за плутни выдрали.

Утренние лучи

Выплыло на небо красное солнышко и стало рассылать повсюду свои золотые лучи – будить землю.

Первый луч полетел и попал на жаворонка. Встрепенулся жаворонок, выпорхнул из гнёздышка, поднялся высоко-высоко и запел серебряную песенку: «Ах, как хорошо в свежем утреннем воздухе! Как хорошо! Как привольно!»

Второй луч попал на зайчика. Передёрнул ушами зайчик и весело запрыгал по росистому лугу: побежал он добывать себе сочной травки на завтрак.

Третий луч попал в курятник. Петух захлопал крыльями и запел: «Ку-ку-реку!» Куры слетели с нашестей, закудахтали, стали разгребать сор и червяков искать.

Четвёртый луч попал в улей. Выползла пчёлка из восковой кельи, села на окошечко, расправила крылья и – зум-зум-зум! Полетела собирать медок с душистых цветов.

Пятый луч попал в детскую, на постельку к маленькому лентяю: режет ему прямо в глаза, а он повернулся на другой бок и опять заснул.

Антон Павлович Чехов (1860–1904)

Замечательный русский писатель Антон Павлович Чехов родился в Таганроге в семье купца 3-й гильдии. Учился в греческой школе, затем в гимназии. Параллельно помогал отцу в бакалейной лавке. В 1879 году Чехов уехал в Москву и поступил на медицинский факультет Московского университета.

Писать рассказы Чехов начал в студенческом возрасте. Первая книга его рассказов вышла в 1884 году – в год окончания им университета. После университета писатель серьёзно занимается медицинской практикой и одновременно продолжает писать. Постепенно упрочившееся материальное положение позволило ему купить имение Мелихово.

Весной (отрывок)

С земли ещё не сошёл снег, а в душу уже просится весна… Земля холодна, грязь со снегом хлюпает под ногами, но как кругом всё весело, ласково, приветливо!

Воздух так ясен и прозрачен, что если взобраться на голубятню или на колокольню, то, кажется, увидишь всю вселенную от края до края. Солнце светит ярко, и лучи его, играя и улыбаясь, купаются в лужах вместе с воробьями.

Речка надувается и темнеет; она уже проснулась и не сегодня-завтра заревёт. Деревья голы, но уже живут, дышат.

В такое время хорошо гнать метлой или лопатой грязную воду в канавах, пускать по воде кораблики или долбить каблуками упрямый лёд. Хорошо также гонять голубей под самую высь поднебесную или лазить на деревья и привязывать там скворечни. Да, всё хорошо в это счастливое время года, в особенности, если вы молоды, любите природу…

Поэзия

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)

Жуковский Василий Андреевич родился в 1783 году в Тульской губернии. Из тульского пансиона был отчислен за неуспеваемость. Но в 14 лет Жуковский поступил в московский благородный университетский пансион, который окончил с серебряной медалью.

В 1812 году он вступил в московское ополчение и участвовал в боях. В конце 1812 года Жуковский получает награду за Бородино – боевой орден Святой Анны 2-й степени. В это же время он публикует поэму «Певец во стане русских воинов», которая прославила имя Жуковского по всей России больше, чем все его предыдущие труды.

По просьбе семьи Гончаровых пытался не допустить дуэли между Пушкиным и Дантесом. Вечером 27 января 1837 года Жуковский получает известие о дуэли и смертельном ранении Пушкина и до кончины поэта почти неотлучно находится в его квартире. После смерти Пушкина становится опекуном детей поэта и, по словам современников, «ангелом-хранителем» семьи.

Цветок

Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокий,
Лишён ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! нам тот же дан удел,
И тот же рок нас угнетает:
С тебя листочек облетел —
От нас веселье отлетает.

Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье.
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри… очарованья нет;
Звезда надежды угасает…
Увы! кто скажет: жизнь иль цвет

Быстрее в мире исчезает?

Иван Андреевич Крылов (1769–1844)

Иван Андреевич Крылов родился зимой 1769 года в Москве в семье бедного армейского капитана. По долгу службы семья часто меняла место своего жительства. Вскоре после рождения сына семья переехала в Оренбург. А когда отец вышел в отставку, семья поселилась в Твери. Грамоте Крылов выучился дома, французским языком занимался в семействе состоятельных соседей. Отец очень рано умер. Мать с двумя маленькими детьми осталась без средств к существованию. Крылову с десяти лет пришлось работать – его определяют переписчиком казённых бумаг. Став постарше, он любит бродить по торговым площадям, любит кулачные бои, народные забавы. Ему особенно нравится народная речь, пересыпанная прибаутками.

Когда положение становится совсем тяжёлым, семья принимает решение ехать в Петербург, хлопотать о пенсии. В столице тоже ничего не удалось добиться, но для Крылова нашлось место канцеляриста в Казённой палате. Уже в это время Крылов начинает сочинять. Правда, первые произведения для большой публики прошли совершенно незамеченными.

В 1801 году в Петербурге впервые была поставлена на сцене пьеса Крылова «Пирог», которая имела успех. В это же время появляются первые переводы басен Лафонтена. В 1809 году вышел в свет первый сборник басен Крылова, принесший ему известность. Язык его басен был таким ярким и остроумным, что многие строки стали поговорками.

Волк и кот

Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
Кота
И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?

Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!
Все это ведь за мной». – «Проси скорей Степана;
Мужик предобрый он», – Кот-Васька говорит.
«То так; да у него я ободрал барана»,
«Ну, попытайся ж у Демьяна». —
«Боюсь, что на меня и он сердит:
Я у него унёс козлёнка». —
«Беги ж, вон там живёт Трофим». —
«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:
Он на меня с весны грозится за ягнёнка!»
«Ну, плохо ж! – Но авось тебя укроет Клим!»
«Ох, Вася, у него зарезал я телёнка!»
«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил, —
Сказал тут Васька Волку. —
Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужичках не столько мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы, – сам себя вини:
Что ты посеял – то и жни».

Ворона и лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.
Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да призадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие пёрушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, —
Ведь ты б у нас была царь-птица!»

Вещуньина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье спёрло, —
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

Зеркало и обезьяна

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка, – говорит, – кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у неё ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на неё хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть». —
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» —
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

* * *

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)

Русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве, в доме напротив Красных ворот. Бабушка поэта страстно любила внука и прилагала все усилия, чтобы дать не отличавшемуся хорошим здоровьем мальчику всё самое лучшее. Маленький Миша был достаточно болезненным ребёнком, поэтому его возили лечиться на Кавказ. Он был очарован и пленён этим

краем, с которым судьба ещё не раз сведёт его в будущем.

В 1827 году Лермонтов вместе с бабушкой едет в Москву, где поступает в пансион. В этот же год он пишет первые стихи. Спустя три года Лермонтов поступает в Московский университет на нравственно-политическое отделение. Однако со студентами не сходится, а больше тяготеет к светскому обществу. Университет поэт не закончил – профессора, помня его дерзкие выходки во время учебы, срезали его на публичных экзаменах, а остаться на второй год Лермонтов не захотел.

Как вспоминали современники, Лермонтов был очень вспыльчивым и закрытым человеком. Далеко не каждому удавалось распознать его истинную личность при первом знакомстве. Запальчивый и не умеющий скрывать своих чувств, Лермонтов нередко становился участником дуэлей и скандалов. Одна из дуэлей – с Мартыновым – стала причиной гибели поэта.

«Спи, младенец мой прекрасный…»

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползёт на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой – старый воин,
Закалён в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.
Сам узнаешь, будет время,
Бранное житьё;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмёшь ружьё.
Я седельце боевое
Шёлком разошью…
Спи, дитя моё родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.

Провожать тебя я выйду —
Ты махнёшь рукой…
Сколько горьких слёз украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю…
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.
Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою…
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Горные вершины (Из Гёте)

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;

Не пылит дорога,
Не дрожат листы…
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.

Два великана

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далёких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нём рассказ;
И померяться главами

Захотелось им хоть раз.
И пришёл с грозой военной
Трёхнедельный удалец, —
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел – тряхнул главою…
Ахнул дерзкий – и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

Аполлон Николаевич Майков (1821–1897)

Родился 23 мая (4 июня) 1821 года в Москве в семье, происходившей из старинного дворянского рода. Его отец был известным художником. Детские годы прошли в московском доме и подмосковном имении, которые часто посещали художники и литераторы. Писать стихи Аполлон Майков начал с пятнадцати лет, но в выборе призвания долго колебался между живописью и поэзией.

В 1834 году семья переселяется в Петербург. Майков учится на юридическом факультете Петербургского университета, но не оставляет и литературных занятий. После окончания университета служит в Министерстве финансов. Но в 1842 году отправляется в путешествие за границу: он едет в Италию, Париж, Дрезден, Прагу.

В 1844 году Аполлон Майков возвращается в Россию. Сначала работает помощником библиотекаря при Румянцевском музее, затем переходит в петербургский комитет иностранной цензуры.

Его первый поэтический сборник вышел в 1842 году и имел большой успех.

«Ласточка примчалась…»

Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:
Как, февраль, не злися,
Как ты, март, не хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик —
Всё весною пахнет!

Весна

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
А подле сквозистый,
Последний снежок…

Последние слёзы
О горе былом
И первые грёзы
О счастье ином…

Летний дождь

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождём…
– Полноте, дети, его мы сберём,
Только сберём золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877)

Некрасов родился на Украине. Мальчику не было и трёх лет, когда его отец перевёз семью в деревню Грешнево Ярославской губернии. В 10 лет Некрасов поступил в ярославскую гимназию, где дошёл до 5-го класса. Учился он плохо, занятия большей частью прогуливал вместе со старшим братом Андреем. Отец всегда мечтал о военной карьере для сына, и 16-летний Некрасов отправился в Петербург для определения в дворянский полк.

Однако в Петербурге встреча с гимназическим товарищем и знакомство с другими студентами возбудили в юном Некрасове такую жажду учиться, что он отказывается от военной службы и

начинает готовиться к вступительному экзамену в Петербургский университет. Отец отказывается помогать сыну. Некрасов учится на филологическом факультете, терпит страшную нужду, не каждый день имеет возможность обедать. Чтобы хоть как-то выжить, Некрасов брался за любую работу: давал уроки, писал статьи в газеты, сочинял сказки в стихах.

Скоро Некрасов публикует свои первые произведения. А через некоторое время он выкупил и возглавил журнал «Современник», который считался лучшим и наиболее распространённым из журналов того времени.

Генерал Топтыгин

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Мужичок обратный:
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщичок
Вожака с медведем:
«Посади нас, паренёк,
Веселей поедем!» —
«Что ты? с мишкой?» – «Ничего!

Он у нас смиренный,
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!» —
«Ну садитесь!» – Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам – и потрусил
Полегоньку Федя…
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!» —
Говорит медведю.

И пошли. Медведь смирён,
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями…

Час проходит; нет ребят,
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошадёнки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч,
Кони дёрнули; стряслась
Тут беда большая —
Рявкнул мишка! – понеслась
Тройка, как шальная!

Колокольчик услыхал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно – не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка – и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;

Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин-генерал
Едет на берлогу!»
Вздрогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх —
Не передохнули!
Вёрст пятнадцать на весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая;
Ладит вывернуть кольцо
Вот и стала тройка;

Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко;
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит – барин материк,
«Генерал», – смекает.
Поспешил фуражку снять:

«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Исусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»

Прибежали ямщики
Подивились тоже:
Видят – дело не с руки,
Что-то тут негоже!
Собрался честной народ,
Всё село в тревоге;
«Генерал в санях ревёт,
Как медведь в берлоге!»

Трус бежит, а кто смелей,
Те – потехе ради —
Жмутся около саней;

А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
«В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит…
Убежал смотритель!
Оробел и убежал,
И со всею свитой…

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый

И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной…
А смотритель обругал
Ямщика скотиной…

Перед дождём

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес,
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет тёмный лес.

На ручей, рябой и пёстрый,
За листком летит листок,
И струёй сухой и острой
Набегает холодок.

Полумрак на всё ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «пошёл!» – привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит…

Иван Саввич Никитин (1824–1861)

Родился Иван Саввич в Воронеже 21 октября 1824 года в мещанской семье. Учился в духовном училище и семинарии, где у него пробудился интерес к литературе, в это же время начинает писать первые стихи. Отец, вначале довольно состоятельный торговец, рассчитывал послать сына в университет, но дела его расстроились, и Никитин вынужден был помогать отцу. Одновременно он занимался самообразованием, изучая французский и немецкий языки, а также произведения русских и зарубежных писателей.

В 1844 году отец Никитина купил на улице Кирочной постоялый двор и поселился с сыном здесь. Однако пьянство и буйный характер отца привели семью к разорению, вынудившему Никитина стать содержателем постоялого двора.

Русь

Под большим шатром
Голубых небес —
Вижу – даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше тёмных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг —
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся.

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу —

Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лёд
Ходит по морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную…

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в чёрный день
Низко кланялась?

На полях своих
Под курганами
Положила ты
Татар полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой
И дала урок
Ляху гордому.

И давно ль было,
Когда с запада
Облегла тебя
Туча тёмная?

Под грозой её
Леса падали,
Мать-сыра земля
Колебалася.

И зловещий дым
От горевших сёл
Высоко вставал
Чёрным облаком!

Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глухих степях
Под сугробами
Улеглися спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову.

Встреча зимы

Поутру вчера дождь
В стёкла окон стучал,
Над землёю туман
Облаками вставал.

Веял холод в лицо
От угрюмых небес,
И, Бог знает о чём,
Плакал сумрачный лес.

В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух лёгок и чист,
И замёрзла река.

На дворах и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнём.

На безлюдный простор
Побелевших полей
Смотрит весело лес
Из-под чёрных кудрей,

Словно рад он чему, —
И на ветках берёз,
Как алмазы, горят
Капли сдержанных слёз.

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

Есть раздолье у нас, —
Где угодно гуляй;
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать, —
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!

Искони уж таков
Православный народ:
Летом, смотришь, жара —
В полушубке идёт.

Жгучий холод пахнул —
Всё равно для него:
По колени в снегу,
Говорит: «Ничего!»

В чистом поле метель
И крутит, и мутит, —
Наш степной мужичок
Едет в санках, кряхтит:

«Ну, соколики, ну!
Выносите, дружки!»
Сам сидит и поёт:
«Не белы-то снежки!..»

Да и нам ли подчас
Смерть не встретить шутя,
Если к бурям у нас
Привыкает дитя?

Когда мать в колыбель
На ночь сына кладёт,
Под окном для него
Песни вьюга поёт.

И разгул непогод
С ранних лет ему люб,
И растёт богатырь,
Что под бурями дуб.

Рассыпай же, зима,
До весны золотой
Серебро по полям
Нашей Руси святой!

И случится ли, к нам
Гость незваный придёт
И за наше добро
С нами спор заведёт —

Уж прими ты его
На сторонке чужой,
Хмельный пир приготовь,
Гостю песню пропой;

Для постели ему
Белый пух припаси
И метелью засыпь
Его след на Руси!

Алексей Николаевич Плещеев (1825–1893)

Родился поэт 22 ноября 1825 года в Костроме в обедневшей дворянской семье, принадлежавшей к старинному роду. Детские годы прошли в Нижнем Новгороде, где служил отец. До тринадцати лет мальчик учился дома и получил хорошее образование, овладев тремя языками.

В 1839 году вместе с матерью переселяется в Петербург, учится в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, а затем в Петербургском университете. В студенческие годы определился его интерес к литературе и театру, а также к истории и политической экономии.

В 1849 году по доносу поэт был арестован и провёл восемь месяцев в Петропавловской крепости, после был приговорён к смертной казни, однако по указу Николая I сначала был приговорён к каторге, лишению «всех прав состояния» и затем переведён рядовым в Уральск. В 1853 году по собственной просьбе принял участие в штурме крепости Ак-Мечеть, за храбрость был произведён в унтер-офицеры, в мае 1856 года получил чин прапорщика и смог перейти на гражданскую службу. Только спустя 10 лет после долгих хлопот он смог вернуть потомственное дворянство.

Плещеева называли поэтом с романсовой стихотворной речью. На его стихи было написано около ста романсов и песен – Н.А. Римским-Корсаковым, М.П. Мусоргским, Ц.А. Кюи, А.Т. Гречаниновым, С.В. Рахманиновым, П.И. Чайковским.

В бурю

Комнату лампада
Кротко озаряла;
Мать, над колыбелью
Наклонясь, стояла.

А в саду сердито
Выла буря злая,
Над окном деревья
Тёмные качая.

И колючей веткой
Ель в стекло стучала,
Как стучит порою
Путник запоздалый.

Дождь шумел; раскаты
Слышалися грома;
И гремел, казалось,
Он над крышей дома.

На малютку сына
Нежно мать глядела;
Колыбель качая,
Тихо песню пела:

«Ах! уймись ты, буря!
Не шумите, ели!
Мой малютка дремлет
Сладко в колыбели.

Ты, гроза господня,
Не буди ребёнка;
Пронеситесь, тучи
Чёрные, сторонкой!

Бурь ещё немало
Впереди, быть может,

И не раз забота
Сон его встревожит».

Спи, дитя, спокойно…
Вот гроза стихает;
Матери молитва
Сон твой охраняет.

Завтра, как проснёшься
И откроешь глазки,
Снова встретишь солнце,
И любовь, и ласки!

Старик

У лесной опушки домик небольшой
Посещал я часто прошлою весной.

В том домишке бедном жил седой лесник.
Памятен мне долго будешь ты, старик.

Как приходу гостя радовался ты!
Вижу как теперь я добрые черты…

Вижу я улыбку на лице твоём —
И морщинкам мелким нет числа на нём!

Вижу армячишко рваный на плечах,
Шапку на затылке, трубочку в зубах;

Помню смех твой тихий, взгляд потухших глаз,
О житье минувшем сбивчивый рассказ.

По лесу бродили часто мы вдвоём;
Старику там каждый кустик был знаком.

Знал он, где какая птичка гнёзда вьёт,
Просеки, тропинки знал наперечёт.

А какой охотник был до соловьёв!
Всю-то ночь, казалось, слушать он готов,

Как в зелёной чаще песни их звучат;

И ещё любил он маленьких ребят.

На своём крылечке сидя, каждый день
Ждёт, бывало, деток он из деревень.

Много их сбегалось к деду вечерком;
Щебетали, словно птички перед сном:

«Дедушка, голубчик, сделай мне
свисток».
«Дедушка, найди мне беленький грибок».

«Ты хотел мне нынче сказку рассказать».
«Посулил ты белку, дедушка, поймать».

– Ладно, ладно, детки, дайте только срок,
Будет вам и белка, будет и свисток!

И, смеясь, рукою дряхлой гладил он
Детские головки, белые, как лён.

Ждал поры весенней с нетерпеньем я:
Думал, вот приеду снова в те края

И отправлюсь к другу старому скорей.
Он навстречу выйдет с трубочкой своей.

И начнёт о сельских новостях болтать.
По лесу бродить с ним будем мы опять.

Слушая, как в чаще свищут соловьи…
Но, увы! желанья не сбылись мои.

Как с деревьев падать начал лист сухой,
Смерть подкралась к деду тихою стопой.

Одинок угас он в домике своём,
И горюют детки больше всех по нём.

«Кто поймает белку, сделает свисток?»
Долго будет мил им добрый старичок.

И где спит теперь он непробудным сном,
Часто голоса их слышны вечерком…

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)

Родился 26 мая (6 июня н.с.) в Москве, в Немецкой слободе. Отец, Сергей Львович, принадлежал к старинному дворянскому роду; мать, Надежда Осиповна, урождённая Ганнибал, была внучкой Абрама Петровича Ганнибала – «арапа Петра Великого».

Воспитанный французскими гувернёрами, из домашнего обучения Пушкин вынес только прекрасное знание французского и любовь к чтению. Любовь к родному языку ему привили бабушка, Мария Алексеевна Ганнибал, превосходно говорившая и писавшая по-русски (явление редкое в дворянских семьях того времени), и няня Арина Родионовна. Раннему развитию литературных склонностей Пушкина способствовали литературные вечера в доме Пушкиных, где собирались видные писатели.

В 1811 году Пушкин поступил в только что открытый Царскосельский лицей – привилегированное учебное заведение, предназначенное для подготовки по специальной программе высших государственных чиновников из детей дворянского сословия. Здесь Пушкин впервые почувствовал себя Поэтом: талант его был признан товарищами по лицею.

После окончания лицея Пушкин был определён на службу в Коллегию иностранных дел, где не работал и дня, всецело отдавшись творчеству. Позже он был сослан на юг России за то, что «наводнил Россию возмутительными стихами». Николай I объявил Пушкину, что сам будет его цензором.

В 1828 году Пушкин безуспешно просил разрешения поехать на Кавказ или за границу. В то же самое время поэт сватается к Н. Гончаровой, первой красавице Москвы, и, не получив определенного ответа, самовольно уезжает на Кавказ.

Сказка о Попе и работнике его Балде

Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошёл поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идёт, сам не зная куда.
«Что, батька, так рано поднялся?
Чего ты взыскался?»
Поп ему в ответ: «Нужен мне работник:

Повар, конюх и плотник.
А где найти мне такого
Служителя не слишком дорогого?»
Балда говорит: «Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу,
Есть же мне давай варёную полбу»[10].
Призадумался поп,
Стал себе почёсывать лоб.
Щёлк щелку ведь розь.
Да понадеялся он на русский авось.
Поп говорит Балде: «Ладно.
Не будет нам обоим накладно.
Поживи-ка на моём подворье,
Окажи своё усердие и проворье».
Живёт Балда в поповом доме,
Спит себе на соломе,
Ест за четверых,
Работает за семерых;
До светла всё у него пляшет,
Лошадь запряжёт, полосу вспашет,
Печь затопит, всё заготовит, закупит,
Яичко испечёт да сам и облупит.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балде лишь и печалится,
Попёнок зовёт его тятей;
Кашу заварит, нянчится с дитятей.
Только поп один Балду не любит,
Никогда его не приголубит,
О расплате думает частенько;
Время идёт, и срок уж близенько.
Поп ни ест, ни пьет, ночи не спит:
Лоб у него заране трещит.
Вот он попадье признаётся:
«Так и так: что делать остаётся?»
Ум у бабы догадлив,
На всякие хитрости повадлив.
Попадья говорит: «Знаю средство,
Как удалить от нас такое бедство:
Закажи Балде службу, чтоб стало ему невмочь;
А требуй, чтоб он её исполнил точь-в-точь.
Тем ты и лоб от расправы избавишь
И Балду-то без расплаты отправишь».
Стало на сердце попа веселее,

Начал он глядеть на Балду посмелее.
Вот он кричит: «Поди-ка сюда,
Верный мой работник Балда.
Слушай: платить обязались черти
Мне оброк по самой моей смерти;
Лучшего б не надобно дохода,
Да есть на них недоимки за три года.
Как наешься ты своей полбы,
Собери-ка с чертей оброк мне полный».
Балда, с попом понапрасну не споря,
Пошёл, сел у берега моря;
Там он стал верёвку крутить
Да конец её в море мочить.
Вот из моря вылез старый Бес:
«Зачем ты, Балда, к нам залез?»
– Да вот верёвкой хочу море морщить,
Да вас, проклятое племя, корчить. —
Беса старого взяла тут унылость.
«Скажи, за что такая немилость?»
– Как за что? Вы не плотите оброка,
Не помните положенного срока;
Вот ужо будет вам потеха,
Вам, собакам, великая помеха. —
«Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброк сполна ты получишь вскоре.
Погоди, вышлю к тебе внука».
Балда мыслит: «Этого провести не штука!»
Вынырнул подосланный бесёнок,
Замяукал он, как голодный котёнок:
«Здравствуй, Балда мужичок;
Какой тебе надобен оброк?
Об оброке век мы не слыхали,
Не было чертям такой печали.
Ну, так и быть – возьми, да с уговору,
С общего нашего приговору —
Чтобы впредь не было никому горя:
Кто скорее из нас обежит около моря,
Тот и бери себе полный оброк,
Между тем там приготовят мешок».
Засмеялся Балда лукаво:
«Что ты это выдумал, право?
Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою?
Экого послали супостата!

Подожди-ка моего меньшого брата».
Пошёл Балда в ближний лесок,
Поймал двух зайков, да в мешок.
К морю опять он приходит,
У моря бесёнка находит.
Держит Балда за уши одного зайку:
«Попляши-тка ты под нашу балалайку:
Ты, бесёнок, ещё молодёнек,
Со мною тягаться слабёнек;
Это было б лишь времени трата.
Обгони-ка сперва моего брата.
Раз, два, три! догоняй-ка».
Пустились бесёнок и зайка:
Бесёнок по берегу морскому,
А зайка в лесок до дому.
Вот, море кругом обежавши,
Высунув язык, мордку поднявши,
Прибежал бесёнок, задыхаясь,
Весь мокрёшенек, лапкой утираясь,
Мысля: дело с Балдою сладит.
Глядь – а Балда братца гладит,
Приговаривая: «Братец мой любимый,
Устал, бедняжка! отдохни, родимый».
Бесёнок оторопел,
Хвостик поджал, совсем присмирел.
На братца поглядывает боком.
«Погоди, – говорит, – схожу за оброком».
Пошёл к деду, говорит: «Беда!
Обогнал меня меньшой Балда!»
Старый Бес стал тут думать думу.
А Балда наделал такого шуму,
Что всё море смутилось
И волнами так и расходилось.
Вылез бесёнок: «Полно, мужичок,
Вышлем тебе весь оброк —
Только слушай. Видишь ты палку эту?
Выбери себе любимую мету.
Кто далее палку бросит,
Тот пускай и оброк уносит.
Что ж? боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждёшь?» – «Да жду вон этой тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну с вами, чертями, свалку».
Испугался бесёнок да к деду,

Рассказывать про Балдову победу,
А Балда над морем опять шумит
Да чертям верёвкой грозит.
Вылез опять бесёнок: «Что ты хлопочешь?
Будет тебе оброк, коли захочешь…»
– Нет, говорит Балда, —
Теперь моя череда,
Условия сам назначу,
Задам тебе, вражёнок, задачу.
Посмотрим, какова у тебя сила.
Видишь, там сивая кобыла?
Кобылу подыми-тка ты,
Да неси её полверсты;
Снесёшь кобылу, оброк уж твой;
Не снесёшь кобылы, ан будет он мой. —
Бедненькой бес
Под кобылу подлез,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул,
На третьем упал, ножки протянул.
А Балда ему: «Глупый ты бес,
Куда ж ты за нами полез?
И руками-то снести не смог,
А я, смотри, снесу промеж ног».
Сел Балда на кобылку верхом,
Да версту проскакал, так что пыль столбом.
Испугался бесёнок и к деду
Пошёл рассказывать про такую победу.
Делать нечего – черти собрали оброк
Да на Балду взвалили мешок.
Идёт Балда, покрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тут отыскал,
Отдал оброк, платы требовать стал.
Бедный поп
Подставил лоб:
С первого щелка
Прыгнул поп до потолка;
Со второго щелка
Лишился поп языка;
А с третьего щелка

Вышибло ум у старика.
А Балда приговаривал с укоризной:
«Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной».

Зимнее утро

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор[11], ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче… погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Зимняя дорога

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льёт печально свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска…
Ни огня, ни чёрной хаты,
Глушь и снег… Навстречу мне
Только вёрсты полосаты
Попадаются одне…
Скучно, грустно… Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,

И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

«Опрятней модного паркета…» (отрывок из романа «Евгений Онегин»)

Опрятней модного паркета
Блистает речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лёд;
На красных лапках гусь тяжёлый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лёд,
Скользит и падает; весёлый
Мелькает, вьётся первый снег,

Звездами падая на брег.

«Гонимы вешними лучами…» (отрывок из романа «Евгений Онегин»)

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.
Ещё прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

Феодосий Петрович Савинов (1865–1915)

Феодосий Петрович Савинов родился в 1865 году в семье служащего Тотемского уездного полицейского управления. Он рано потерял отца, его мать вторично вышла замуж за деспотичного по характеру человека. Учился сначала в гимназии, затем в юнкерском училище, после поступил в Московский университет, но не закончил его.

Из Москвы вернулся в Вологду, служил мелким чиновником, однако смысл его жизни заключался в стихах. Он печатался в вологодских изданиях, а позже в московских и питерских журналах. В начале 1890-х гг. после отставки за «пасквильные стихи» Савинов переезжает в Москву. Здесь он работает клерком в конторах частных нотариусов и одновременно сотрудничает с журналами «Будильник» и «Развле-чение».

Родина

Слышу песни жаворонка,
Слышу трели соловья…
Это – русская сторонка,

Это – родина моя!..

Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля…
Это – русское раздолье,
Это – русская земля!..

Слышу песни хоровода,
Звучный топот трепака…
Это – радости народа,
Это – пляска мужика!..

Уж гулять, так без оглядки,
Чтоб ходил весь белый свет…
Это – русские порядки,
Это – дедовский завет!..

Вижу дубы вековые,
А вон там сосновый бор…
Это – признаки родные,
Это – родины простор!..

Вижу горы-исполины,
Вижу реки и леса…
Это – русские картины,
Это – русская краса…

Вижу всюду трепет жизни,
Где ни брошу только взор…
Это – матушки-отчизны
Нескончаемый простор…

Снова духом оживаю,
Снова весел, счастлив я
И невольно ощущаю
В сердце мощь богатыря!..

Иван Захарович Суриков (1841–1880)

Иван Захарович Суриков родился в деревне Новосёлово Угличского уезда Ярославской губернии в семье оброчного крепостного графа Шереметева. Некоторое время Суриков жил в деревне, затем весной 1849 года вместе с матерью переехал в

Москву к отцу, который работал приказчиком в мелочной лавке. Мальчик помогал отцу в работе, одновременно учился грамоте и много читал. Писать стихи Суриков начал очень рано, однако все первые поэтические опыты уничтожил.

В середине 1860-х Суриков порывает с работой в лавке отца, который к тому времени женится второй раз. Молодой поэт начинает работать переписчиком бумаг и типографским наборщиком, однако не добивается успеха и оказывается вынужденным вернуться к отцу, чтобы снова заняться тор-говлей.

Детство

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернули санки,
И я на бок – хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег…
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнёшь
И домой тихонько,
Нехотя бредёшь.

Ветхую шубёнку
Скинешь с плеч долой;

Заберёшься на печь
К бабушке седой…

И сидишь, ни слова…
Тихо всё кругом;
Только слышишь – воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетёт;
Матушка за прялкой
Молча лён прядёт.

Избу освещает
Огонёк светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца…

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнёт мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал;
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку, —
Сердце так и мрёт;
А в трубе сердито
Ветер злой поёт.

Я прижмусь к старушке…
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

А во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною

Чудный сад цветёт;
В том саду большое
Дерево растёт.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица,
Точно жар, горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поёт;
Ярким, чудным светом
Сад весь обдаёт.

Вот я к ней подкрался
И за клетку – хвать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня…
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я…

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

Зима

Белый снег, пушистый
В воздухе кружится
И на землю тихо
Падает, ложится.

И под утро снегом
Поле забелело,

Точно пеленою
Всё его одело.

Тёмный лес что шапкой
Принакрылся чудной
И заснул под нею
Крепко, непробудно…

Божьи дни коротки,
Солнце светит мало,
Вот пришли морозцы —
И зима настала.

Труженик-крестьянин
Вытащил санишки,
Снеговые горы
Строят ребятишки.

Уж давно крестьянин
Ждал зимы и стужи,
И избу соломой
Он укрыл снаружи.

Чтобы в избу ветер
Не проник сквозь щели,
Не надули б снега
Вьюги и метели.

Он теперь покоен —
Всё кругом укрыто,
И ему не страшен
Злой мороз, сердитый.

Алексей Константинович Толстой (1817–1875)

Граф Алексей Константинович Толстой родился в Петербурге в знатной дворянской семье. Детские годы прошли в имениях матери, позже дяди на Северной Украине. Будущий поэт, прозаик и драматург получил хорошее домашнее образование.

Литературным творчеством Толстой занимался с раннего возраста, писал стихи, фантастические повести, и уже его первая опубликованная под псевдонимом Краснорогский в 1841 году повесть «Упырь» была замечена В. Белинским.

Служба при дворе давала писателю возможность вступаться за близких ему людей (например, хлопотал о возвращении из ссылки И. Тургенева). В 1861 году добился отставки и все свои силы и время стал отдавать литературе. Уйдя в отставку, в основном жил в своих имениях, уделяя мало внимания хозяйству, и постепенно разорился.

«Звонче жаворонка пенье…»

Звонче жаворонка пенье,
Ярче вешние цветы,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвав тоски оковы,
Цепи пошлые разбив,
Набегает жизни новой
Торжествующий прилив,

И звучит свежо и юно
Новых сил могучий строй,
Как натянутые струны
Между небом и землёй.

«Вот уж снег последний в поле тает…»

Вот уж снег последний в поле тает,
Тёплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.

Юный лес, в зелёный дым одетый,
Тёплых гроз нетерпеливо ждёт;
Всё весны дыханием согрето,
Всё кругом и любит и поёт;

Утром небо ясно и прозрачно,
Ночью звёзды светят так светло;
Отчего ж в душе твоей так мрачно
И зачем на сердце тяжело?

Грустно жить тебе, о друг, я знаю,

И понятна мне твоя печаль:
Отлетела б ты к родному краю
И земной весны тебе не жаль…

«Колокольчики мои…» (отрывок)

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Тёмно-голубые?
И о чём звените вы
В день весёлый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несёт меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьёт своим копытом.

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Тёмно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несёт меня лихой, —
А куда? не знаю!..

«Где гнутся над омутом лозы…»

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печёт,
Летают и пляшут стрекозы,
Весёлый ведут хоровод.

«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло!

Мы песенок знаем так много,
Мы так тебя любим давно —
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!»

Фёдор Иванович Тютчев (1803–1873)

Родился в усадьбе Овстуг Орловской губернии, происходил из старинного дворянского рода. Детские годы прошли в Овстуге, юношеские – связаны с Москвой.

В 1819 году поступил на словесное отделение Московского университета и сразу принял живое участие в его литературной жизни. Окончив университет в 1821 году со степенью кандидата словесных наук, в начале 1822 года Тютчев поступил на службу в Государственную коллегию иностранных дел. Через несколько месяцев был назначен чиновником при Русской дипломатической миссии в Мюнхене. За границей Тютчев провёл двадцать два года, из них двадцать – в Мюнхене. Здесь он женился, здесь познакомился с философом Шеллингом и подружился с Г. Гейне, став первым переводчиком его стихов на русский язык.

В 1844 году Тютчев с семьёй возвращается в Россию. В 1858 году он был назначен председателем Комитета иностранной цензуры, не раз выступал заступником преследуемых изданий. На этом посту, несмотря на многочисленные неприятности и столкновения с правительством, Тютчев пробыл 15 лет, вплоть до своей кончины.

«В душном воздуха молчанье…» (отрывок)

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Звонче голос стрекозы…

Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом…

«В небе тают облака…»

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное…
Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немым дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.
Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

Русская литература XX века

Проза

Нина Михайловна Артюхова (1901–1990)

Нина Артюхова родилась в 1901 году в Москве, в семье известного книжного издателя М. В. Сабашникова. С детства она всегда мечтала писать, одновременно с этим девушка увлекалась химией и астрономией, поэтому и поступила в МГУ на агрохимическое отделение физико-математического факультета.

Писать рассказы для детей Артюхова начала в 20-х годах прошлого века, в то же время она работала химиком и всегда находила время для детей – и своих, и чужих.

Все произведения Нины Михайловны учат детей добру, справедливости, честности и верности своему слову. В них есть особая мягкая и дружелюбная назидательность, которая советует, но не поучает насильно. Среди героев Артюховой много хороших людей, поэтому читатель, ставя себя на их место, видит мир их глазами, укрепляя, таким образом, своё собственное светлое начало. Ведь человек от природы устроен так, что ему необходимо кого-нибудь любить!

Большая берёза

– Идут! Идут! – закричал Глеб и стал спускаться с дерева, пыхтя и ломая ветки. Алёша посмотрел вниз. Шли дачники с поезда. Длинноногий Володька, разумеется, шёл впереди всех. Скрипнула калитка. Глеб кинулся навстречу.

Алёша прижался щекой к стволу липы. Он сразу стал маленьким и ненужным. Глеб и Володя будут говорить о книжках, которых Алёша не читал, о кинокартинах, которые Алёше смотреть ещё рано. Потом уйдут в лес. Вдвоём. Алёшу не возьмут, хотя он собирает грибы лучше Глеба, бегает быстрее Глеба, а на деревья лазит так хорошо, что его даже прозвали обезьянкой за ловкость. Алёше стало грустно: выходные дни приносили ему одни огорчения.

– Здравствуй, Глебушка, – сказал Володя. – А где облизьяна?

«Обезьяна» было почётное прозвище, но ведь каждое слово можно исковеркать так, что получится обидно.

– Сидит на липе, – засмеялся Глеб. – Володя, я тоже на эту липу лазил, почти до самой верхушки.

– Охотно верю, – насмешливо ответил Володя. – На эту липу могут влезть без посторонней помощи даже грудные младенцы!

После таких слов сидеть на липе стало неинтересно. Алёша спустился на землю и пошёл к дому.

– Вот берёзка у вас за забором растёт, – продолжал Володя, – это действительно настоящее дерево.

Володя вышел за калитку.

– Эй ты, Алёшка! – крикнул он. – Тебе не влезть на большую берёзу!

– Мне мама не позволяет, – ответил Алёша хмуро. – Она говорит, что с каждого дерева придётся рано или поздно спускаться, а спускаться часто бывает труднее, чем лезть кверху.

– Эх ты, маменькин сынок!

Володя скинул сандалии, прыгнул на высокий пень около дерева и полез кверху, обхватывая ствол руками и ногами.

Алёша смотрел на него с нескрываемой завистью. Зелёные пышные ветки росли на берёзе только на самом верху, где-то под облаками. Ствол был почти гладкий, с редкими выступами и обломками старых сучьев. Высоко над землёй он разделялся на два ствола, и они поднимались к небу, прямые, белые, стройные. Володя уже добрался до развилки и сидел, болтая ногами, явно «выставляясь».

– Лезь сюда, облизьяна! – не унимался он. – Какая же ты обезьяна, если боишься на деревья лазить?

– У него хвоста нет, – сказал Глеб, – ему трудно.

– Бесхвостые обезьяны тоже хорошо лазят, – возразил Володя. – Хвостом хорошо за ветки цепляться, а тут и веток почти нет. Алёша без веток лазить не умеет.

– Неправда! – не выдержал Алёша. – Я до половины на шест влезаю.

– Почему же это только до половины?

– Ему выше мама не позволяет.

Алёша раздул ноздри и отошёл в дальний угол сада.

Володя покрасовался ещё немного на берёзе. Но дразнить было больше некого, а лезть выше по гладкому стволу он не решился и стал спускаться.

– Пойдём за грибами, Глеб, ладно? Тащи корзинки.

Алёша молча смотрел им вслед. Вот они перешли овраг и побежали к лесу, весело размахивая лукошками.

Мама вышла на террасу:

– Алёша, хочешь, пойдём со мной на станцию?

Прогуляться и посмотреть паровозы было бы неплохо. Но Алёшу только что назвали маменькиным сынком. Не мог же он идти через всю деревню чуть ли не за руку с мамой, когда Володя и Глеб отправились вдвоём в лес, как настоящие мужчины!

– Не хочется, – сказал он. – Я посижу дома.

Мама ушла. Алёша посмотрел на большую берёзу, вздохнул и сел на скамейку около забора.

Володя и Глеб вернулись только к обеду. После обеда постелили в саду одеяло и разлеглись читать. Мама пошла на кухню мыть посуду.

– Ты бы полежал тоже, Алёша, – сказала она.

Алёша присел на кончик одеяла и заглянул в книжку через плечо Глеба.

– Не дыши мне в ухо, – буркнул тот. – И без тебя жарко!

Тогда Алёша встал, вышел за калитку и подошёл к большой берёзе. Огляделся. На тропинке не было никого. Он полез на дерево, цепляясь за каждый выступ коры, за каждый сучок. Внизу ствол был слишком толст, Алёша не мог обхватить его ногами.

«Ему-то хорошо, длинноногому! – сердито подумал он. – А всё-таки я влезу выше!»

И он продвигался всё выше и выше. Дерево было не таким гладким, как это казалось с земли. Было за что зацепиться руками, на что поставить ногу.

Ещё немного, ещё чуточку – и он доберётся до развилины. Там можно будет передохнуть.

Вот и готово! Алёша сел верхом, как утром сидел Володя. Однако очень рассиживаться нельзя. Его могут увидеть, позвать маму. Алёша встал и посмотрел кверху. Правый ствол был выше левого. Алёша выбрал его, обхватил руками и ногами и полез дальше.

– И вовсе не трудно… – приговаривал он сквозь зубы. – И вовсе мне, Глебушка, хвост не нужен! А вот тебе, Глебушка, не мешало бы завести хвостик!

Весело было смотреть сверху вниз на крышу дачи, на деревья сада, на любимую липу, которая казалась отсюда маленькой, мягкой и пушистой. Земля отодвигалась вниз и раскрывалась вширь. Вот за садом стал виден овраг, и поле за оврагом, и лес. Из-за пригорка вынырнула труба далёкого кирпичного завода. И только добравшись до первых зелёных веток на верхушке берёзы, Алёша почувствовал, что ему очень жарко и что он очень устал.

* * *

– Ау!

Глеб оторвался от книжки и лениво поднял голову: «Опять этот Алёшка забрался куда-нибудь!» Он посмотрел на липу, на крышу дома.

– Ау!

«Нет, это где-то гораздо выше». Глеб привстал, заинтересованный.

– Пойдём, Володя, поищем его, – сказал он.

– Да ну его! – отмахнулся Володя. Глеб подошёл к забору.

– Ау!

Он посмотрел на берёзу – и ахнул.

* * *

Мама стояла в кухне с полотенцем на плече и вытирала последнюю чашку. Вдруг у окна показалось испуганное лицо Глеба.

– Тётя Зина! Тётя Зина! – крикнул он. – Ваш Алёшка сошёл с ума!

– Зинаида Львовна! – заглянул в другое окно Володя. – Ваш Алёшка залез на большую берёзу!

– Ведь он же может сорваться! – плачущим голосом продолжал Глеб. – И разобьётся…

Чашка выскользнула из маминых рук и со звоном упала на пол.

– …вдребезги! – закончил Глеб, с ужасом глядя на белые черепки.

Мама выбежала на террасу, подошла к калитке:

– Где он?

– Да вот, на берёзе.

Мама посмотрела на белый ствол, на то место, где он разделялся надвое. Алёши не было.

– Глупые шутки, ребята! – сказала она и пошла к дому.

– Да нет же, мы же правду говорим! – закричал Глеб. – Он там, на самом верху! Там, где ветки!

Мама наконец поняла, где нужно искать. Она увидела Алёшу.

Она смерила глазами расстояние от его ветки до земли, и лицо у неё стало почти такое же белое, как этот ровный берёзовый ствол.

– С ума сошёл! – повторил Глеб.

– Молчи! – сказала мама тихо и очень строго. – Идите оба домой и сидите там.

Она подошла к дереву.

– Ну как, Алёша, – сказала она, – хорошо у тебя?

Алёша был удивлён, что мама не сердится и говорит таким спокойным, ласковым голосом.

– Здесь хорошо, – сказал он. – Только мне очень жарко, мамочка.

– Это ничего, – сказала мама, – посиди, отдохни немного и начинай спускаться. Только не спеши. Потихонечку… Отдохнул? – спросила она через минуту.

– Отдохнул.

– Ну, тогда спускайся.

Алёша, держась за ветку, искал, куда бы поставить ногу.

В это время на тропинке показался незнакомый толстый дачник.

Он услыхал голоса, посмотрел наверх и закричал испуганно и сердито:

– Куда ты забрался, негодный мальчишка! Слезай сейчас же!

Алёша вздрогнул и, не рассчитав движения, поставил ногу на сухой сучок. Сучок хрустнул и прошелестел вниз, к маминым ногам.

– Не так, – сказала мама. – Становись на следующую ветку.

Потом повернулась к дачнику:

– Не беспокойтесь, пожалуйста, он очень хорошо умеет лазить по деревьям. Он у меня молодец!

Маленькая, лёгонькая фигурка Алёши медленно спускалась. Лезть наверх было легче. Алёша устал. Но внизу стояла мама, давала ему советы, говорила ласковые, ободряющие слова.

Земля приближалась и сжималась. Вот уже не видно ни поля за оврагом, ни заводской трубы. Алёша добрался до развилки.

– Передохни, – сказала мама. – Молодец! Ну, теперь ставь ногу на этот сучок… Нет, не туда, тот сухой, вот сюда, поправее… Так, так. Не спеши.

Земля была совсем близко. Алёша повис на руках, вытянулся и спрыгнул на высокий пень, с которого начинал своё путешествие.

Он стоял красный, разгорячённый, и дрожащими руками стряхивал с коленок белую пыль берёзовой коры.

Толстый незнакомый дачник усмехнулся, покачал головой и сказал:

– Ну-ну! Парашютистом будешь!

А мама обхватила тоненькие, коричневые от загара, исцарапанные ножки и крикнула:

– Алёшка, обещай мне, что никогда-никогда больше не будешь лазить так высоко!

Она быстро пошла к дому.

На террасе стояли Володя и Глеб. Мама пробежала мимо них, через огород, к оврагу. Села на траву и закрыла лицо платком. Алёша шёл за ней смущённый и растерянный.

Он сел рядом с ней на склоне оврага, взял её за руки, гладил по волосам и говорил:

– Ну, мамочка, ну, успокойся… Я не буду так высоко! Ну, успокойся!..

Он в первый раз видел, как плакала мама.

Сергей Алексеевич Баруздин (1926–1991)

Русский писатель, поэт и прозаик, Сергей Алексеевич Баруздин родился 22 июля 1926 года в Москве. В 1938 году опубликовал первые рассказы в детском журнале «Пионер».

Когда началась война, Сергею Алексеевичу Баруздину было всего 15 лет – на фронт его не взяли. Но бороться за победу можно было не только на фронте. Он оставил школу, пошёл работать рабочим в типографию. После смены вместе со взрослыми копал траншеи. В 17 лет его всё-таки взяли в армию – рядовым артиллерийской разведки. Он оборонял Москву, брал Берлин, освобождал Прагу. Вернулся в Москву бывалым воином. Его рассказы и повести познавательны, они раскрывают мир наших четвероногих и пернатых друзей, его произведения повествуют о хороших людях, проявляющих свои характеры и душевные качества в общении с миром животных, с природой.

Кузнец

Жил на свете кузнечик. Зелёный кузнечик-попрыгунчик. Прыгал кузнечик по полю. С цветка на цветок. С травинки на травинку. Даже через ручей мог перепрыгнуть.

И очень кузнечик был доволен собой.

Рядом с полем деревня была. На краю деревни стояла кузница. Однажды кузнечик оказался возле кузницы.

Заглянул внутрь, видит – человек стоит у горна. Достаёт щипцами раскалённый металл – и на наковальню. Раз молотком ударил – подкова готова. Два ударил – колесо. Три – вал для машины.

– Ты кто? – спросил кузнечик.

– Я кузнец, – сказал человек. – А ты?

– Я тоже кузнечик, – сказал кузнечик.

– Какой же ты кузнечик, – удивился кузнец, – если ковать не умеешь?

– А как же мне быть? – спросил кузнечик.

– Давай ковать научу, – предложил человек.

Научил человек кузнечика ковать.

Для начала маленькие-маленькие подковки.

– Спасибо тебе, кузнец, – сказал кузнечик.

Вернулся кузнечик к себе в поле. Принялся за работу. Всех

братьев-кузнечиков подковал. Всех жуков-пауков подковал. Три стрекозы на поле сели, он и их подковал.

Все благодарят кузнечика, а он им в ответ:

– Всяк кузнец – кузнец своему счастью, если работать умеет.

Как Алёшке учиться надоело

1

Исполнилось Алёшке семь лет. Пошёл он в школу, чтоб научиться читать и писать как следует. Школьный год ещё не кончился, зима только-только в осенних днях стала проглядываться, а Алёшка уже и читать, и писать, и даже считать умеет. Книжку может прочесть, если она крупными буквами напечатана, слова на бумаге написать, цифры сложить.

Сидел он раз на уроке, в окно смотрел, а солнце прямо Алёшке в лицо светило. На солнце Алёшка всегда курносый: он сморщился, и нос у него стал, как китайское яблочко.

И вдруг Алёшка почувствовал, что ему надоело учиться. Читать и писать он умеет, считать – тоже, да и цифры складывать, что же ещё!

Алёшка поднялся с парты, портфель взял и пошёл к выходу.

– Ты куда? – спросила учительница.

– Домой! – ответил Алёшка. – До свидания!

И ушёл.

2

Домой пришёл и говорит матери:

– Я больше в школу не пойду!

– А что же ты будешь делать?

– Как что? Ну… работать буду.

– Кем же?

– Кем? Ну, как ты, например…

А мать у Алёшки врачом работала.

– Ладно, – согласилась мать. – Вот тогда тебе небольшое поручение. Выпиши лекарство больному, у которого грипп.

И мать дала Алёшке маленький листок бумаги, на котором рецепты пишут.

– А как его писать? Какое лекарство нужно? – поинтересовался Алёшка.

– Писать латинскими буквами, – объяснила мать. – А какое

лекарство, ты сам должен знать. Ты же – врач!

Алёшка посидел над листком бумаги, подумал и сказал:

– Мне эта работа что-то не очень нравится. Я лучше так, как папа, работать буду.

– Что ж, давай, как папа! – согласилась мама.

3

Вернулся домой отец. Алёшка – к нему.

– Я больше в школу не пойду, – говорит.

– А что же ты будешь делать? – спросил отец.

– Работать буду.

– Кем же?

– Как ты, – сказал Алёшка.

А отец у Алёшки мастером работал на том самом заводе, где «Москвичи» делают.

– Очень хорошо, – согласился отец. – Давай работать вместе. Начнём с самого лёгкого.

Достал он большой лист бумаги, свёрнутый в трубку, развернул и сказал:

– Вот перед тобой чертёж новой машины. В нём есть ошибки. Посмотри какие и мне скажи!

Алёшка посмотрел на чертёж, а это не машина, а что-то совсем непонятное: линии сходятся и расходятся, стрелки, цифры. Ничего здесь не разберёшь!

– Я это не умею! – признался Алёшка.

– Тогда я сам поработаю, – сказал отец, – а ты пока отдохни!

Отец склонился над чертежом, лицо его сделалось задумчивым, серьёзным.

– Папа! А почему у тебя на лице ёлочки? – спросил Алёшка.

– Это не ёлочки, а, наверное, морщинки, – сказал отец.

– А почему они?

– Почему? Потому, что учился я много, работаю много, – сказал отец. – Это только у бездельников кожа гладкая.

Алёшка подумал-подумал и говорит:

– Пожалуй, я завтра опять в школу пойду.

Простуженный ёжик

Было это поздней осенью в последний год войны. Шли бои на польской земле.

Однажды ночью мы обосновались в лесу. Разожгли костёр, согрели чай. Все улеглись спать, а я остался дежурить. Через два

часа меня должен был сменить на посту другой солдат.

Сидел я с автоматом у догоравшего костра, на угольки посматривал, к шорохам лесным прислушивался. Ветер шелестит сухой листвой да в голых ветвях посвистывает.

Вдруг слышу – шорох. Будто кто-то по земле ползёт. Я встал. Автомат наготове держу. Слушаю – шорох смолк. Опять сел. Снова шуршит. Где-то совсем рядом со мной.

Что за оказия!

Глянул я под ноги. Вижу – кучка сухой листвы, да будто живая: сама собой движется. А внутри, в листьях, что-то фыркает, чихает. Здорово чихает! Присмотрелся получше: ёжик. Мордочка с маленькими чёрными глазками, уши торчком, на грязно-жёлтых иглах листья наколоты. Подтащил ёжик листья поближе к тёплому местечку, где костёр был, поводил носом по земле, чихнул несколько раз. Видно, простудился от холода.

Тут время моей смены настало. Заступил на пост солдат – казах Ахметвалиев. Увидел он ежа, услыхал, как тот чихает, и ну меня ругать:

– Ай, нехорошо! Ай, нехорошо! Сидишь и смотришь спокойно. А у него, может, грипп или воспаление. Смотри, весь дрожит. И температура, наверное, очень большая. В машину его надо взять, лечить его надо, а потом на волю выпускать…

Так мы и сделали. Положили ёжика вместе с охапкой листьев в наш походный «газик». А Ахметвалиев на следующий день тёплого молока где-то раздобыл. Ёжик напился молока, согрелся и опять уснул. За всю дорогу несколько раз чихнул и перестал – поправился. Так всю зиму у нас в машине и прожил!

А когда весна настала, мы его на волю выпустили. На свежую травку. И какой день тогда выдался! Яркий, солнечный! Настоящий весенний день!

Только было это уже в Чехословакии. Ведь и весну и победу мы там встречали.

Сложное поручение

В годы войны был у меня товарищ. Мы шутя называли его звероводом. Это потому, что по профессии он зоотехник, работал раньше в зверосовхозе. Ну, а на фронте, в нашем артиллерийском дивизионе, он был разведчиком. Очень гордился наш звековод своей военной профессией. И верно, лихим разведчиком он был!

Мы стояли на окраине большого немецкого города, когда нашего звековода неожиданно вызвал к себе командир дивизиона.

– Вы были до войны зоотехником? – с ходу спросил он.

– Так точно!

– И работали в зверосовхозе?

– Так точно. Выращивал соболей и серебристых лисиц.

– Отлично! – сказал командир. – Берите мою машину и немедленно отправляйтесь к коменданту города. Он ждёт.

Ничего не понимая, зверовод спросил:

– А разрешите узнать, товарищ майор, зачем?

– Там узнаете, – сказал майор, сдерживая улыбку. – Торопитесь!

Прибыл зверовод к коменданту города – молодому подполковнику.

Комендант задал ему те же самые вопросы, а потом сказал:

– Очень хорошо. Есть поручение. Немедленно отправляйтесь в зверинец и берите бразды правления в свои руки. Я подписываю приказ о вашем назначении комендантом зверинца. Даю в ваше распоряжение роту солдат. Обеспечьте животных едой, накормите всех до одного, а то они кричат там с голоду. Немцы их уже дня четыре не кормили. И ещё одно, самое сложное. Там есть бегемот. Его ранило осколком в спину. Надо немедленно оказать ему помощь…

– Но простите! – взмолился зверовод. – Я же зоотехником был, с лисами дело имел, но никогда…

– Я до войны тоже никогда не был комендантом города, – перебил его подполковник. – Музыку преподавал в школе. А сейчас приходится. Выполняйте! И в случае чего беспокойте меня. Смотрите, чтобы ни одна зверюга не пропала!

Хочешь не хочешь, а приказ пришлось выполнять. Явился зверовод на место новой службы и ужаснулся. Хоть и небольшой зверинец, а хлопот полон рот. Тигр, два медведя, обезьяны, птицы – все ревут и галдят, еду просят. В бассейне голодные тюлени мечутся. Испуганные олени и горные козлы по дорожкам зверинца бегают. А тут ещё раненый бегемот! Плавает бедняга в воде, вздымая волны, и от боли орёт так, что хоть уши затыкай.

Принялся зверовод за работу. Сначала самое сложное сделали: накинули на бегемота канат, зацепили, подтащили его к решётке и тут связали. Теперь можно и рану промыть, залить её йодом и наложить швы. Рана не очень серьёзная, а кожа у бегемота толстая – заживёт!

Пока часть солдат возилась с бегемотом, другая ловила разбежавшихся животных да корм для них доставала. Приближался вечер. Насытившиеся звери немного успокоились.

Настал час нашего отъезда. Зверовод, обрадованный тем, что справился с порученным заданием, прибежал к коменданту города.

– Разрешите, товарищ подполковник, ехать со своими? – попросил он.

– Нет! Так дело не пойдёт, – сказал комендант. – Оставайтесь на месте до тех пор, пока мы не найдём сведущих в «зверином» деле людей. Я уже послал запрос. А потом вы догоните своих.

– Да понимаете, – взмолился зверовод, – стыдно мне! Этот бегемот за мной неотступно ходит, ну как поросёнок какой. Ребята смеются. Ведь я разведчик всё же, а тут бегемот…

– Ничего! – улыбнулся комендант. – Придётся потерпеть! Выполняйте!

Так мы и уехали без нашего зверовода. А догнал он нас лишь через две недели возле Эльбы.

Первым делом явился к командиру дивизиона:

– Разрешите доложить, товарищ майор! Ваш приказ выполнен. Зверинец в полном порядке. Потерь нет. Бегемот здоров!

– Благодарю за службу! – весело сказал командир.

– Служу Советскому Союзу![12] – ответил наш товарищ.

С того дня так и стали мы звать нашего зверовода комендантом бегемота.

Аркадий Петрович Гайдар (1904–1941)

Аркадий Гайдар (настоящая фамилия – Голиков) родился в городе Льгове Курской губернии. Его отец был учителем, а мама приходилась дальней родственницей М.Ю. Лермонтову. Детские годы писателя прошли в Арзамасе.

В годы Первой мировой войны, когда отца забрали на фронт, Аркадий пытался уйти за ним, но был пойман и возвращён домой. В годы Гражданской войны с 14 лет служил в Красной Армии. В 15 лет командовал взводом, а в 16 лет – ротой, после окончания Высшей стрелковой школы в 1921 году стал командиром полка.

В декабре 1924 Гайдар ушёл из армии по болезни (после ранения и контузии). Начал писать. С этого времени он стал известным как детский писатель, прославляющий боевое товарищество, дружбу и честность.

Ёлка в тайге (отрывок из повести «Чук и Гек»)

…Было решено готовить к Новому году ёлку. Из чего-чего только не выдумывали Чук и Гек мастерить игрушки! Они ободрали все цветные картинки из старых журналов. Из лоскутьев и ваты понашили зверьков, кукол. Вытянули у отца из ящика всю

папиросную бумагу и навертели пышных цветов.

Уж на что хмур и нелюдим был сторож, а и тот, когда приносил дрова, подолгу останавливался у двери и дивился на их всё новые и новые затеи. Наконец он не вытерпел. Он принёс им серебряную бумагу от завёртки чая и большой кусок воска, который у него остался от сапожного дела.

Это было замечательно! И игрушечная фабрика сразу превратилась в свечной завод. Свечи были неуклюжие, неровные. Но горели они так же ярко, как и самые нарядные покупные.

Теперь дело было за ёлкой. Мать попросила у сторожа топор, но он ничего на это ей даже не ответил, а стал на лыжи и ушёл в лес.

Через полчаса он вернулся.

Ладно! Пусть игрушки были не ахти какие нарядные, пусть зайцы, сшитые из тряпок, были похожи на кошек, пусть все куклы были на одно лицо – прямоносые и лупоглазые, и пусть, наконец, еловые шишки, обёрнутые серебряной бумагой, не так сверкали, как хрупкие и тонкие стеклянные игрушки, но зато такой ёлки в Москве, конечно, ни у кого не было.

Это была настоящая таёжная красавица – высокая, густая, прямая и с ветвями, которые расходились на концах, как звёздочки.

…А вечером была для всех ёлка, и все дружно встречали Новый год.

Когда был накрыт стол, потушили лампу и зажгли свечи. Но так как, кроме Чука с Геком, остальные все были взрослые, то они, конечно, не знали, что теперь нужно делать.

Хорошо, что у одного человека был баян и он заиграл весёлый танец. Тогда все повскакали и всем захотелось танцевать. И все танцевали очень прекрасно, особенно когда приглашали на танец маму.

А отец танцевать не умел. Он был очень сильный, добродушный, и когда он без всяких танцев просто шагал по полу, то и то в шкафу звенела вся посуда.

Он посадил себе Чука с Геком на колени, и они громко хлопали всем в ладоши. Потом танец окончился, и люди попросили, чтобы Гек спел песню. Гек не стал ломаться. Он и сам знал, что умеет петь песни, и гордился этим. Баянист подыгрывал, а он им спел песню. Какую – я уже сейчас не помню. Помню, что это была очень хорошая песня, потому что все люди, слушая её, замолкли и притихли. И когда Гек останавливался, чтобы перевести дух, то было слышно, как потрескивали свечи и гудел за окном ветер.

А когда Гек окончил петь, то все зашумели, закричали,

подхватили Гека на руки и стали его подкидывать. Но мать тотчас же отняла у них Гека, потому что она испугалась, как бы сгоряча его не стукнули о деревянный потолок.

– Теперь садитесь, – взглянув на часы, сказал отец. – Сейчас начнётся самое главное.

Он пошёл и включил радиоприёмник. Все сели и замолчали. Сначала было тихо. Но вот раздался шум, гул, гудки. Потом что-то стукнуло, зашипело, и откуда-то издалека донёсся мелодичный звон… Чук с Геком переглянулись. Они угадали, что это. Это в далёкой-далёкой Москве, под красной звездой, на Спасской башне звонили золотые кремлёвские часы. И этот звон – перед Новым годом – сейчас слушали люди и в городах, и в горах, в степях, в тайге, на синем море.

…И тогда все люди встали, ещё раз поздравили друг друга с Новым годом и пожелали всем счастья…

Виктор Владимирович Голявкин (1929–2001)

Виктор Голявкин родился в 1929 году в Баку в семье преподавателей музыки. В доме всегда звучало фортепьяно, и сыновей – Виктора и двух его младших братьев – учили музыке. Но наперекор родителям, мечтавшим видеть сына музыкантом, Голявкин выбрал живопись. Всё началось с того, как однажды Виктор нарисовал карикатуры на гостей, которые приходили музицировать к его родителям. Тогда отец подарил сыну книгу о живописи и художниках. С тех пор будущий писатель рисовал постоянно, а также прочитывал от корки до корки все книги по искусству, какие только удавалось найти. В 1953 году он с отличием окончил художественное училище в городе Душанбе, затем – Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина по специальности театрально-декорационной живописи.

Одновременно Голявкин начинает писать – он создаёт короткие рассказы, которые категорически не вписываются в официальную эстетику. В результате сначала в журналах «Костёр» и «Мурзилка» стали печатать его детские рассказы.

Как я под партой сидел

Только к доске отвернулся учитель, а я раз – и под парту. Как заметит учитель, что я исчез, ужасно, наверное, удивится.

Интересно, что он подумает? Станет спрашивать всех, куда я делся, – вот смеху-то будет! Уже пол-урока прошло, а я всё сижу. «Когда же, – думаю, – он увидит, что меня в классе нет?» А под партой трудно сидеть. Спина у меня заболела даже. Попробуй-ка

так просиди! Кашлянул я – никакого внимания. Не могу больше сидеть. Да ещё Серёжка мне в спину ногой всё время тычет. Не выдержал я. Не досидел до конца урока. Вылезаю и говорю:

– Извините, Пётр Петрович.

Учитель спрашивает:

– В чём дело? К доске хочешь?

– Нет, извините меня, я под партой сидел…

– Ну и как, там удобно сидеть, под партой? Ты сегодня сидел очень тихо. Вот так бы всегда на уроках.

Про то, для кого Вовка учится

Вовка учится для себя, а не для других людей. Он это прекрасно знает. Да ему ещё все говорят об этом. Как будто он сам не знает.

Папа с мамой ему говорят:

– Ты для себя в школе учишься.

Бабушка говорит:

– Ты для себя в школе учишься.

Даже Шурик сказал:

– Ты для себя в школе учишься, ясно?

Вовка знает, что учится он для себя.

Но он и другим людям хочет помочь, а не только в школу ходить.

Только ему говорят: «Ты маленький. Ты подучись сначала. Потом нам поможешь как следует».

Значит, он для себя учится и для других тоже.

Про весёлую книжку

У Вовки каникулы. Он в школу не ходит. Мы всё время с ним вместе. Вовка учит меня читать. Я все слова не могу прочесть, хотя некоторые могу. Зато Вовка всё может прочесть. Он замечательно читает. Мы вчера с ним прочли одну книжку. Он читал, а я слушал. Интересная была книжка. Про мальчика. Сначала он одеваться не мог. Его одевали папа с мамой, хотя он уже в школу ходил.

Это было очень смешно. Мы с Вовкой долго смеялись. Потом Вовка сказал:

– Хорошо, что мы одеваемся сами. Хорошо, что это всё не про нас. А то бы все над нами смеялись.

– Ещё бы, – сказал я. – Совсем хорошо.

Потом мы стали дальше читать. Дальше опять про мальчишку

было. Про то, как он с птицей беседовал в классе. Она на окне сидела. И он с ней беседовать стал. В это время его к доске вызвали, чтоб он повторил, что учитель рассказывал. А он не мог ничего повторить, потому что не слышал. Учитель ему единицу поставил.

Птица тотчас же улетела, а единица так в дневнике и осталась.

Вовка не дочитал до конца. Он понял, что этот рассказ про него. У него был точно такой же случай.

– Про тебя, – сказал я, – про тебя… ну и ну!

– Может, не про меня?

– А про кого же?

Я засмеялся. Вовка совсем не смеялся. Над собой никому неохота смеяться. У него был очень печальный вид.

– Я никому не скажу, – сказал я. – Ты не бойся…

– Писатель во всём виноват, – сказал Вовка. – Только ведь его в классе не было. Как он всё это узнал, – непонятно!

В шкафу

Перед уроком я в шкаф залез. Хотел мяукнуть из шкафа. Подумают, кошка, а это я.

Сидел в шкафу, ждал начала урока и не заметил сам, как уснул. Просыпаюсь – в классе тихо. Смотрю в щёлочку – никого нет. Толкнул дверь, а она закрыта. Значит, я весь урок проспал. Все домой ушли и меня в шкафу заперли.

Душно в шкафу и темно, как ночью. Мне стало страшно, я стал кричать:

– Э-э-э! Я в шкафу! Помогите! Прислушался – тишина кругом. Я опять:

– О! Товарищи! Я в шкафу сижу!

Слышу чьи-то шаги. Идёт кто-то.

– Кто здесь горланит?

Я сразу узнал тётю Нюшу, уборщицу. Я обрадовался, кричу:

– Тётя Нюша, я здесь!

– Где ты, родименький?

– В шкафу я! В шкафу!

– Как же ты, милый, туда забрался?

– Я в шкафу, бабуся!

– Так уж слышу, что ты в шкафу. Так чего ты хочешь?

– Меня заперли в шкаф. Ой, бабуся!

Ушла тётя Нюша. Опять тишина. Наверное, за ключом ушла.

Опять шаги. Слышу голос Пал Палыча. Пал Палыч – наш завуч…

Пал Палыч постучал в шкаф пальцем.

– Там нет никого, – сказал Пал Палыч.

– Как же нет? Есть, – сказала тётя Нюша.

– Ну, где же он? – сказал Пал Палыч и постучал ещё раз по шкафу.

Я испугался, что все уйдут, я останусь в шкафу, и изо всех сил крикнул:

– Я здесь!

– Кто ты? – спросил Пал Палыч.

– Я… Цыпкин…

– Зачем ты туда забрался, Цыпкин?

– Меня заперли… Я не забрался…

– Гм… Его заперли! А он не забрался! Видали? Какие волшебники в нашей школе! Они не забираются в шкаф, в то время как их запирают в шкафу! Чудес не бывает, слышишь, Цыпкин?

– Слышу…

– Ты давно там сидишь? – спросил Пал Палыч.

– Не знаю…

– Найдите ключ, – сказал Пал Палыч. – Быстро.

Тётя Нюша пошла за ключом, а Пал Палыч остался. Он сел рядом на стул и стал ждать. Я видел сквозь щёлку его лицо. Он был очень сердитый…

– Ну! Вот до чего доводит шалость! Ты мне честно скажи, почему ты в шкафу?

Мне очень хотелось исчезнуть из шкафа. Откроют шкаф, а меня там нет. Как будто бы я там и не был. Меня спросят: «Ты был в шкафу?» Я скажу: «Не был». Мне скажут: «А кто там был?» Я скажу: «Не знаю».

Но ведь так только в сказках бывает! Наверняка завтра маму вызовут… Ваш сын, скажут, в шкаф залез, все уроки там спал, и всё такое… Как будто мне тут удобно спать! Ноги ломит, спина болит. Одно мученье! Что было мне отвечать? Я молчал.

– Ты живой там? – спросил Пал Палыч.

– Живой…

– Ну сиди, скоро откроют…

– Я сижу…

– Так… – сказал Пал Палыч. – Так ты ответишь мне, почему ты залез в этот шкаф?

Я молчал.

Вдруг я услышал голос директора. Он шёл по коридору:

– Кто? Цыпкин? В шкафу? Почему?

Мне опять захотелось исчезнуть. Директор спросил:

– Цыпкин, ты?

Я тяжело вздохнул. Я просто уже не мог отвечать. Тётя Нюша сказала:

– Ключ унёс староста класса.

– Взломайте дверь, – сказал директор.

Я почувствовал, как ломают дверь, – шкаф затрясся, я стукнулся больно лбом. Я боялся, что шкаф упадёт, и заплакал. Руками упёрся в стенки шкафа, и, когда дверь поддалась и открылась, я продолжал точно так же стоять.

– Ну, выходи, – сказал директор. – И объясни нам, что это значит.

Я не двинулся с места. Мне было страшно.

– Почему он стоит? – спросил директор.

Меня вытащили из шкафа.

Я всё молчал. Я не знал, что сказать.

Я хотел ведь только мяукнуть. Но как я сказал бы об этом?..

Виктор Юзефович Драгунский (1913–1972)

Замечательный детский писатель Виктор Драгунский родился в 1913 году в Нью-Йорке. Незадолго до Первой мировой войны семья вернулась на родину и обосновалась в Гомеле, где и прошло детство Драгунского. Ему рано пришлось повзрослеть и начать зарабатывать на жизнь. По окончании школы он поступил учеником токаря на завод, однако очень быстро его уволили за трудовую провинность. После этого Драгунский устроился работать на фабрику. Одновременно он поступил в «Литературно-театральные мастерские» под руководством А. Дикого учиться театральному мастерству. С этого момента начинается творческая жизнь – Драгунский играет в театре, некоторое время работает клоуном в цирке и одновременно пишет свои первые юмористические рассказы.

В 1948 году Драгунский создаёт пародийный «театр в театре» «Синяя птичка», где профессиональные актеры с удовольствием играли в весёлых пародийных спектаклях, имевших неизменный успех.

С 1959 года Виктор Юзефович начинает писать весёлые рассказы о Денисе Кораблёве под общим названием «Денискины рассказы». Именно они сделали Драгунского столь популярным. Вместе с Дениской и его смешным другом Мишкой мы смеёмся, переживаем и задумываемся над серьёзными философскими вопросами. Кстати, Дениской писатель назвал своего героя неспроста – так же зовут и сына Драгунского.

Тайное становится явным

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

– …Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

– Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

– А это значит, что, если кто поступает нечестно, всё равно про него это узнают, и будет ему стыдно, и он понесёт наказание, – сказала мама. – Понял?.. Ложись-ка спать!

Я почистил зубы, лёг спать, но не спал, а всё время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это ещё терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

– Ешь! – сказала мама. – Безо всяких разговоров!

Я сказал:

– Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

– Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей! Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:

– Я ею давлюсь!..

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

– Хочешь, пойдём с тобой в Кремль?

Ну ещё бы… Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И ещё там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

– Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!

Тогда мама улыбнулась:

– Ну вот, съешь всю кашу, и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни – ты должен съесть всё до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлёпал её ложкой. Потом посолил. Попробовал – ну невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал… Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Всё равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-

то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, почти всё можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверное, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

– Ну что за Дениска, что за парень молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идём на прогулку в Кремль! – И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошёл милиционер. Он сказал:

– Здравствуйте! – и подошёл к окну, и поглядел вниз. – А ещё интеллигентный человек.

– Что вам нужно? – спросила мама.

– Как не стыдно! – Милиционер даже стал по стойке «смирно». – Государство предоставляет вам новое жильё, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость в окно!

– Не клевещите. Ничего я не выливаю!

– Ах, не выливаете?! – язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: «Пострадавший!»

И к нам вошёл какой-то дяденька.

Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он, как вошёл, сразу стал заикаться.

– Главное, я иду фотографироваться… И вдруг такая история… Каша… мм… манная… Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то… Жжёт… Как же я пошлю своё… фф… фото, когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у неё стали зелёные, как крыжовник, а уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

– Извините, пожалуйста, – сказала она тихо, – разрешите я вас почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор.

А когда мама вернулась, мне далее страшно было на неё взглянуть. Но я себя пересилил, подошёл к ней и сказал:

– Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

– Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

– Да.

Не пиф, не паф!

Когда я был дошкольником, я был ужасно жалостливый. Я совершенно не мог слушать про что-нибудь жалостное. И если кто кого съел, или бросил в огонь, или заточил в темницу, – я сразу начинал плакать. Вот, например, волки съели козлика, и от него остались рожки да ножки. Я реву. Или Бабариха посадила в бочку царицу и царевича и бросила эту бочку в море. Я опять реву. Да как! Слёзы бегут из меня толстыми струями прямо на пол и даже сливаются в целые лужи.

Главное, когда я слушал сказки, я уже заранее, ещё до того, самого страшного места, настраивался плакать. У меня кривились и ломались губы и голос начинал дрожать, словно меня кто-нибудь тряс за шиворот. И мама просто не знала, что ей делать, потому что я всегда просил, чтобы она мне читала или рассказывала сказки, а чуть дело доходило до страшного, как я сразу это соображал и начинал на ходу сказку сокращать. За какие-нибудь две-три секунды до того, как случиться беде, я уже принимался дрожащим голосом просить: «Это место пропусти!»

Мама, конечно, пропускала, перескакивала с пятого на десятое, и я слушал дальше, но только совсем немножко, потому что в сказках каждую минуту что-нибудь случается, и, как только становилось ясно, что вот-вот опять произойдёт какое-нибудь несчастье, я снова начинал вопить и умолять: «И это пропусти!»

Мама опять пропускала какое-нибудь кровавое преступление, и я ненадолго успокаивался. И так с волнениями, остановками и быстрыми сокращениями мы с мамой в конце концов добирались до благополучного конца.

Конечно, я всё-таки соображал, что сказки от всего этого становились какие-то не очень интересные: во-первых, очень уж короткие, а во-вторых, в них почти совсем не было приключений. Но зато я мог слушать их спокойно, не обливаясь слезами, и потом всё же после таких сказок можно было ночью спать, а не валяться с открытыми глазами и бояться до утра. И поэтому такие сокращённые сказки мне очень нравились. Они делались такие спокойные. Как всё равно прохладный сладкий чай. Например, есть такая сказка про Красную Шапочку. Мы с мамой в ней столько напропускали, что она стала самой короткой сказкой в

мире и самой счастливой. Мама её вот как рассказывала:

«Жила-была Красная Шапочка. Раз она напекла пирожков и пошла проведать свою бабушку. И стали они жить-поживать и добра наживать». И я был рад, что у них всё так хорошо получилось. Но, к сожалению, это было ещё не всё. Особенно я переживал другую сказку, про зайца. Это короткая такая сказочка, вроде считалки, её все на свете знают:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник выбегает…

И вот тут у меня уже начинало пощипывать в носу, и губы разъезжались в разные стороны, верхняя направо, нижняя налево, а сказка в это время продолжалась… Охотник, значит, вдруг выбегает и…

Прямо в зайчика стреляет!

Тут у меня сердце проваливалось. Я не мог понять, как же это получается. Почему этот свирепый охотник стреляет прямо в зайчика? Что зайчик ему сделал? Что, он первый начал, что ли? Ведь нет! Ведь он же не задирался? Он просто вышел погулять! А этот прямо, без разговоров:

Пиф-паф!

Из своей тяжёлой двустволки! И тут из меня начинали течь слёзы, как из крана. Потому что раненный в живот зайчик кричал:

Ой-ой-ой!

Он кричал:

– Ой-ой-ой! Прощайте, все! Прощайте, зайчата и зайчиха! Прощай, моя весёлая, лёгкая жизнь! Прощай, алая морковка и хрустящая капуста! Прощай навек, моя полянка, и цветы, и роса, и весь лес, где под каждым кустом был готов и стол и дом!

Я прямо своими глазами видел, как серый зайчик ложится под тоненькую берёзку и умирает… Я заливался в три ручья горючими слезами и портил всем настроение, потому что меня надо было успокаивать, а я только ревел и ревел…

И вот однажды ночью, когда все улеглись спать, я долго лежал на своей раскладушке и вспоминал беднягу зайчика и всё думал, как было бы хорошо, если бы с ним этого не случилось. Как было бы по-настоящему хорошо, если бы только всё это не случилось. И я так долго думал об этом, что вдруг незаметно для себя пересочинил всю эту историю:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять,

Вдруг охотник выбегает…
Прямо в зайчика…
Не стреляет!!!
Не пиф! Не паф!
Не ой-ой-ой!
Не умирает зайчик мой!

Вот это да! Я даже рассмеялся! Как всё складно получилось! Это было самое настоящее чудо. Не пиф! Не паф! Я поставил одно только короткое «не», и охотник как ни в чём не бывало протопал в своих подшитых валенках мимо зайчика. И тот остался жить! Он опять будет играть по утрам на росистой полянке, будет скакать и прыгать и колотить лапками в старый трухлявый пень. Этакий забавный, славный барабанщик!

И так я лежал в темноте, и улыбался, и хотел рассказать маме про это чудо, но побоялся её разбудить. И в конце концов заснул. А когда проснулся, я уже знал навсегда, что больше не буду реветь в жалостных местах, потому что я теперь могу в любую минуту вмешаться и перевернуть всё по-своему, и всё будет хорошо. Надо только вовремя сказать: «Не пиф! Не паф!»

Заколдованная буква

Недавно мы гуляли во дворе: Алёнка, Мишка и я. Вдруг во двор въехал грузовик. А на нём лежала ёлка. Мы побежали за машиной. Вот она подъехала к домоуправлению, остановилась, и шофёр с нашим дворником стали ёлку выгружать. Они кричали друг на друга:

– Легче! Давай заноси! Правея! Левея! Станови её на попа! Легче, а то весь шпиц[13] обломаешь.

И когда выгрузили, шофёр сказал:

– Теперь надо эту ёлку заактировать. – И ушёл.

А мы остались возле ёлки.

Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли как дураки и улыбались. Потом Алёнка взялась за одну веточку:

– Смотрите, а на ёлке сыски висят.

«Сыски»! Это она неправильно сказала. Мы с Мишкой так и покатились. Мы смеялись с ним оба одинаково, но потом Мишка стал смеяться громче, чтобы меня пересмеять.

Ну, я немножно поднажал, чтобы он не думал, что я сдаюсь. Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал:

– Ой, умру от смеха! Сыски!

А я, конечно, поддавал жару:

– Пять лет девчонке, а говорит «сыски»… Ха-ха-ха!

Потом Мишка упал в обморок и застонал:

– Ах, мне плохо! Сыски…

И стал икать:

– Ик! Сыски. Ик! Умру от смеха. Ик!

Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто у меня уже началось воспаление мозга и я сошёл с ума. Я орал:

– Девчонке пять лет, скоро замуж выдавать. А она – «сыски»…

У Алёнки нижняя губа скривилась так, что полезла на ухо.

– Я правильно сказала! Это у меня зуб вываливается и свистит. Я хочу сказать «сыски», а у меня высвистывается «сыски»…

Мишка сказал:

– Эка невидаль! У неё зуб вывалился! У меня целых три вывалилось да два шатаются, а я всё равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что? Правда, здорово – хыхх-ки! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

Ох, хыхечка зелёная,
Боюся уколюся я.

Но Алёнка как закричит. Одна громче нас двоих:

– Неправильно! Ура! Ты говоришь хыхки, а надо сыски!

А Мишка:

– Именно, что не надо сыски, а надо хыхки!

И оба давай реветь. Только и слышно: «Сыски!» – «Хыхки!» – «Сыски!»

Глядя на них, я так хохотал, что даже проголодался. Я шёл домой и всё время думал: чего они спорили, раз оба не правы. Ведь это очень простое слово. Я остановился на лестнице и внятно сказал:

– Никакие не сыски. Никакие не хыхки, а коротко и ясно: фыфки! Вот и всё!

Когда я был маленький

Когда я был маленький, я плохо жевал. Всегда держал еду за щекой. А мама всегда приговаривала: «Жуй как следует!» И когда я ел, мама рассказывала мне сказки.

Вот однажды она рассказывала мне про Красную Шапочку:

– Жила-была Красная Шапочка… Жуй как следует!

И я жевал. А мама дальше:

– Напекла она пирожков и пошла к бабушке… Жуй, жуй хорошенько!

Я опять жевал. А мама своё:

– И вот волк проглотил бабушку… Жуй, жуй! Прожевал? И Красную Шапочку тоже проглотил.

Я послушно жевал.

– А тут охотники! – продолжала мама. – Жуй, жуй! Прожевал? Они убили свирепого волка! Потом разрезали ему живот, а оттуда выскочили бабушка и Красная Шапочка! Живые и здоровые!

Я сказал:

– Не прожевал, значит, волк-то!

Владимир Леонидович Дуров (1863–1934)

Владимир Леонидович Дуров родился в дворянской семье в Москве. Родители его рано умерли, и Владимира и его брата Анатолия взял на воспитание их крёстный Н.З. Захаров – известный московский адвокат. К крестникам Захаров относился вполне благожелательно, они были сыты, одеты и даже получали карманные деньги. Иногда крёстный брал их с собой в театр, но подлинного семейного тепла мальчики не получали. Отношение было хорошее, но формальное. Крёстный устроил братьев в Первый московский кадетский корпус, который они не закончили. Затем они учились в частном пансионе, но не закончили и его. Объединяло разнохарактерных братьев одно – любовь к цирку. Оба брата посвятили ему всю жизнь. И если Анатолия увлекали акробатика, гимнастика и клоуны, то страстью Владимира стала дрессировка. Он постоянно искал новые способы дрессировки животных. Его цирковой опыт отражен в его замечательных рассказах.

В 1912 году Владимир Дуров открывает в своём доме театр живого уголка, который позже назвали «Уголок Дурова» (ныне театр им. В.Л. Дурова и «Уголок дедушки Дурова»). Там он давал платные представления с животными. Здесь же он придумал уникальный номер «Мышиная железная дорога».

Хрюшка-парашютист

Была у меня свинья Хрюшка. Она у меня летала! В то время ещё самолетов не было, а поднимались в воздух на воздушном шаре. Я решил, что моя Хрюшка тоже должна подняться в воздух. Я заказал из белой бязи воздушный шар (метров на двадцать в

диаметре) и к нему шёлковый парашют.

В воздух шар поднимался так. Из кирпичей устроили печь, там сжигалась солома, а шар привязывался к двум столбам над печью. Держали его человек тридцать, постепенно растягивая. Когда шар весь наполнялся дымом и тёплым воздухом, канаты отпускали, и шар поднимался.

Но как научить Хрюшку летать?

Я тогда жил на даче. Вот мы с Хрюшкой вышли на балкон, а на балконе у меня был устроен блок и через него переброшены обшитые войлоком ремни. Я надел на Хрюшку ремни и стал осторожненько подтягивать её на блоке. Хрюшка повисла в воздухе. Она отчаянно заболтала ногами и как завизжит! Но тут я поднёс будущей лётчице чашку с едой. Хрюшка, почуяв вкусное, забыла про всё на свете и занялась обедом. Так она и ела, болтая ногами в воздухе и покачиваясь на ремнях.

Я несколько раз поднимал её на блоке. Она привыкла к этому и, наевшись, даже спала, повиснув на ремнях.

Я приучил её к быстрому подъему и спуску.

Потом мы перешли ко второй части обучения.

Я поставил затянутую ремнями Хрюшку на площадку, где был будильник. Затем поднёс Хрюшке чашку с пищей. Но как только её пятачок коснулся еды, я отвёл руку с чашкой. Хрюшка потянулась за вкусным, соскочила с площадки и повисла на ремнях. В эту самую минуту затрещал будильник. Эти опыты я проделывал несколько раз, и Хрюшка уже знала, что всякий раз, как зазвонит будильник, она будет получать пищу из моих рук. В погоне за заветной чашкой она при звоне будильника сама соскакивала с площадки и раскачивалась в воздухе, ожидая лакомства. Она привыкла: как затрещит будильник, надо прыгать.

Всё готово. Теперь моя Хрюшка может отправляться в воздушное путешествие.

На всех заборах и столбах нашей дачной местности появились яркие афиши:

СВИНЬЯ В ОБЛАКАХ

Что творилось в день спектакля! Билеты на дачный поезд брались с бою. Вагоны были набиты до отказа. Дети и взрослые висели на подножках. Все говорили:

– А как это: свинья – да в облаках!

– Люди ещё летать не умеют, а тут свинья!

Только и разговоров было, что о свинье. Хрюшка сделалась знаменитой особой.

И вот началось представление. Шар наполнили дымом. На

площадку, подвязанную к шару, вывели Хрюшку. Мы привязали свинью к парашюту, а парашют прикрепили к верхушке шара тонкими бечевками, только чтобы парашют держался. На площадку мы поставили будильник – через две-три минуты он затрещит.

Вот канаты отпущены. Шар со свиньей поднялся в воздух. Все закричали, зашумели:

– Гляди, летит!

– Пропадёт свинья!

– Ого, знай Дурова!

Когда шар был уже высоко, затрещал будильник. Хрюшка, привыкшая по звонку прыгать, бросилась с шара в воздух. Все ахнули: свинья камнем полетела вниз. Но тут парашют раскрылся, и Хрюшка, плавно покачиваясь, благополучно, как заправский парашютист, спустилась на землю.

После этого первого полёта «парашютистка» проделала ещё множество воздушных путешествий. Мы с ней объездили всю Россию.

Полёты не обходились без приключений.

В одном городе Хрюшка попала на крышу гимназии. Положение было не из приятных. Зацепившись парашютом за водосточную трубу, Хрюшка визжала изо всех сил. Гимназисты оставили книжки и бросились к окнам. Уроки были сорваны. Достать Хрюшку не было никакой возможности. Пришлось вызывать пожарную команду.

У классной доски

На арене – школа. На партах, будто настоящие школьники, сидят морские львы, свиньи, слон, телёнок, ослик, пеликан, фокстерьер Пик и большой сенбернар Лорд.

Бэби – один из первых учеников. Он получает круглые пятёрки, и даже с плюсом. Особенно он силён в арифметике.

Я вызываю Бэби к доске:

– Бэби, сколько будет три и четыре?

Бэби берёт хоботом громадный кусок мела и выводит на доске семь толстых палок. Порой он писал таким размашистым, слоновьим почерком, что единицы не помещались на доске.

– Лорд, сколько не хватает единиц на доске?

И Лорд лаял ровно столько раз, сколько надо было. А пеликан, сидевший на второй скамье, шипел на весь «класс».

Я журил пеликана:

– Нельзя подсказывать… Нехорошо.

Как видите, совсем как в настоящей школе. И даже книги на

партах лежат.

Книги были особенные, деревянные, и ученики перелистывали их кто как мог: свинья – пятачком, осёл – мордой, пеликан – длинным, будто ножницы, клювом, а морские львы – ластами.

Случалось, Бэби выводил на доске больше палок, чем нужно. Тогда Лео, морской лев, подбегал к доске, становился на задние ласты, упирался левым ластом в доску, а правым стирал лишние единицы.

Публика аплодировала и удивлялась. Ей всё это казалось чем-то вроде чуда. А тут никакого чуда нет. Я долго и терпеливо обучал зверей всем этим движениям. А некоторым вещам и учить не надо было. Так, например, сидя на арене за партой, старый пёс Лорд нередко зевал, широко раскрывая пасть. Я его этому не учил – он зевал от усталости. А я говорил:

– Лорд – плохой ученик: зевает на уроке. Надо ему поставить четыре по поведению.

И публика смеялась.

Но вот урок окончен. Парты убираются, и ученик Бэби подходит к своему учителю. Я ложусь на землю. Бэби высоко поднимает ноги и осторожно переступает через меня. Публика ахает и аплодирует.

Бэби быстро бежит вокруг арены и снова, ещё выше поднимая ноги, шагает через моё беспомощно раскинутое тело.

Вот он стоит надо мной. Я командую:

– Алле, Бэби!

И слон медленно начинает подгибать задние ноги, становится на колени, затем подгибает передние и осторожно опускается на меня.

– Раздавит, раздавит! – кричит публика.

– Довольно!

– Ай, раздавил!..

Но Бэби и не думает меня давить. Правда, в нём примерно три тонны, и если бы он действительно лёг на меня, от учителя осталось бы мокрое место, но Бэби чувствует свой громадный вес. Как только его живот приближается ко мне, Бэби каменеет. Он напрягает все мускулы, старается удержаться в трудной позе и только тревожно гудит. По этому гуденью я узнаю, что Бэби хочет поскорее окончить утомительный номер и подняться.

– Алле!

Бэби медленно поднимается, выпрямляя толстые, как колонны, ноги. В публике облегчённо вздыхают.

– Бэби, алле!

И громадный слон поднимает передние ноги. Вот он стоит на

одних задних ногах, высоко подняв передние, и балансирует. А я с распростёртыми руками стою под ним. И кажется, вот-вот слон не устоит на двух ногах и тяжёлая туша рухнет на меня.

– Алле!

Я отскакиваю. Бэби ставит передние ноги на землю и с облегчением выпускает воздух через хобот. Публика аплодирует.

Я заставляю Бэби поднять хобот и открыть рот. Он послушно исполняет это. Затем я вкладываю в его рот голову и расставляю руки. Публика замирает. Бэби стоит смирно, несмотря на то что мои волосы щекочут его скользкий язык. В такой позе я не могу крикнуть: «Алле!» Я жду, пока публика не начнет аплодировать и кричать: «Довольно!» Иногда приходится ждать долго, но ничего не поделаешь. И когда наконец публика начинает хлопать, я вынимаю голову из пасти Бэби, и мы оба кланяемся. Надо отвечать на аплодисменты, нехорошо быть невежливым.

Борис Степанович Житков (1882–1938)

Борис Житков – русский и советский писатель, прозаик, педагог, путешественник и исследователь. Автор популярных приключенческих рассказов и повестей, произведений о животных.

Родился в семье преподавателя математики и пианистки. Он был младшим из четверых детей. Детство будущего писателя прошло в Одессе, там же он получил начальное домашнее образование и окончил гимназию. Причём гимназистом Житков был весьма необычным: его увлечения не знали границ. Он дотошно подходил ко всему, чем занимался – будь то фотография, игра на скрипке или спорт. Во время обучения будущий писатель подружился с Корнеем Чуковским.

И вот наступил 1905 год. В стране – революция. Борис Житков пытается внести свой вклад в дело борьбы за свободу, делает взрывчатку для бомб, помогает печатать листовки.

После окончания гимназии Житков поступает на естественное отделение Новороссийского университета. Окончив университет в 1906 году, он становится моряком и осваивает несколько других профессий. Житков руководит ихтиологической экспедицией по Енисею, работает на заводах Николаева и Копенгагена, ходит на парусниках в Болгарию и Турцию, а на грузовом пароходе штурманом – из Одессы во Владивосток.

Наводнение

В нашей стране есть такие реки, что не текут всё время по

одному месту. Такая река то бросится вправо, потечёт правее, то через некоторое время, будто ей надоело здесь течь, вдруг переползёт влево и зальёт свой левый берег. А если берег высокий, вода подмоет его. Крутой берег обвалится в реку, и если на обрыве стоял домик, то полетит в воду и домик. Вот по такой реке шёл буксирный пароход и тащил две баржи. Пароход остановился у пристани, чтобы там оставить одну баржу, и тут к нему с берега приехал начальник и говорит:

– Капитан, вы пойдёте дальше. Будьте осторожны, не сядьте на мель: река ушла сильно вправо и теперь течёт совсем по другому дну. И сейчас она идёт всё правее и правее и затопляет и подмывает берег.

– Ох, – сказал капитан, – мой дом на правом берегу, почти у самой воды. Там остались жена и сын. Вдруг они не успели убежать?!

Капитан приказал пустить машину самым полным ходом. Он спешил скорей к своему дому и очень сердился, что тяжёлая баржа задерживает ход. Пароход немного проплыл, как вдруг его сигналом потребовали к берегу. Капитан поставил баржу на якорь, а пароход направил к берегу. Он увидал, что на берегу тысячи людей с лопатами, с тачками спешат – возят землю, насыпают стенку, чтобы не пустить реку залить берег. Возят на верблюдах деревянные брёвна, чтоб их забивать в берег и укреплять стенку. А машина с высокой железной рукой ходит по стенке и ковшом нагребает на неё землю. К капитану прибежали люди и спросили:

– Что в барже?

– Камень, – сказал капитан.

Все закричали:

– Ах, как хорошо! Давайте сюда! А то вон смотрите, сейчас река прорвёт стенку и размоет всю нашу работу. Река бросится на поля и смоет все посевы. Будет голод. Скорей, скорей давайте камень!

Тут капитан забыл и про жену, и про сына. Он пустил пароход что есть духу и привёл баржу под самый берег. Люди стали таскать камень и укрепили стенку. Река остановилась и дальше не пошла. Тогда капитан спросил:

– Не знаете ли, как у меня дома? Начальник послал телеграмму, и скоро пришёл ответ. Там тоже работали все люди, какие были, и спасли домик, где жила жена капитана с сыном.

– Вот, – сказал начальник, – здесь вы помогали нашим, а там товарищи спасли ваших.

Про слона

Мы подходили на пароходе к Индии. Утром должны были прийти. Я сменился с вахты, устал и никак не мог заснуть: всё думал, как там будет. Вот как если б мне в детстве целый ящик игрушек принесли и только завтра можно его раскупорить. Всё думал: вот утром сразу открою глаза – и индусы, чёрные, заходят вокруг, забормочут непонятно – не то что на картинке. Бананы прямо на кусте, город новый – всё зашевелится, заиграет. И слоны! Главное – слонов мне хотелось посмотреть. Всё не верилось, что они там не так, как в Зоологическом, а запросто ходят, возят – по улице вдруг такая громада прёт.

Заснуть не мог, прямо ноги от нетерпения чесались. Ведь это, знаете, когда сушей едешь – совсем не то: видишь, как всё постепенно меняется. А тут две недели океан – вода и вода – и сразу новая страна. Как занавес в театре подняли.

Наутро затопали на палубе, загудели. Я бросился к иллюминатору (окну) – готово: город белый на берегу стоит; порт, суда, около борта шлюпки, в них чёрные люди в белых чалмах, зубами блестят, кричат что-то. Солнце светит со всей силы, жжёт, – кажется, светом давит. Тут я как с ума сошёл, задохнулся прямо – как будто я не я и всё это сказка. Есть ничего с утра не хотел. Товарищи дорогие, я за вас по две вахты в море стоять буду, на берег отпустите скорей!

Выскочили вдвоём на берег. В порту, в городе всё бурлит, кипит, народ толчётся, а мы – как оголтелые и не знаем, что смотреть, и не идём, а будто нас что несёт (да и после моря по берегу всегда странно ходить). Смотрим – трамвай. Сели в трамвай, сами толком не знаем, зачем едем, лишь бы дальше – очумели прямо. Трамвай нас мчит, мы глазеем по сторонам – и не заметили, как выехали на окраину. Дальше не идёт. Вылезли. Дорога. Пошли по дороге. Придём куда-нибудь.

Тут мы немного успокоились и заметили, что здорово жарко.

Солнце над самой маковкой стоит, тень от тебя не ложится, а вся тень под тобой: идёшь и тень свою топчешь.

Порядочно уже прошли, уж людей не стало встречаться, смотрим – навстречу слон. С ним четверо ребят, бегут рядом по дороге. Я прямо глазам не поверил: в городе ни одного не видали, а тут запросто идёт по дороге – мне казалось, что из Зоологического вырвался. Слон нас увидел и остановился. Нам жутковато стало: больших при нём никого нет, ребята одни. А кто его знает, что у него на уме? Мотанёт раз хоботом – и готово. А слон, наверно, про нас так думал: идут какие-то необыкновенные, неизвестные, кто их знает? И стал.

Сейчас хобот загнул крючком, мальчишка старший стал на крюк на этот, как на подножку, рукой за хобот придерживается, и

слон его осторожно отправил себе на голову. Тот там уселся между ушами, как на столе. Потом слон тем же порядком отправил ещё двоих сразу, а четвёртый был маленький, лет трёх, должно быть, – на нём только рубашонка была коротенькая, вроде лифчика. Слон ему подставляет хобот – иди, мол, садись. А он выкрутасы разные делает, хохочет, убегает. Старший кричит ему сверху, а он скачет и дразнит – не возьмёшь, мол. Слон не стал ждать, опустил хобот и пошёл – сделал вид, что он на его фокусы и смотреть не хочет. Идёт, хобот мерно покачивает, а мальчишка вьётся около ног, кривляется. И как раз, когда он ничего не ждал, слон вдруг хоботом цап! Да так ловко – поймал его за рубашонку сзади и подымает наверх осторожно. Тот руками, ногами, как жучок, – нет уж, никаких тебе! Поднял его слон, осторожно опустил себе на голову, а там ребята его приняли. Он там, на слоне, всё ещё воевать пробовал.

Мы поравнялись, идём стороной дороги, а слон с другого бока и на нас внимательно и осторожно глядит. А ребята тоже на нас пялятся и шепчутся меж собой. Сидят как на дому, на крыше. Вот, думаю, здорово: им нечего там бояться. Если б и тигр попался навстречу – слон тигра поймает, схватит хоботищем поперёк живота, сдавит, швырнёт выше дерева и, если на клыки не подцепит, всё равно будет ногами топтать, пока в лепёшку не растопчет.

А тут мальчишку взял, как козявку двумя пальчиками, осторожно и бережно.

Слон прошёл мимо нас, смотрим – сворачивает с дороги и попёр в кусты. Кусты плотные, колючие, стеной растут. А он через них как через бурьян – только ветки похрустывают – перелез и пошёл к лесу. Остановился около дерева, взял хоботом ветку и пригнул ребятам. Те сейчас же повскакали на ноги, схватились за ветку и что-то с неё обирают. А маленький подскакивает, старается тоже себе ухватить, возится – будто он не на слоне, а на земле стоит. Слон пустил ветку и другую пригнул. Опять та же история. Тут уж маленький совсем, видно, в роль вошёл, совсем залез на эту ветку, чтоб ему тоже досталось, и работает. Все кончили, слон пустил ветку, а маленький-то, смотрим, так и полетел с веткой! Ну, думаем, пропал – полетел теперь, как пуля, в лес. Бросились мы туда. Да нет! Куда там – не пролезть через кусты; колючие и густые, путаные. Смотрим – слон в листьях хоботом шарит. Нащупал этого маленького – он там, видно, обезьянкой уцепился, – достал его и посадил на место. Потом слон вышел на дорогу впереди нас и пошёл обратно. Мы за ним. Он идёт и по временам оглядывается, на нас косится – чего, мол, сзади идут какие-то.

Так мы за слоном пришли к дому. Вокруг плетень. Слон отворил хоботом калиточку и осторожно просунулся во двор; там ребят спустил на землю. Во дворе индуска на него начала кричать чего-то. Нас она сразу не заметила. А мы стоим, через плетень смотрим.

Индуска орёт на слона – слон нехотя повернулся и пошёл к колодцу. У колодца врыты два столба, и между ними вьюшка, на ней верёвка намотана и ручка сбоку. Смотрим – слон взялся хоботом за ручку и стал вертеть. Вертит как будто пустую, вытащил – целая бадья там на верёвке, вёдер десять. Слон упёрся корнем хобота в ручку, чтоб не вертелась, изогнул хобот, подцепил бадью и, как кружку с водой, поставил на борт колодца. Индуска набрала воды, ребят тоже заставила таскать – она как раз стирала. Слон опять бадью спустил и полную выкрутил наверх. Хозяйка его опять начала ругать – слон пустил бадью в колодец, тряхнул ушами и пошёл прочь – не стал воду больше доставать, пошёл под навес. А там в углу двора на хлипких столбиках навес был устроен – только-только слону под него подлезть. Сверху камышу накидано и каких-то листьев длинных.

Тут как раз индус, сам хозяин. Увидал нас. Мы говорим: слона пришли смотреть. Хозяин немного знал по-английски. Спросил, кто мы, всё на мою русскую фуражку показывает. Я говорю: русские.

Он обрадовался, засмеялся, сразу другой стал, позвал к себе. Я спрашиваю:

– Чего это слон не выходит?

– А это он, – говорит, – обиделся, и, значит, не зря. Теперь нипочём работать не станет, пока не успокоится.

Смотрим – слон вышел из-под навеса, в калитку – и прочь со двора. Думаем – теперь совсем уйдёт. А индус смеётся. Слон пошёл к дереву, опёрся боком и ну тереться. Дерево здоровое – прямо всё ходуном ходит. Это он чешется – так вот, как свинья об забор.

Почесался, набрал пыли в хобот и туда, где чесал, пылью, землёй как дунет – раз, и ещё, и ещё. Это он прочищает, чтобы не заводилось ничего в складках: вся кожа у него твёрдая, как подошва, а в складках – потоньше, а в южных странах всяких насекомых кусачих масса.

Ведь смотрите какой: о столбики в сарае не чешется, чтоб не развалить, осторожно даже пробирается туда, а чесаться ходит к дереву.

Я говорю индусу:

– Какой он у тебя умный.

А он хохочет.

– Ну, – говорит, – если б я полтораста лет прожил, не тому б ещё выучился. А он, – показывает на слона, – моего деда ещё нянчил.

Я глянул на слона – мне показалось, что не индус тут хозяин, а слон, слон тут самый главный. Я говорю:

– Старый он у тебя?

– Нет, – говорит, – ему полтораста лет, он в самой поре… Вон у меня слонёнок есть, его сын, – двадцать лет ему, совсем ребёнок; к сорока годам только в силу входить начнёт. Вот погодите, придёт слониха, увидите: он маленький.

Пришла слониха и с ней слонёнок – с лошадь величиной, без клыков; он за матерью, как жеребёнок, шёл.

Ребята индусовы бросили матери помогать, стали прыгать, куда-то собираться, слон тоже пошёл, слониха и слонёнок с ними. Индус объясняет, что на речку. Мы тоже с ребятами.

Они нас не дичились, всё пробовали говорить – они по-своему, а мы по-русски – и хохотали всю дорогу. Маленький больше всех к нам приставал – всё мою фуражку надевал и что-то кричал смешное, – может быть, про нас.

Воздух в лесу пахучий, пряный, густой.

Шли лесом. Пришли к реке.

Не река, а поток – быстрый, так и мчит, так берег и гложет. К воде обрывчик в аршин. Слоны вошли в воду, взяли с собой слонёнка. Поставили, где ему по грудь вода, и стали его вдвоём мыть.

Наберут со дна песку с водой в хобот и, как из кишки, его поливают.

Здорово так – только брызги летят.

А ребята боятся в воду лезть: больно уж быстрое течение – унесёт. Скачут на берегу – и давай в слона камешками кидать. Ему нипочём. Он даже внимания не обращает – всё своего слонёнка моет. Потом, смотрю, набрал в хобот воды и вдруг как повернёт на мальчишек и одному прямо в пузо как дунет струёй – тот так и сел.

Хохочет – заливается.

Слон опять своего мыть. А ребята ещё пуще камешками его донимать. Слон только ушами трясёт: не приставайте, мол, видите – некогда баловаться! И как раз, когда мальчишки не ждали, думали – он водой на слонёнка дунет, – он сразу хобот повернул да в них.

Те рады, кувыркаются.

Слон вышел на берег, слонёнок ему хобот протянул как руку. Слон заплёл свой хобот об его и помог ему на обрывчик вылезти.

Пошли все домой – трое слонов и четверо ребят.

На другой день я уже расспросил, где можно слонов поглядеть на работе.

На опушке леса, у речки, нагорожен целый город тёсаных брёвен. Штабеля стоят, каждый вышиной с избу. Тут же стоял один слон. И сразу видно было, что он уже совсем старик: кожа на нём совсем обвисла и заскорузла, и хобот, как тряпка, болтается. Уши обгрызенные какие-то.

Смотрю – из лесу идёт другой слон. В хоботе качается бревно – громадный брус обтёсанный. Пудов, должно быть, во сто. Носильщик грузно переваливается, подходит к старому слону. Старый подхватывает бревно с одного конца, а носильщик опускает бревно и перебирается хоботом в другой конец. Я смотрю: что же это они будут делать? А слоны вместе, как по команде, подняли бревно на хоботах вверх и аккуратно положили на штабель. Да так ровно и правильно – как плотник на постройке!

И ни одного человека около них.

Я потом узнал, что этот старый слон и есть главный артельщик; он уже состарился на этой работе.

Носильщик ушёл не спеша в лес, а старик повесил хобот, повернулся задом к штабелю и стал смотреть на реку, как будто хотел сказать: «Надоело мне это – и не глядел бы».

А из лесу идёт уже третий слон с бревном.

Мы – туда, откуда выходили слоны.

Прямо стыдно рассказывать, что мы тут увидели.

Слоны с лесных разработок таскали эти брёвна к речке. В одном месте у дороги – два дерева по бокам, да так, что слону с бревном не пройти. Слон дойдёт до этого места, опустит бревно на землю, повернёт бревно вдоль дороги, присядет на передние колена, подвернёт хобот – и самым носом, самым корнем хобота толкает бревно вперёд. Земля, каменья летят, трёт и пашет бревно землю, а слон ползёт и пихает. Видно, как трудно ему на коленках ползти. Потом встанет, отдышится и не сразу за бревно берётся. Опять повернёт его поперёк дороги, опять на коленки. Положит хобот на землю и коленками накатывает бревно на хобот. Как хобот не раздавит! Гляди – снова уже встал и несёт. Качается, как грузный маятник, бревнище на хоботе.

Их было восемь – всех слонов-носильщиков, и каждому приходилось пихать бревно носом: люди не хотели спилить те два дерева, что стояли на дороге.

Нам неприятно стало смотреть, как тужится старик у штабеля, и жаль было слонов, что ползали на коленках. Мы недолго постояли и ушли.

Про обезьянку

Мне было двенадцать лет, и я учился в школе. Раз на перемене подходит ко мне товарищ мой Юхименко и говорит:

– Хочешь, я тебе обезьянку дам?

Я не поверил – думал, он мне сейчас штуку какую-нибудь устроит, так что искры из глаз посыплются, и скажет: вот это и есть «обезьянка». Не таковский я.

– Ладно, – говорю, – знаем.

– Нет, – говорит, – в самом деле. Живую обезьянку. Она хорошая. Её Яшкой зовут. А папа сердится.

– На кого?

– Да на нас с Яшкой. Убирай, говорит, куда знаешь. Я думаю, что к тебе всего лучше.

После уроков пошли мы к нему. Я всё ещё не верил. Неужели, думал, живая обезьянка у меня будет? И всё спрашивал, какая она. А Юхименко говорит:

– Вот увидишь, не бойся, она маленькая.

Действительно, оказалась маленькая. Если на лапки встанет, то не больше полуаршина[14]. Мордочка сморщенная, старушечья, а глазки живые, блестящие. Шерсть на ней рыжая, а лапки чёрные. Как будто человечьи руки в перчатках чёрных. На ней был надет синий жилет. Юхименко закричал:

– Яшка, Яшка, иди, что я дам!

И засунул руку в карман. Обезьянка закричала: «Аи! аи!» – и в два прыжка вскочила Юхименке на руки. Он сейчас же сунул её в шинель, за пазуху.

– Идём, – говорит.

Я глазам своим не верил. Идём по улице, несём такое чудо, и никто не знает, что у нас за пазухой. Дорогой Юхименко мне говорил, чем кормить.

– Всё ест, всё давай. Сладкое любит. Конфеты – беда! Дорвётся – непременно обожрётся. Чай любит жидкий и чтоб сладкий был. Ты ей внакладку. Два куска. Вприкуску не давай: сахар сожрёт, а чай пить не станет.

Я всё слушал и думал: я ей и трёх кусков не пожалею, миленькая такая, как игрушечный человек. Тут я вспомнил, что и хвоста у ней нет.

– Ты, – говорю, – хвост ей отрезал под самый корень?

– Она макака, – говорит Юхименко, – у них хвостов не растёт.

Пришли мы к нам домой. Мама и девочки сидели за обедом. Мы с Юхименкой вошли прямо в шинелях. Я говорю:

– А кто у нас есть!

Все обернулись. Юхименко распахнул шинель. Никто ещё

ничего разобрать не успел, а Яшка как прыгнет с Юхименки маме на голову, толкнулся ножками – и на буфет. Всю причёску маме осадил.

Все вскочили, закричали:

– Ой, кто, кто это?

А Яшка уселся на буфет и строит морды, чавкает, зубки скалит.

Юхименко боялся, что сейчас ругать его будут, и скорей к двери. На него и не смотрели – все глядели на обезьянку. И вдруг девочки все в один голос затянули:

– Какая хорошенькая!

А мама всё причёску прилаживала.

– Откуда это?

Я оглянулся. Юхименки уже нет. Значит, я остался хозяином. И я захотел показать, что знаю, как с обезьянкой надо. Я засунул руку в карман и крикнул, как давеча Юхименко:

– Яшка, Яшка! Иди, я тебе что дам!

Все ждали. А Яшка и не глянул – стал чесаться меленько и часто чёрной лапочкой.

До самого вечера Яшка не спускался вниз, а прыгал по верхам: с буфета на дверь, с двери на шкаф, оттуда на печку.

Вечером отец сказал:

– Нельзя её на ночь так оставлять, она квартиру вверх дном переворотит.

И я начал ловить Яшку. Я к буфету – он на печь. Я его оттуда щёткой – он прыг на часы. Качнулись часы и стали. А Яшка уже на занавесках качается. Оттуда – на картину – картина покосилась: я боялся, что Яшка кинется на висячую лампу.

Но тут уже все собрались и стали гоняться за Яшкой. В него кидали мячиком, катушками, спичками и наконец загнали в угол.

Яшка прижался к стене, оскалился и защёлкал языком – пугать начал. Но его накрыли шерстяным платком и завернули, запутали.

Яшка барахтался, кричал, но его скоро укрутили так, что осталась торчать одна голова. Он вертел головой, хлопал глазами, и казалось, сейчас заплачет от обиды.

Не пеленать же обезьяну каждый раз на ночь! Отец сказал:

– Привязать. За жилет и к ножке, к столу.

Я принёс верёвку, нащупал у Яшки на спине пуговицу, продел верёвку в петлю и крепко завязал. Жилет у Яшки на спине застёгивался на три пуговки.

Потом я поднёс Яшку, как он был, закутанного, к столу, привязал верёвку к ножке и только тогда размотал платок.

Ух, как он начал скакать! Но где ему порвать верёвку! Он

покричал, позлился и сел печально на полу.

Я достал из буфета сахару и дал Яшке. Он схватил чёрной лапочкой кусок, заткнул за щёку. От этого вся мордочка у него скривилась.

Я попросил у Яшки лапу. Он протянул мне свою ручку.

Тут я рассмотрел, какие на ней хорошенькие чёрные ноготки. Игрушечная живая ручка! Я стал гладить лапку и думаю: совсем как ребёночек. И пощекотал ему ладошку. А ребёночек-то как дёрнет лапку – раз! – и меня по щеке. Я и мигнуть не успел, а он надавал мне оплеух и прыг под стол. Сел и скалится. Вот и ребёночек!

Но тут меня погнали спать.

Я хотел Яшку привязать к своей кровати, но мне не позволили. Я всё прислушивался, что Яшка делает, и думал, что непременно ему надо устроить кроватку, чтоб он спал, как люди, и укрывался одеяльцем. Голову бы клал на подушечку. Думал, думал и заснул.

Утром вскочил – и, не одеваясь, к Яшке. Нет Яшки на верёвке. Верёвка есть, на верёвке жилет привязан, а обезьянки нет. Смотрю, все три пуговицы сзади расстёгнуты. Это он расстегнул жилет, оставил его на верёвке, а сам драла. Я искать по комнате. Шлёпаю босыми ногами. Нигде нет. Я перепугался. А ну как убежал? Дня не пробыл, и вот на тебе! Я на шкафы заглядывал, в печку – нигде. Убежал, значит, на улицу. А на улице мороз – замёрзнет, бедный! И самому стало холодно. Побежал одеваться. Вдруг вижу, в моей же кровати что-то возится. Одеяло шевелится. Я даже вздрогнул. Вот он где! Это ему холодно на полу стало, он удрал и ко мне на кровать. Забился под одеяло. А я спал и не знал. Яшка спросонья не дичился, дался в руки, и я напялил на него снова синий жилет.

Когда сели пить чай, Яшка вскочил на стол, огляделся, сейчас же нашёл сахарницу, запустил лапу и прыг на дверь. Он прыгал так легко, что, казалось, летает, не прыгает. На ногах у обезьяны пальцы, как на руках, и Яшка мог хватать ногами. Он так и делал. Сидит, как ребёнок, на руках у кого-нибудь и ручки сложил, а сам ногой со стола тянет что-нибудь.

Стащит ножик и ну с ножом скакать. Это чтобы у него отнимали, а он будет удирать. Чай Яшке дали в стакане. Он обнял стакан, как ведро, пил и чмокал. Я уж не пожалел сахару.

Когда я ушёл в школу, я привязал Яшку к дверям, к ручке. На этот раз обвязал его вокруг пояса верёвкой, чтобы уж не мог сорваться. Когда я пришёл домой, то из прихожей увидал, чем Яшка занимается. Он висел на дверной ручке и катался на дверях, как на карусели. Оттолкнётся от косяка и едет до стены. Пихнёт

ножкой в стену и едет назад.

Когда я сел готовить уроки, я посадил Яшку на стол. Ему очень нравилось греться около лампы. Он дремал, как старичок на солнышке, покачивался и, прищурясь, глядел, как я тыкаю пером в чернила. Учитель у нас был строгий, и я чистенько написал страницу. Промокать не хотелось, чтобы не испортить. Оставил сохнуть. Прихожу и вижу: сидит Яков на тетради, макает пальчик в чернильницу, ворчит и выводит чернильные вавилоны по моему писанию. Ах ты, дрянь! Я чуть не заплакал с горя. Бросился на Яшку. Да куда! Он на занавески – все занавески чернилами перепачкал. Вот оно почему Юхименкин папа на них с Яшкой сердился…

Но раз и мой папа рассердился на Яшку. Яшка обрывал цветы, что стояли у нас на окнах. Сорвёт лист и дразнит. Отец поймал и отдул Яшку. А потом привязал его в наказанье на лестнице, что вела на чердак. Узенькая лесенка. А широкая шла из квартиры вниз.

Вот отец идёт утром на службу. Почистился, надел шляпу, спускается по лестнице. Хлоп! Штукатурка падает. Отец остановился, стряхнул со шляпы. Глянул вверх – никого. Только пошёл – хлоп, опять кусок извёстки прямо на голову. Что такое?

А мне сбоку было видно, как орудовал Яшка. Он наломал от стенки извёстки, разложил по краям ступенек, а сам прилёг, притаился на лестнице, как раз у отца над головой. Только отец пошёл, а Яшка тихонечко толк ножкой штукатурку со ступеньки и так ловко примерил, что прямо отцу на шляпу, – это он ему мстил за то, что отец вздул его накануне.

Но когда началась настоящая зима, завыл ветер в трубах, завалило окна снегом, Яшка стал грустным. Я его всё грел, прижимал к себе. Мордочка у Яшки стала печальная, обвисшая, он подвизгивал и жался ко мне. Я попробовал сунуть его за пазуху, под куртку. Яшка сейчас же там устроился: он схватился всеми четырьмя лапками за рубаху и так повис, как приклеился. Он так и спал там, не разжимая лап. Забудешь другой раз, что у тебя живой набрюшник под курткой, и обопрёшься о стол. Яшка сейчас лапкой заскребёт мне бок: даёт мне знать, чтоб осторожней.

Вот раз в воскресенье пришли в гости девочки. Сели завтракать. Яшка смирно сидел у меня за пазухой, и его совсем не было заметно. Под конец раздали конфеты. Только я стал первую разворачивать, вдруг из-за пазухи, прямо из моего живота, вытянулась мохнатая ручка, ухватила конфету и назад. Девочки взвизгнули от страха. А это Яшка услышал, что бумагой шелестят, и догадался, что едят конфеты. А я девочкам говорю: «Это у меня

третья рука; я этой рукой прямо в живот конфеты сую, чтоб долго не возиться». Но уж все догадались, что это обезьянка, и из-под куртки слышно было, как хрустит конфета: это Яшка грыз и чавкал, как будто я животом жую.

Яшка долго злился на отца. Примирился Яшка с ним из-за конфет. Отец мой как раз бросил курить и вместо папирос носил в портсигаре маленькие конфетки. И каждый раз после обеда отец открывал тугую крышку портсигара большим пальцем, ногтем, и доставал конфетки. Яшка тут как тут: сидит на коленях и ждёт – ёрзает, тянется. Вот отец раз и отдал весь портсигар Яшке; Яшка взял его в руку, а другой рукой, совершенно как мой отец, стал подковыривать большим пальцем крышку. Пальчик у него маленький, а крышка тугая и плотная, и ничего не выходит у Яшеньки. Он завыл с досады. А конфеты брякают. Тогда Яшка схватил отца за большой палец и его ногтем, как стамеской, стал отковыривать крышку. Отца это рассмешило, он открыл крышку и поднёс портсигар Яшке. Яшка сразу запустил лапу, награбастал полную горсть, скорей в рот и бегом прочь. Не каждый же день такое счастье!

Был у нас знакомый доктор. Болтать любил – беда. Особенно за обедом. Все уж кончили, у него на тарелке всё простыло, тогда он только хватится – поковыряет, наспех глотнёт два куска:

– Благодарю вас, я сыт.

Вот раз обедает он у нас, ткнул вилку в картошку и вилкой этой размахивает – говорит. Разошёлся – не унять. А Яша, вижу, по спинке стула поднимается, тихонько подкрался и сел у доктора за плечом. Доктор говорит:

– И понимаете, тут как раз… – И остановил вилку с картошкой возле уха – на один момент всего.

Яшенька лапочкой тихонько за картошку и снял её с вилки – осторожно, как вор.

А доктор дальше:

– И представьте себе… – И тык пустой вилкой себе в рот. Сконфузился – думал, стряхнул картошку, когда руками махал, оглядывается. А Яшки уж нет – сидит в углу и прожевать картошку не может, всю глотку забил.

Доктор сам смеялся, а всё-таки обиделся на Яшку.

Яшке устроили в корзинке постель: с простынёй, одеяльцем, подушкой. Яшка не хотел спать по-человечьи: всё наматывал на себя клубком и таким чучелом сидел всю ночь. Ему сшили платьице, зелёненькое, с пелеринкой, и стал он похож на стриженую девочку из приюта.

Вот раз я слышу звон в соседней комнате. Что такое? Пробираюсь тихонько и вижу: стоит на подоконнике Яшка в

зелёном платьице, в одной руке у него ламповое стекло, а в другой – ёжик, и он ёжиком с остервенением чистит стекло. В такую ярость пришёл, что не слыхал, как я вошёл. Это он видел, как стёкла чистили, и давай сам пробовать.

А то оставишь его вечером с лампой, он отвернёт огонь полным пламенем – лампа коптит, сажа летает по комнате, а он сидит и рычит на лампу.

Беда стала с Яшкой, хоть в клетку сажай! Я его и ругал, и бил, но долго не мог на него сердиться. Когда Яшка хотел понравиться, он становился очень ласковым, залезал на плечо и начинал в голове искать. Это значит, он вас уже очень любит.

Надо ему выпросить что-нибудь – конфет там или яблоко, – сейчас залезет на плечо и заботливо начинает лапками перебирать в волосах: ищет и ноготком поскрёбывает. Ничего не находит, а делает вид, что поймал зверя: выкусывает с пальчиков чего-то.

Вот раз пришла к нам в гости дама. Она считала, что она раскрасавица. Разряженная. Вся так шёлком и шуршит. На голове не причёска, а прямо целая беседка из волос накручена – в завитках, в локончиках. А на шее, на длинной цепочке, зеркальце в серебряной оправе.

Яшка осторожно к ней по полу подскочил.

– Ах, какая обезьянка миловидная! – говорит дама. И давай зеркальцем с Яшкой играть.

Яшка поймал зеркальце, повертел – прыг на колени к даме и стал зеркальце на зуб пробовать.

Дама отняла зеркальце, зажала в руке. А Яшке хочется зеркало получить. Дама погладила небрежно Яшку перчаткой и потихоньку спихивает с колен. Вот Яшка и решил понравиться, подольститься к даме. Прыг ей на плечо. Крепко ухватился за кружева задними лапками и взялся за причёску. Раскопал все завитки и стал искать. Дама покраснела.

– Пошёл, пошёл! – говорит.

Не тут-то было! Яшка ещё больше старается: скребёт ноготками, зубками щёлкает.

Дама эта всегда против зеркала садилась, чтоб на себя полюбоваться, и видит в зеркале, что взлохматил её Яшка, – чуть не плачет. Я двинулся на выручку. Куда там! Яшка вцепился что было силы в волосы и на меня глядит дико. Дама дёрнула его за шиворот, и своротил ей Яшка причёску. Глянула на себя в зеркало – чучело чучелом. Я замахнулся, спугнул Яшку, а гостья наша схватилась за голову и – в дверь.

– Безобразие, – говорит, – безобразие! – И не попрощалась ни с кем. «Ну, – думаю, – держу до весны и отдам кому-нибудь, если

Юхименко не возьмёт. Уж столько мне попадало за эту обезьянку!»

И вот настала весна. Потеплело. Яшка ожил и ещё больше проказил. Очень ему хотелось на двор, на волю. А двор у нас был огромный, с десятину[15]. Посреди двора был сложен горой казённый уголь, а вокруг склады с товаром. И от воров сторожа держали на дворе целую свору собак. Собаки большие, злые. А всеми собаками командовал рыжий пёс. Каштан. На кого Каштан зарычит, на того все собаки бросаются. Кого Каштан пропустит, и собаки не тронут. А чужую собаку бил Каштан с разбегу грудью. Ударит, с ног собьёт и стоит над ней, рычит, а та уж и шелохнуться боится.

Я посмотрел в окно – вижу: нет собак во дворе. Дай, думаю, пойду, выведу Яшеньку погулять первый раз. Я надел на него зелёненькое платьице, чтобы он не простудился, посадил Яшку к себе на плечо и пошёл. Только я двери раскрыл, Яшка – прыг наземь и побежал по двору. И вдруг, откуда ни возьмись, вся стая собачья, и Каштан впереди, прямо на Яшку. А он, как зелёненькая куколка, стоит маленький. Я уж решил, что пропал Яшка, – сейчас разорвут. Каштан сунулся к Яшке, но Яшка повернулся к нему, присел, прицелился. Каштан стал за шаг от обезьянки, оскалился и ворчал, но не решался броситься на такое чудо. Собаки все ощетинились и ждали, что Каштан.

Я хотел броситься выручать. Но вдруг Яшка прыгнул и в один момент уселся Каштану на шею. И тут шерсть клочьями полетела с Каштана. По морде и глазам бил Яшка, так что лап не видно было. Взвыл Каштан, и таким ужасным голосом, что все собаки врассыпную бросились. Каштан сломя голову пустился бежать, а Яшка сидит, вцепился ногами в шерсть, крепко держится, а руками рвёт Каштана за уши, щиплет шерсть клочьями. Каштан с ума сошёл: носится вокруг угольной горы с диким воем. Раза три обежал Яшка верхом вокруг двора и на ходу спрыгнул на уголь. Взобрался не торопясь на самый верх. Там была деревянная будка; он влез на будку, уселся и стал чесать себе бок как ни в чём не бывало. Вот, мол, я – мне нипочём!

А Каштан – в ворота от страшного зверя.

С тех пор я смело стал выпускать Яшку во двор: только Яшка с крыльца – все собаки в ворота. Яшка никого не боялся. Приедут во двор подводы, весь двор забьют, пройти негде. А Яшка с воза на воз перелетает. Вскочит лошади на спину – лошадь топчется, гривой трясёт, фыркает, а Яшка не спеша на другую перепрыгивает. Извозчики только смеются и удивляются:

– Смотри, какая сатана прыгает. Ишь ты! У-ух!

А Яшка – на мешки. Ищет щёлочки. Просунет лапку и щупает,

что там. Нащупает, где подсолнухи, сидит и тут же на возу щёлкает. Бывало, что и орехи нащупает Яшка. Набьёт за щёки и во все четыре руки старается нагрести.

Но вот нашёлся у Якова враг. Да какой! Во дворе был кот. Ничей. Он жил при конторе, и все его кормили объедками. Он разжирел, стал большой, как собака. Злой был и царапучий.

И вот раз под вечер гулял Яшка по двору. Я его никак не мог дозваться домой. Вижу, вышел на двор котище и прыг на скамью, что стояла под деревом. Яшка, как увидел кота, – прямо к нему. Присел и идёт не спеша на четырёх лапах. Прямо к скамье и глаз с кота не спускает. Кот подобрал лапы, спину нагорбил, приготовился. А Яшка всё ближе ползёт. Кот глаза вытаращил, пятится. Яшка на скамью. Кот всё задом на другой край, к дереву. У меня сердце замерло. А Яков по скамье ползёт на кота. Кот уж в комок сжался, подобрался весь. И вдруг – прыг, да не на Яшку, а на дерево. Уцепился за ствол и глядит сверху на обезьянку. А Яшка всё тем же ходом к дереву. Кот поцарапался выше – привык на деревьях спасаться. А Яшка на дерево, и всё не спеша, целится на кота чёрными глазками. Кот выше, выше, влез на ветку и сел с самого краю. Смотрит, что Яшка будет делать. А Яков по той же ветке ползёт, и так уверенно, будто он сроду ничего другого не делал, а только котов ловил. Кот уж на самом краю, на тоненькой веточке еле держится, качается. А Яков ползёт и ползёт, цепко перебирая всеми четырьмя ручками. Вдруг кот прыг с самого верху на мостовую, встряхнулся и во весь дух прочь без оглядки. А Яшка с дерева ему вдогонку: «Йау, йау», – каким-то страшным, звериным голосом – я у него никогда такого не слышал.

Теперь уж Яков стал совсем царём во дворе. Дома он уж есть ничего не хотел, только пил чай с сахаром. И раз так на дворе изюму наелся, что еле-еле его отходили. Яшка стонал, на глазах слёзы, и на всех капризно смотрел. Всем было сначала очень жалко Яшку, но когда он увидел, что с ним возятся, стал ломаться и разбрасывать руки, закидывать голову и подвывать на разные голоса. Решили его укутать и дать касторки. Пусть знает!

А касторка ему так понравилась, что он стал орать, чтобы ему ещё дали. Его запеленали и три дня не пускали на двор.

Яшка скоро поправился и стал рваться на двор. Я за него не боялся: поймать его никто не мог, и Яшка целыми днями прыгал по двору. Дома стало спокойнее, и мне меньше влетало за Яшку. А как настала осень, все в доме в один голос:

– Куда хочешь убирай свою обезьянку или сажай в клетку, а чтоб по всей квартире эта сатана не носилась.

То говорили, какая хорошенькая, а теперь, думаю, сатана стала. И как только началось ученье, я стал искать в классе, кому

бы сплавить Яшку. Подыскал наконец товарища, отозвал в сторону и сказал:

– Хочешь, я тебе обезьянку подарю? Живую.

Не знаю уж, кому он потом Яшку сплавил. Но первое время, как не стало Яшки в доме, я видел, что все немного скучали, хоть признаваться и не хотели.

Как я ловил человечков

Когда я был маленький, меня отвезли жить к бабушке. У бабушки над столом была полка. А на полке пароходик. Я такого никогда не видал. Он был совсем настоящий, только маленький. У него была труба: жёлтая и на ней два чёрных пояса. И две мачты. А от мачт шли к бортам верёвочные лесенки. На корме стояла будочка, как домик. Полированная, с окошечками и дверкой. А уж совсем на корме – медное рулевое колесо. Снизу под кормой – руль. И блестел перед рулём винт, как медная розочка. На носу два якоря. Ах, какие замечательные! Если б хоть один у меня такой был!

Я сразу запросил у бабушки, чтоб поиграть пароходиком. Бабушка мне всё позволяла. А тут вдруг нахмурилась:

– Вот это уж не проси. Не то играть – трогать не смей. Никогда! Это для меня дорогая память.

Я видел, что, если и заплакать, – не поможет.

А пароходик важно стоял на полке на лакированных подставках. Я глаз от него не мог оторвать. А бабушка:

– Дай честное слово, что не прикоснёшься. А то лучше спрячу-ка от греха.

И пошла к полке.

Я чуть не заплакал и крикнул всем голосом:

– Честное-расчестное, бабушка. – И схватил бабушку за юбку. Бабушка не убрала пароходика.

Я всё смотрел на пароходик. Влезал на стул, чтоб лучше видеть. И всё больше и больше он мне казался настоящим. И непременно должна дверца в будочке отворяться. И наверно, в нём живут человечки. Маленькие, как раз по росту пароходика. Выходило, что они должны быть чуть ниже спички. Я стал ждать, не поглядит ли кто из них в окошечко. Наверно, подглядывают. А когда дома никого нет, выходят на палубу. Лазят, наверно, по лестничкам на мачты.

А чуть шум – как мыши: юрк в каюту. Вниз – и притаятся. Я долго глядел, когда был в комнате один. Никто не выглянул. Я спрятался за дверь и глядел в щёлку. А они хитрые, человечки проклятые, знают, что я подглядываю. Ага! Они ночью работают,

когда никто их спугнуть не может. Хитрые.

Я стал быстро-быстро глотать чай. И запросился спать.

Бабушка говорит:

– Что это? То тебя силком в кровать не загонишь, а тут этакую рань и спать просишься.

И вот, когда улеглись, бабушка погасила свет. И не видно пароходика. Я ворочался нарочно, так что кровать скрипела. Бабушка:

– Чего ты всё ворочаешься?

– А я без света спать боюсь. Дома всегда ночник зажигают. – Это я наврал: дома ночью темно наглухо.

Бабушка ругалась, однако встала. Долго ковырялась и устроила ночник. Он плохо горел. Но всё же было видно, как блестел пароходик на полке.

Я закрылся одеялом с головой, сделал себе домик и маленькую дырочку. И из дырочки глядел не шевелясь. Скоро я так присмотрелся, что на пароходике мне всё стало отлично видно. Я долго глядел. В комнате было совсем тихо. Только часы тикали. Вдруг что-то тихонько зашуршало. Я насторожился – шорох этот на пароходике. И вот будто дверка приоткрылась. У меня дыхание спёрло. Я чуть двинулся вперёд. Проклятая кровать скрипнула. Я спугнул человечка!

Теперь уж нечего было ждать, и я заснул. Я с горя заснул.

На другой день я вот что придумал. Человечки, наверно же, едят что-нибудь. Если дать им конфету, так это для них целый воз. Надо отломить от леденца кусок и положить на пароходик, около будочки. Около самых дверей. Но такой кусок, чтоб сразу в ихние дверцы не пролез. Вот они ночью двери откроют, выглянут в щёлочку. Ух ты! Конфетища! Для них это – как ящик целый. Сейчас выскочат, скорей конфетину к себе тащить. Они её в двери, а она не лезет! Сейчас сбегают, принесут топорики – маленькие-маленькие, но совсем всамделишные – и начнут этими топориками тюкать: тюк-тюк! тюк-тюк! И скорей пропирать конфетину в дверь. Они хитрые, им лишь бы всё вёртко. Чтоб не поймали. Вот они завозятся с конфетиной. Тут, если я и скрипну, всё равно им не поспеть: конфетина в дверях застрянет – ни туда, ни сюда. Пусть убегут, а всё равно видно будет, как они конфетину тащили. А может быть, кто-нибудь с перепугу топорик упустит. Где уж им будет подбирать! И я найду на пароходике на палубе малюсенький настоящий топорик, остренький-преостренький.

И вот я тайком от бабушки отрубил от леденца кусок, как раз какой хотел. Выждал минуту, пока бабушка в кухне возилась, раз-два – на стол ногами и положил леденец у самой дверки на

пароходике. Ихних полшага от двери до леденца. Слез со стола, рукавом затёр, что ногами наследил. Бабушка ничего не заметила.

Днём я тайком взглядывал на пароходик. Повела бабушка меня гулять. Я боялся, что за это время человечки утянут леденец и я их не поймаю. Я дорогой нюнил нарочно, что мне холодно, и вернулись мы скоро. Я глянул первым делом на пароходик! Леденец как был – на месте. Ну да! Дураки они днём браться за такое дело!

Ночью, когда бабушка заснула, я устроился в домике из одеяла и стал глядеть. На этот раз ночник горел замечательно, и леденец блестел, как льдинка на солнце, острым огоньком. Я глядел, глядел на этот огонёк и заснул, как назло! Человечки меня перехитрили. Я утром глянул – леденца не было, а встал я раньше всех, в одной рубашке бегал глядеть. Потом со стула глядел – топорика, конечно, не было. Да чего же им было бросать: работали не спеша, без помехи и даже крошечки ни одной нигде не валялось – всё подобрали.

Другой раз я положил хлеб. Я ночью даже слышал какую-то возню. Проклятый ночник еле коптел, я ничего не мог рассмотреть. Но наутро хлеба не было.

Чуть только крошек осталось. Ну понятно, им хлеба-то не особенно жалко, не конфеты: там каждая крошка для них леденец.

Я решил, что у них в пароходике с обеих сторон идут лавки. Во всю длину. И они днём там сидят рядком и тихонько шепчутся. Про свои дела. А ночью, когда все-все заснут, тут у них работа.

Я всё время думал о человечках. Я хотел взять тряпочку, вроде маленького коврика, и положить около дверей. Намочить тряпочку чернилами. Они выбегут, не заметят сразу, ножки запачкают и наследят по всему пароходику. Я хоть увижу, какие у них ножки. Может быть, некоторые босиком, чтобы тише ступать. Да нет, они страшно хитрые и только смеяться будут над всеми моими штуками.

Я не мог больше терпеть.

И вот я решил непременно взять пароходик и посмотреть и поймать человечков. Хоть одного. Надо только устроить так, чтобы остаться одному дома. Бабушка всюду меня с собой таскала, во все гости. Всё к каким-то старухам. Сиди – и ничего нельзя трогать. Можно только кошку гладить. И шушукает бабушка с ними полдня.

Вот я вижу – бабушка собирается: стала собирать печенье в коробочку для этих старух – чай там пить. Я побежал в сени, достал мои варежки вязаные и натёр себе и лоб и щёки – всю

морду, одним словом. Не жалея. И тихонько прилёг на кровать.

Бабушка вдруг хватилась:

– Боря, Борюшка, где ж ты?

Я молчу и глаза закрыл. Бабушка ко мне:

– Что это ты лёг?

– Голова болит.

Она тронула лоб.

– Погляди-ка на меня! Сиди дома. Назад пойду, малины возьму в аптеке. Скоро вернусь. Долго сидеть не буду. А ты раздевайся-ка и ложись. Ложись, ложись без разговору.

Стала помогать мне, уложила, увернула одеялом и всё приговаривала: «Я сейчас вернусь, живым духом».

Бабушка заперла меня на ключ. Я выждал пять минут: а вдруг вернётся? Вдруг забыла там что-нибудь?

А потом я вскочил с постели как был, в рубахе. Я вскочил на стол, взял с полки пароходик. Сразу руками понял, что он железный, совсем настоящий. Я прижал его к уху и стал слушать: не шевелятся ли? Но они, конечно, примолкли. Поняли, что я схватил ихний пароход. Ага! Сидите там на лавочке и примолкли, как мыши. Я слез со стола и стал трясти пароходик. Они стряхнутся, не усидят на лавках, и я слышу, как они там болтаются.

Но внутри было тихо.

Я понял: они сидят на лавках, ноги поджали и руками что есть сил уцепились в сиденья. Сидят как приклеенные.

Ага! Так погодите же. Я подковырну и приподниму палубу. И вас всех там накрою. Я стал доставать из буфета столовый нож, но глаз не спускал с пароходика, чтоб не выскочили человечки. Я стал подковыривать палубу. Ух, как плотно всё заделано. Наконец удалось немножко подсунуть нож. Но мачты поднимались вместе с палубой. А мачтам не давали подниматься эти верёвочные лесенки, что шли от мачт к бортам. Их надо было отрезать – иначе никак. Я на миг остановился. Всего только на миг. Но сейчас же торопливой рукой стал резать эти лесенки. Пилил их тупым ножом. Готово, все они повисли, мачты свободны. Я стал ножом приподнимать палубу. Я боялся сразу дать большую щель. Они бросятся все сразу и разбегутся. Я оставил щёлку, чтобы пролезть одному. Он полезет, а я его – хлоп! – и захлопну, как жука в ладони. Я ждал и держал руку наготове – схватить.

Не лезет ни один! Я тогда решил сразу отвернуть палубу и туда в серёдку рукой – прихлопнуть. Хоть один да попадётся. Только надо сразу: они уж там небось приготовились – откроешь, а человечки прыск все в стороны.

Я быстро откинул палубу и прихлопнул внутрь рукой.

Ничего. Совсем, совсем ничего! Даже скамеек этих не было. Голые борта. Как в кастрюльке. Я поднял руку. И под рукой, конечно, ничего. У меня руки дрожали, когда я прилаживал назад палубу. Всё криво становилось. И лесенки никак не приделать. Они болтались как попало. Я кой-как приткнул палубу на место и поставил пароходик на полку. Теперь всё пропало!

Я скорей бросился в кровать, завернулся с головой.

Слышу ключ в дверях.

– Бабушка! – под одеялом шептал я. – Бабушка, миленькая, родненькая, чего я наделал-то!

А бабушка стояла уж надо мной и по голове гладила:

– Да чего ты ревёшь да плачешь-то чего? Родной ты мой, Борюшка! Видишь, как я скоро?

Она ещё не видала пароходика.

Валентин Петрович Катаев (1897–1986)

Валентин Петрович Катаев родился в Одессе в семье учителя. С девяти лет он начал писать стихи, некоторые из них были опубликованы в одесских газетах.

В начале Первой мировой войны пошёл в действующую армию в артиллерийскую бригаду. Демобилизовавшись, сделал первые попытки писать прозу. В 1919 году был снова призван в армию, исполнял обязанности командира батареи. Однако вскоре его отозвали из армии – писать агитплакаты, частушки, лозунги, листовки.

В 1922 году Катаев переезжает в Москву, пишет фельетоны для газет и одновременно художественную прозу, кроме того, после успеха инсценировки повести «Растратчики» постоянно пишет для театра.

Цветик-семицветик

Жила девочка Женя. Однажды послала её мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином – для папы, две баранки с маком – для мамы, две баранки с сахаром – для себя и одну маленькую розовую баранку – для братика Павлика. Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идёт, по сторонам зевает, вывески читает, ворон считает. А тем временем сзади пристала незнакомая собака да все баранки одну за другой и съела: съела папины с тмином, потом мамины с маком, потом Женины с сахаром. Почувствовала Женя, что баранки стали что-то чересчур лёгкие. Обернулась, да уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю, розовую Павликову бараночку доедает, облизывается.

– Ах, вредная собака! – закричала Женя и бросилась её догонять.

Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит – место совсем незнакомое, больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала. Вдруг откуда ни возьмись – старушка.

– Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке всё и рассказала.

Пожалела старушка Женю, привела её в свой садик и говорит:

– Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растёт у меня в садике один цветок, называется «цветик-семицветик», он всё может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он всё устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: жёлтый, красный, синий, зелёный, оранжевый, фиолетовый и голубой.

– Этот цветик, – сказала старушка, – не простой. Он может исполнить всё, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.
Вели, чтобы сделалось то-то или то-то.

И это тотчас сделается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы та проводила её до ближнего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало. Что делать? Женя уже собиралась, по своему обыкновению, заплакать, даже нос наморщила, как гармошку, да вдруг вспомнила про заветный цветок.

– А ну-ка, посмотрим, что это за цветик-семицветик!

Женя поскорее оторвала жёлтый лепесток, кинула его и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.
Вели, чтобы я была дома с баранками!

Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках – связка баранок!

Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: «Это и вправду замечательный цветок, его непременно надо поставить в самую красивую ва-зочку!»

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминой вазочкой, которая стояла на самой верхней полке.

В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон – семь или восемь. Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и – бац! – раскололась на мелкие кусочки.

– Ты опять что-то разбила, тяпа-растяпа! – закричала мама из кухни. – Не мою ли самую любимую вазочку?

– Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! – закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.
Вели, чтобы мамина любимая
вазочка сделалась целая!

Не успела она это сказать, как черепки сами собой поползли друг к другу и стали срастаться.

Мама прибежала из кухни – глядь, а её любимая вазочка как ни в чём не бывало стоит на своём месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала её гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчики играют в папанинцев: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка.

– Мальчики, мальчики, примите меня поиграть!

– Чего захотела! Не видишь – это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берём.

– Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?

– Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.

– Значит, не принимаете?

– Не принимаем. Уходи!

– И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам – кошкин хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.
Вели, чтобы я сейчас же была
на Северном полюсе!

Не успела она это сказать, как вдруг откуда ни возьмись налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок.

Женя, как была в летнем платьице с голыми ногами, одна-одинёшенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

– Ай, мамочка, замерзаю! – закричала Женя и стала плакать,

но слёзы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе.

А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей и прямёхонько к девочке, один другого страшней: первый – нервный, второй – злой, третий – в берете, четвёртый – потёртый, пятый – помятый, шестой – рябой, седьмой – самый большой.

Не помня себя от страха, Женя схватила обледеневшими пальчиками цветик-семицветик, вырвала зелёный лепесток, кинула и закричала что есть мочи:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.
Вели, чтоб я сейчас же очутилась
опять на нашем дворе!

И в тот же миг она очутилась опять во дворе. А мальчики на неё смотрят и смеются:

– Ну и где же твой Северный полюс?

– Я там была.

– Мы не видели. Докажи!

– Смотрите – у меня ещё висит сосулька.

– Это не сосулька, а кошкин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на другой двор водиться с девочками. Пришла, видит – у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трёхколесный велосипед, а у одной – большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошках. Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали жёлтые, как у козы.

«Ну, – думает, – я вам сейчас покажу, у кого игрушки!» Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.
Вели, чтобы все игрушки,

какие есть на свете, были мои!

И в тот же миг откуда ни возьмись со всех сторон повалили к Жене игрушки.

Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки: «папа-мама», «папа-мама». Женя сначала очень обрадовалась, но кукол оказалось так много, что они сразу заполнили весь двор, переулок, две улицы и половину площади. Невозможно было сделать шагу, чтобы не наступить на куклу.

Вокруг, представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол? А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из Ленинграда, Харькова, Киева, Львова и других советских городов ещё не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам Советского Союза. Женя даже слегка испугалась. Но это было только начало. За куклами сами собой покатились мячики, шарики, самокаты, трёхколёсные велосипеды, тракторы, автомобили, танки, танкетки, пушки. Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать ещё громче. По воздуху летели миллионы игрушечных самолётов, дирижаблей, планеров. С неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и деревьях.

Движение в городе остановилось. Постовые милиционеры влезли на фонари и не знали, что им делать.

– Довольно, довольно! – в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову. – Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь…

Но не тут-то было! Игрушки всё валили и валили…

Уже весь город был завален до самых крыш игрушками.

Женя по лестнице – игрушки за ней. Женя на балкон – игрушки за ней. Женя на чердак – игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.
Вели, чтоб игрушки поскорей
убирались обратно в магазины.

И тотчас все игрушки исчезли.

Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток.

– Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила – и никакого удовольствия. Ну, ничего. Вперёд буду умнее.

Пошла она на улицу, идёт и думает: «Чего бы мне ещё всё-таки велеть? Велю-ка я себе, пожалуй, два кило «мишек». Нет, лучше два кило «прозрачных». Или нет… Лучше сделаю так: велю полкило «мишек», полкило «прозрачных», сто граммов халвы, сто граммов орехов и ещё, куда ни шло, одну розовую баранку для Павлика. А что толку? Ну, допустим, всё это я велю и съем. И ничего не останется. Нет, велю я себе лучше трёхколёсный велосипед. Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Ещё, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят! Нет. Лучше я себе велю билет в кино или в цирк. Там всё-таки весело. А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка. Хотя, по правде сказать, какой толк в новых сандалетах? Можно велеть чего-нибудь ещё гораздо лучше. Главное, не надо торопиться».

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие синие глаза, весёлые, но смирные. Мальчик был очень симпатичный – сразу видно, что не драчун, и Жене захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке очень ясно увидела своё лицо с двумя косичками, разложенными по плечам.

– Мальчик, мальчик, как тебя зовут?

– Витя. А тебя как?

– Женя. Давай играть в салки?

– Не могу. Я хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

– Как жалко! – сказала Женя. – Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

– Ты мне тоже очень нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.

– Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик! – воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветик-семицветик. – Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний, голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голоском, дрожащим от счастья:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.
Вели, чтобы Витя был здоров!

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.

Александр Иванович Куприн (1870–1938)

Русский писатель Александр Иванович Куприн родился в городе Наровчат в семье мелкого чиновника, который умер через год после рождения сына. После смерти мужа мать вместе с сыном переехали в Москву, где и прошли детство и юность будущего писателя. Куприн учился сначала в Московском Разумовском пансионе, затем в Московской военной академии и Александровском юнкерском училище. Уже во время учёбы он мечтал стать «поэтом или романистом».

После окончания училища Куприн служил в пехотном полку, в 1894 году вышел в отставку и переехал в Киев. У него не было никакой гражданской профессии, а жизненный опыт был ничтожно мал. В следующие годы много странствовал по России, перепробовав множество профессий, жадно впитывая жизненные впечатления, которые стали основой его будущих произведений.

Скворцы (отрывок)

…Мы дождались скворцов. Подправили старые скворечники, повесили новые.

Наконец девятнадцатого марта вечером кто-то закричал: «Смотрите – скворцы!»

И правда, они сидели высоко на ветках тополей… Мы стали их считать: один, два, пять, десять, пятнадцать… В этот вечер у скворцов не было ни шума, ни возни…

Два дня скворцы точно набирались сил и всё навещали и осматривали прошлогодние знакомые места.

А потом началось выселение воробьёв из скворечен.

Обыкновенно скворцы по два сидят высоко над скворечниками и, по-видимому, беспечно о чём-то болтают между

собой, а сами одним глазом, искоса, пристально взглядывают вниз.

Воробью жутко и трудно. Нет-нет – высунет он свой острый хитрый нос из круглой дырочки и – назад.

Наконец голод, легкомыслие, а может быть, робость дают себя знать… И только успеет воробей отлететь на сажень, как скворец камнем вниз – и уже у себя дома.

Теперь пришёл конец воробьиному временному хозяйству.

Скворцы стерегут гнездо поочерёдно: один сидит – другой летает по делам…

Скворец таскает в гнездо всякий строительный вздор: мох, вату, перья, пух, тряпочки, солому, сухие травинки. Гнездо он устраивает очень глубоко, для того чтобы туда не пролезла лапой кошка или не просунула свой длинный хищный клюв ворона. Дальше им не проникнуть: входное отверстие довольно мало – не более пяти сантиметров.

А тут скоро и земля обсохла, душистые берёзовые почки распустились. Вспахиваются поля, вскапываются и рыхлятся огороды. Сколько выползает разных червяков, жучков и личинок! То-то скворцу раздолье!.. Его корм и на земле, и в земле.

И знаете, сколько истребляет в течение лета скворец всяких вредных для сада и огорода насекомых, если считать на вес? В тысячу раз больше собственного веса!

Если вы по утрам будете сидеть тихо, без резких движений где-нибудь в саду или в огороде, то скворцы скоро привыкнут к вам и будут подходить совсем близко…

Настоящую песню скворца надо слушать лишь ранним утром, когда первый розовый свет зари окрасит деревья…

Чуть немного согрелся воздух, а скворцы уже расселись на высоких ветках и начали свой концерт.

Валентина Александровна Осеева (1902–1969)

Валентина Осеева родилась в Киеве в семье инженера. Окончив среднюю школу, будущая писательница поступила на актёрский факультет Киевского института им. Н.В. Лысенко. Однако актрисой она не стала, детской мечте не суждено было сбыться – семья сначала переезжает в Москву, а затем в Солнечногорск.

В годы Великой Отечественной войны в эвакуации Осеева работала воспитателем в детском саду. Работая с трудными детьми, Валентина Осеева на досуге сочиняла для них сказки и пьесы и сама же их ставила вместе со своими подопечными, придумывала различные игры и увлекалась ими не меньше ребят.

Именно воспитанники заставили её отнести в редакцию первый рассказ «Гришка». А в 1940 году вышла первая книга писательницы – «Рыжий кот». Позже были написаны сборники рассказов для детей, повесть «Васёк Трубачёв и его товарищи», автобиографические повести «Динка» и «Динка прощается с детством».

Волшебное слово

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

– Подвиньтесь, – сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное сердитое лицо мальчика, сказал:

– С тобой что-то случилось?

– Ну и ладно! А вам-то что? – покосился на него Павлик.

– Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то…

– Ещё бы! – сердито буркнул мальчик. – Я скоро совсем убегу из дому.

– Убежишь?

– Убегу! Из-за одной Ленки убегу. – Павлик сжал кулаки. – Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не даёт! А у самой сколько!..

– Не даёт? Ну, из-за этого убегать не стоит.

– Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала… прямо тряпкой, тряпкой…

Павлик засопел от обиды.

– Пустяки! – сказал старик. – Один поругает – другой пожалеет.

– Никто меня не жалеет! – крикнул Павлик. – Брат на лодке едет кататься, а меня не берёт. Я ему говорю: «Возьми лучше, всё равно я от тебя не отстану, вёсла утащу, сам в лодку залезу!»

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

– Что же, не берёт тебя брат?

– А почему вы всё спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду:

– Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово…

Павлик раскрыл рот.

– Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни – тихим голосом, глядя прямо в глаза…

– А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода

его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

– Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

– Я попробую, – усмехнулся Павлик, – я сейчас же попробую.

Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски – зелёные, синие, красные – лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой.

«Обманул старик! – с досадой подумал мальчик. – Разве такая поймёт волшебное слово!»

Павлик боком подошёл к сестре и потянул её за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

– Лена, дай мне одну краску… пожалуйста…

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы её разжались, и, снимая руку со стола, она смущённо пробормотала:

– Какую тебе?

– Мне синюю, – робко сказал Павлик.

Он взял краску, подержал её в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

«Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?»

Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки. Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

– Дай мне кусочек пирожка… пожалуйста.

Бабушка выпрямилась. Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке…

– Горяченького… горяченького захотел, голубчик мой! – приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал её в обе щеки.

«Волшебник! Волшебник!» – повторял он про себя, вспоминая старика.

За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата. Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:

– Возьми меня, пожалуйста.

За столом сразу все замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.

– Возьми его, – вдруг сказала сестра. – Что тебе стоит!

– Ну отчего же не взять? – улыбнулась бабушка. – Конечно, возьми.

– Пожалуйста, – повторил Павлик.

Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу,

взъерошил ему волосы.

– Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся.

«Помогло! Опять помогло!»

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

Хорошее

Проснулся Юрик утром. Посмотрел в окно. Солнце светит. Денёк хороший.

И захотелось мальчику самому что-нибудь хорошее сделать.

Вот сидит он и думает: «Что, если б моя сестрёнка тонула, а я бы её спас!»

А сестрёнка тут как тут:

– Погуляй со мной, Юра!

– Уходи, не мешай думать!

Обиделась сестрёнка, отошла. А Юра думает: «Вот если б на няню волки напали, а я бы их застрелил!»

А няня тут как тут:

– Убери посуду, Юрочка.

– Убери сама – некогда мне!

Покачала головой няня. А Юра опять думает: «Вот если б Трезорка в колодец упал, а я бы его вытащил!»

А Трезорка тут как тут. Хвостом виляет: «Дай мне попить, Юра!»

– Пошёл вон! Не мешай думать!

Закрыл Трезорка пасть, полез в кусты. А Юра к маме пошёл:

– Что бы мне такое хорошее сделать?

Погладила мама Юру по голове:

– Погуляй с сестрёнкой, помоги няне посуду убрать, дай водички Трезору.

Просто старушка

По улице шли мальчик и девочка. А впереди их шла старушка. Было очень скользко. Старушка поскользнулась и упала.

– Подержи мои книжки! – крикнул мальчик, передал девочке свою сумку и бросился на помощь старушке. Когда он вернулся, девочка спросила его:

– Это твоя бабушка?

– Нет, – ответил мальчик.

– Мама? – удивилась подружка.

– Нет!

– Ну, тётя? Или знакомая?

– Да нет же, нет! – ответил ей мальчик. – Это просто старушка!

Отомстила

Катя подошла к своему столу – и ахнула: ящик был выдвинут, новые краски разбросаны, кисточки перепачканы, на столе растеклись лужицы бурой воды.

– Алёшка! – закричала Катя. – Алёшка!.. – И, закрыв лицо руками, громко заплакала.

Алёша просунул в дверь круглую голову. Щёки и нос у него были перепачканы красками.

– Ничего я тебе не сделал! – быстро сказал он.

Катя бросилась на него с кулаками, но братишка исчез за дверью и через раскрытое окно прыгнул в сад.

– Я тебе отомщу! – кричала со слезами Катя.

Алёша, как обезьянка, вскарабкался на дерево и, свесившись с нижней ветки, показал сестре нос.

– Заплакала!.. Из-за каких-то красок заплакала!

– Ты у меня тоже заплачешь! – кричала Катя. – Ещё как заплачешь!

– Это я-то заплачу? – Алёша засмеялся и стал быстро карабкаться вверх. – А ты сначала поймай меня.

Вдруг он оступился и повис, ухватившись за тонкую ветку. Ветка хрустнула и обломилась. Алёша упал.

Катя бегом бросилась в сад. Она сразу забыла свои испорченные краски и ссору с братом.

– Алёша! – кричала она. – Алёша!

Братишка сидел на земле и, загораживая руками голову, испуганно смотрел на неё.

– Встань! Встань!

Но Алёша втянул голову в плечи и зажмурился.

– Не можешь? – испуганно спрашивала Катя, ощупывая Алёшины коленки. – Держись за меня.

Она обняла братишку за плечи и осторожно поставила его на ноги.

– Больно тебе?

Алёша мотнул головой и вдруг заплакал.

– Что, не можешь стоять? – спросила Катя.

Алёша ещё громче заплакал и прижался к сестре.

– Я никогда больше не буду трогать твои краски… никогда…

никогда… не буду!

Сторож

В детском саду было много игрушек. По рельсам бегали заводные паровозы, в комнате гуляли самолёты, в колясках лежали нарядные куклы. Ребята играли вместе, и всем было весело. Только один мальчик не играл. Он собрал около себя целую кучу игрушек и охранял их от ребят.

– Моё! Моё! – кричал он, закрывая игрушки руками. Дети не спорили, игрушек хватало на всех.

– Как мы хорошо играем! Как нам весело! – похвалились ребята воспитательнице.

– А мне скучно! – закричал из своего угла мальчик.

– Почему? – удивилась воспитательница. – У тебя так много игрушек!

Но мальчик не мог объяснить, почему ему скучно.

Три товарища

Витя потерял завтрак. На большой перемене все ребята завтракали, а Витя стоял в сторонке.

– Почему ты не ешь? – спросил его Коля.

– Завтрак потерял…

– Плохо, – сказал Коля, откусывая большой кусок белого хлеба. – До обеда далеко ещё!

– А ты где его потерял? – спросил Миша.

– Не знаю… – тихо сказал Витя и отвернулся.

– Ты, наверно, в кармане нёс, а надо в сумку класть, – сказал Миша.

А Володя ничего не спросил. Он подошёл к Вите, разломил пополам кусок хлеба с маслом и протянул товарищу:

– Бери, ешь!

Добрая хозяюшка

Жила-была девочка. И был у неё петушок. Встанет утром петушок, запоёт:

– Ку-ка-ре-ку! Доброе утро, хозяюшка!

Подбежит к девочке, поклюёт у неё из рук крошки, сядет с ней рядом на завалинке. Пёрышки разноцветные, словно маслом смазаны, гребешок на солнышке золотом отливает. Хороший был петушок.

Увидела как-то девочка у соседки курочку. Понравилась ей курочка. Просит она соседку:

– Отдай мне курочку, а я тебе за неё петушка отдам.

Услыхал петушок, свесил на сторону гребень, опустил голову, да делать нечего – сама хозяйка отдаёт.

Согласилась соседка – дала курочку, взяла петушка. Стала девочка с курочкой дружить. Пушистая курочка, тёпленькая, что ни день – свежее яичко снесёт.

– Куд-кудах, моя хозяюшка! Кушай на здоровье яичко!

Съест девочка яичко, возьмёт курочку на колени, пёрышки ей гладит, водичкой поит, пшеном угощает. Только раз приходит в гости соседка с уточкой. Понравилась девочке уточка. Просит она соседку:

– Отдай мне твою уточку – я тебе свою курочку отдам!

Услыхала курочка, опустила пёрышки, опечалилась, да делать нечего – сама хозяйка отдаёт.

Стала девочка с уточкой дружить. Ходят вместе на речку купаться. Девочка плавает – и уточка рядышком.

– Тась, тась, тась, моя хозяюшка! Не плыви далеко, в речке дно глубоко!

Выйдет девочка на бережок – и уточка за ней. Приходит раз сосед. За ошейник щенка ведёт. Увидала девочка:

– Ах, какой щеночек хорошенький. Дай мне щенка – возьми мою уточку!

Услыхала уточка, захлопала крыльями, закричала, да делать нечего. Взял её сосед, сунул под мышку и унёс.

Погладила девочка щенка и говорит:

– Был у меня петушок – я за него курочку взяла, была курочка – я её за уточку отдала, теперь уточку на щенка променяла.

Услышал это щенок, поджал хвост, спрятался под лавку, а ночью открыл лапой дверь и убежал.

– Не хочу с такой хозяйкой дружить! Не умеет она дружбой дорожить!

Проснулась девочка – никого у неё нет.

Л. Пантелеев (1908–1987)

Л. Пантелеев (настоящее имя Алексей Иванович Еремеев) родился в Санкт-Петербурге в семье казачьего офицера. В 8 лет юного Алёшу отдали во 2-е Петроградское реальное училище, которое он, как и все остальные учебные заведения, в которые поступал, не закончил. Каждый раз ему мешала его неугомонная авантюрная натура, она не позволяла ему надолго задерживаться на одном месте. Лишь литературному творчеству Пантелеев не

изменял никогда. Первые свои «серьёзные» произведения он написал в 8–9 лет.

Две лягушки

Жили-были две лягушки. Были они подругами и жили в одной канаве. Но только одна из них была настоящая лесная лягушка – храбрая, сильная, весёлая, а другая была ни то ни сё: трусиха была, лентяйка, соня. Про неё даже говорили, будто она не в лесу, а где-то в городском парке родилась.

Но всё-таки они жили вместе, эти лягушки.

И вот однажды ночью пошли они погулять. Идут себе по лесной дорожке и вдруг видят: стоит дом. А около дома погреб. И из этого погреба очень вкусно пахнет: плесенью пахнет, сыростью, мохом, грибами. А это как раз то самое, что лягушки любят. Вот забрались они поскорей в погреб, стали там бегать и прыгать. Прыгали, прыгали и нечаянно свалились в горшок со сметаной. И стали тонуть.

А тонуть им, конечно, не хочется.

Тогда они стали барахтаться, стали плавать. Но у этого глиняного горшка были очень высокие скользкие стенки. И лягушкам оттуда никак не выбраться. Та лягушка, что была лентяйкой, поплавала немножко, побултыхалась и думает: «Всё равно мне отсюда не вылезти. Что ж я буду непрасно барахтаться? Только нервы даром трепать. Уж лучше я сразу утону».

Подумала она так, перестала барахтаться – и утонула.

А вторая лягушка – та была не такая. Та думает: «Нет, братцы, утонуть я всегда успею. Это от меня не уйдёт. А лучше я ещё побарахтаюсь, ещё поплаваю. Кто его знает, может быть, у меня что-нибудь и выйдет».

Но только – нет, ничего не выходит. Как ни плавай – далеко не уплывёшь. Горшок узенький, стенки скользкие – не вылезти лягушке из сметаны.

Но всё-таки она не сдаётся, не унывает.

«Ничего, – думает, – пока силы есть, буду барахтаться. Я ведь ещё живая – значит, надо жить. А там – что будет».

И вот из последних сил борется наша храбрая лягушка со своей лягушачьей смертью. Уж вот она и сознание стала терять. Уж вот захлебнулась. Уж вот её ко дну тянет. А она и тут не сдаётся. Знай себе лапками работает. Дрыгает лапками и думает: «Нет! Не сдамся! Шалишь, лягушачья смерть…»

И вдруг – что такое? Вдруг чувствует наша лягушка, что под ногами у неё уже не сметана, а что-то твёрдое, что-то такое крепкое, надёжное, вроде земли. Удивилась лягушка, посмотрела

и видит: никакой сметаны в горшке уже нет, а стоит она на комке масла.

«Что такое? – думает лягушка. – Откуда здесь взялось масло?»

Удивилась она, а потом догадалась: ведь это она сама лапками своими из жидкой сметаны твёрдое масло сбила.

«Ну вот, – думает лягушка, – значит, я хорошо сделала, что сразу не утонула».

Подумала она так, выпрыгнула из горшка, отдохнула и поскакала к себе домой – в лес. А вторая лягушка осталась лежать в горшке.

И никогда уж она, голубушка, больше не видела белого света, и никогда не прыгала, и никогда не квакала.

Ну что ж. Если говорить правду, так сама ты, лягушка, и виновата. Не падай духом! Не умирай раньше смерти!

Евгений Андреевич Пермяк (1902–1982)

Евгений Пермяк – псевдоним Евгения Андреевича Виссова. Он родился 31 октября 1902 года в Перми. В честь родного города писатель своей настоящей фамилии предпочёл псевдоним Пермяк.

Отец Евгения Виссова, мелкий почтовый служащий, скончался от чахотки, когда сыну было три года. Матери было нелегко одной воспитывать сына, поэтому большая часть его детских лет прошла в Воткинске, в обществе бабушки, деда и сестры матери, окруживших мальчика заботой, теплотой и вниманием.

В Воткинске Женя учился в церковно-приходской школе, прогимназии и гимназии, где наряду с образовательными дисциплинами велось и производственное обучение. Виссов освоил пять ремёсел: столярное, слесарное, сапожное, кузнечное и токарное. В Воткинске молодой человек взялся за перо. Его первые рабселькоровские заметки и стихи были подписаны псевдонимом «мастер Непряхин».

Волшебные краски

Один раз в сто лет самый добрый из всех добрых стариков – Дед Мороз – в ночь под Новый год приносит семь волшебных красок. Этими красками можно нарисовать всё, что захочешь, и нарисованное оживёт.

Хочешь – нарисуй стадо коров и потом паси их. Хочешь – нарисуй корабль и плыви на нём… Или звездолёт – и лети к звёздам. А если тебе нужно нарисовать что-нибудь попроще,

например стул, – пожалуйста… Нарисуй и садись на него. Волшебными красками можно нарисовать что угодно, даже мыло, и оно будет мылиться. Поэтому Дед Мороз приносит волшебные краски самому доброму из всех самых добрых детей.

И это понятно… Если такие краски попадут в руки злому мальчику или злой девочке – они могут натворить много бед. Стоит, скажем, этими красками пририсовать человеку второй нос, и он будет двуносым. Стоит пририсовать собаке рога, курице – усы, а кошке – горб, и будет собака – рогатой, курица – усатой, а кошка – горбатой.

Поэтому Дед Мороз очень долго проверяет сердца детей, а потом уже выбирает, кому из них подарить волшебные краски.

В последний раз Дед Мороз подарил волшебные краски одному самому доброму из всех самых добрых мальчиков.

Мальчик очень обрадовался краскам и тут же принялся рисовать. Рисовать для других. Потому что он был самый добрый из всех самых добрых мальчиков. Он нарисовал бабушке тёплый платок, маме – нарядное платье, а отцу – новое охотничье ружьё. Слепому старику мальчик нарисовал глаза, а своим товарищам – большую-пребольшую школу…

Он рисовал, не разгибаясь, весь день и весь вечер… Он рисовал и на другой, и на третий, и на четвёртый день… Он рисовал, желая людям добра. Рисовал до тех пор, пока не кончились краски. Но…

Но никто не мог воспользоваться нарисованным. Платок, нарисованный бабушке, был похож на тряпку для мытья полов, а платье, нарисованное матери, оказалось таким кособоким, пёстрым и мешковатым, что она его не захотела даже примерить. Ружьё ничем не отличалось от дубины. Глаза для слепого напоминали две голубые кляксы, и он не мог ими видеть. А школа, которую очень усердно рисовал мальчик, получилась до того уродливой, что к ней даже боялись подходить близко.

Так на улице появились деревья, похожие на метёлки. Появились лошади с проволочными ногами, автомобили с кривыми колёсами, дома с падающими стенами и крышами набекрень, шубы и пальто, у которых один рукав был длиннее другого… Появились тысячи вещей, которыми нельзя было воспользоваться, и люди ужаснулись.

– Как ты мог сделать столько зла, самый добрый из всех самых добрых мальчиков?

И мальчик заплакал. Ему так хотелось сделать людей счастливыми!.. Но он не умел рисовать и только зря извёл краски.

Мальчик плакал так громко, что его услышал самый добрый из всех самых добрых стариков – Дед Мороз. Услышал, и вернулся

к нему, и положил перед мальчиком краски.

– Только это, мой друг, простые краски… Но они могут тоже стать волшебными, если ты этого захочешь…

Так сказал Дед Мороз и ушёл. А мальчик задумался. Как же сделать, чтобы простые краски стали волшебными и чтобы они радовали людей, а не приносили им несчастье? Добрый мальчик достал кисть и принялся рисовать.

Он рисовал, не разгибаясь, весь день и весь вечер. Он рисовал и на другой, и на третий, и на четвёртый день. Рисовал до тех пор, пока не кончились краски. Тогда он попросил новые.

Прошёл год… Прошло два года… Прошло много-много лет. Мальчик стал взрослым, но по-прежнему не расставался с красками. Глаза его стали зоркими, руки умелыми, и теперь на его рисунках вместо кривых домов с падающими стенами красовались высокие светлые здания, а вместо платьев, похожих на мешки, – яркие, нарядные одежды.

Мальчик не заметил, как стал настоящим художником. Он рисовал всё, что было вокруг, и то, что ещё никто никогда не видел: самолёты, похожие на огромные стрелы, и корабли, похожие на самолёты, воздушные мосты и дворцы из стекла.

Люди с удивлением смотрели на его рисунки, но никто не ужасался. Наоборот, все радовались и восхищались.

– Какие чудесные картины! Какие волшебные краски! – говорили они, хотя краски были самые обыкновенные.

Картины и вправду были так хороши, что людям захотелось их оживить. И вот настали счастливые дни, когда нарисованное на бумаге стало переходить в жизнь: и дворцы из стекла, и воздушные мосты, и крылатые корабли…

Так случается на белом свете… Так случается не только с красками, но и с обыкновенным топором или швейной иглой и даже с простой глиной. Так случается со всем, к чему прикасаются руки самого великого из самых великих волшебников – руки трудолюбивого, настойчивого человека.

Торопливый ножик

Строгал Митя палочку, строгал да бросил. Косая палочка получилась. Неровная. Некрасивая.

– Как же это так? – спрашивает Митю отец.

– Ножик плохой, – отвечает Митя, – косо строгает.

– Да нет, – говорит отец, – ножик хороший. Он только торопливый. Его нужно терпению выучить.

– А как? – спрашивает Митя.

– А вот так, – сказал отец.

Взял палочку да принялся её строгать потихонечку, полегонечку, осторожно.

Понял Митя, как нужно ножик терпению учить, и тоже стал строгать потихонечку, полегонечку, осторожно.

Долго торопливый ножик не хотел слушаться. Торопился: то вкривь, то вкось норовил вильнуть, да не вышло. Заставил его Митя терпеливым быть.

Хорошо стал строгать ножик. Ровно. Красиво. Послушно.

Самое страшное

Вова рос крепким и сильным мальчиком. Все боялись его. Да и как не бояться такого! Товарищей он бил. В девочек из рогатки стрелял. Взрослым рожи строил. Собаке Пушку на хвост наступал. Коту Мурзею усы выдёргивал. Колючего ёжика под шкаф загонял. Даже своей бабушке грубил.

Никого не боялся Вова. Ничего ему не страшно было. И этим он очень гордился. Гордился, да недолго.

Настал такой день, когда мальчики не захотели с ним играть. Оставили его – и всё. Он к девочкам побежал. Но и девочки, даже самые добрые, тоже от него отвернулись.

Кинулся тогда Вова к Пушку, а тот на улицу убежал. Хотел Вова с котом Мурзеем поиграть, а кот на шкаф забрался и недобрыми зелёными глазами на мальчика смотрит. Сердится.

Решил Вова из-под шкафа ёжика выманить. Куда там! Ёжик давно в другой дом жить перебрался.

Подошёл было Вова к бабушке. Обиженная бабушка даже глаз не подняла на внука. Сидит старенькая в уголке, чулок вяжет да слезинки утирает.

Наступило самое страшное из самого страшного, какое только бывает на свете: Вова остался один. Один-одинёшенек!

Смородинка

Танюша много слышала о черенках, а что это такое – не знала.

Однажды отец принёс пучок зелёных прутиков и сказал:

– Это смородиновые черенки. Будем, Танюша, смородину сажать.

Стала Таня разглядывать черенки. Палочки как палочки – чуть длиннее карандаша. Удивилась Танюша:

– Как же из этих палочек вырастет смородина, когда у них нет ни корешков, ни веточек?

А отец отвечает:

– Зато на них почки есть. Из нижних почек пойдут корешки. А вот из этой, верхней, вырастет смородиновый куст.

Не верилось Танюше, что маленькая почка может стать большим кустом. И решила проверить. Сама решила смородинку вырастить. В палисаднике. Перед избой, под самыми окнами. А там лопухи с репейником росли. Да такие цепкие, что и не сразу выполешь их.

Бабушка помогла. Повыдергали они лопухи да репейники, и принялась Танюша землю вскапывать. Нелёгкая это работа. Сперва надо дёрн снять, потом комья разбить. А дёрн у земли толстый да жёсткий. И комья твёрдые.

Много пришлось поработать Тане, пока земля покорилась. Мягкой стала да рыхлой.

Разметила Таня шнурком и колышками вскопанную землю. Всё сделала, как отец велел, и посадила рядками смородиновые черенки. Посадила и принялась ждать.

Пришёл долгожданный день. Проклюнулись из почек ростки, а вскоре появились и листочки.

К осени из ростков поднялись небольшие кустики. А ещё через год они зацвели и дали первые ягоды. По маленькой горсточке с каждого куста.

Довольна Таня, что сама смородину вырастила. И люди радуются, глядя на девочку:

– Вот какая хорошая «смородинка» у Калинниковых растёт. Настойчивая. Работящая. Черноглазая, с белой ленточкой в косе.

Случай с кошельком

Шли по улице двое: старшая сестра Катя и младший брат Костя. А впереди них шла старушка с кошёлкой. Седенькая. Хроменькая.

Шла так старушка, шла да и выронила кошелёк с деньгами.

Костя первым увидел это. Нагнулся, схватил кошелёк, а потом побежал и догнал старушку.

– Бабушка, вы кошелёк потеряли. Вот он.

Старуха взяла свой кошелёк и сунула его в карман.

– Тьфу! Какая я стала растеряха…

Сказала так она и пошла себе дальше, а Костя вернулся к сестре и пожаловался на старушку:

– Какая она неблагодарная! Взяла кошелёк, сунула его в карман и даже «спасибо» не сказала.

Тогда старшая сестра остановилась, строго посмотрела на младшего брата и спросила:

– А за что она должна благодарить тебя? За то, что ты честен? Так ведь быть честным – это твоя обязанность, а не заслуга. Разве можно за это требовать благодарности?..

Не сразу понял Костя, о чём говорила его старшая сестра. Но зато, когда понял, запомнил на всю жизнь этот случай с кошельком.

Михаил Михайлович Пришвин (1873–1954)

Михаил Пришвин родился в купеческой семье (отец умер, когда мальчику было семь лет). Окончив сельскую школу, будущий писатель поступил в Елецкую классическую гимназию, однако не закончил её, так как был исключен в 1888 году за дерзость учителю. После этого Пришвин переезжает к дяде в Тюмень и здесь заканчивает шесть классов Тюменского реального училища. В 1983 году Пришвин поступает на химико-агрономическое отделение Рижского политехникума.

В 1900 году писатель уезжает в Германию, где заканчивает агрономическое отделение философского факультета Лейпцигского университета. Вернувшись в Россию, Пришвин до 1905 года работает агрономом сначала в Тульской, а затем в Московской губерниях, составляет сельскохозяйственные книги. После, вплоть до Октябрьской революции, он работает корреспондентом в нескольких газетах.

Во время Первой мировой войны Пришвин идёт на фронт в качестве санитара и военного корреспондента. После Октябрьской революции совмещает краеведческую работу с работой агронома и учителя. Он преподаёт в бывшей елецкой гимназии, из которой был исключён в детстве, и в школе второй ступени в селе Алексино Дорогобужского района, кроме того, служит инструктором народного образования.

Лягушонок

В полднях от горячих лучей солнца стал плавиться снег. Пройдёт два дня, много три, и весна загудит. В полднях солнце так распаривает, что весь снег вокруг нашего домика на колёсах покрывается какой-то чёрной пылью. Мы думали, где-то угли жгут. Приблизил я ладонь к этому грязному снегу, и вдруг – вот те угли! – на сером снегу стало белое пятно: это мельчайшие жучки-прыгунки разлетелись в разные стороны.

В полдневных лучах на какой-нибудь час или два оживают на снегу разные жучки, паучки, блошки, даже комарики перелетают. Случилось, талая вода проникла в глубь снега и разбудила

спящего на земле под снежным одеялом маленького розового лягушонка. Он выполз из-под снега наверх, решил по глупости, что началась настоящая весна, и отправился путешествовать. Известно, куда путешествуют лягушки: к ручейку, к болотцу.

Случилось, в эту ночь как раз хорошо припорошило, и след путешественника легко можно было разобрать. След вначале был прямой, лапка за лапкой, к ближайшему болотцу. Вдруг почему-то след сбивается, дальше больше и больше. Потом лягушонок мечется туда и сюда, вперёд и назад, след становится похожим на запутанный клубок ниток.

Что случилось, почему лягушонок вдруг бросил свой прямой путь к болоту и пытался вернуться назад?

Чтобы разгадать, распутать этот клубок, мы идём дальше и вот видим – сам лягушонок, маленький, розовый, лежит, растопырив безжизненные лапки.

Теперь всё понятно. Ночью мороз взялся за вожжи и так стал подхлёстывать, что лягушонок остановился, сунулся туда, сюда и круто повернул к тёплой дырочке, из которой почуял весну.

В этот день мороз ещё крепче натянул свои вожжи, но ведь в нас самих было тепло, и мы стали помогать весне. Мы долго грели лягушонка своим горячим дыханием – он всё не оживал. Но мы догадались: налили тёплой воды в кастрюльку и опустили туда розовое тельце с растопыренными лапками.

Крепче, крепче натягивай, мороз, свои вожжи – с нашей весной ты теперь больше не справишься. Не больше часа прошло, как наш лягушонок снова почуял своим тельцем весну и шевельнул лапками. Вскоре и весь он ожил.

Когда грянул гром и всюду зашевелились лягушки, мы выпустили нашего путешественника в то самое болотце, куда он хотел попасть раньше времени, и сказали ему в напутствие:

– Живи, лягушонок, только, не зная броду, не суйся в воду.

Деревья в плену

Весна сияла на небе, но лес ещё по-зимнему был засыпан снегом. Были ли вы снежной зимой в молодом лесу? Конечно, не были: туда и войти невозможно. Там, где летом вы шли по широкой дорожке, теперь через эту дорожку в ту и другую сторону лежат согнутые деревья, и так низко, что только зайцу под ними и пробежать.

Вот что случилось с деревьями: берёзка вершинкой своей, как ладонью, забирала падающий снег, и такой от этого вырос ком, что вершинка стала гнуться. В оттепель падал опять снег и прилипал к тому ко́му. Вершина с тем огромным комом всё

гнулась и наконец погрузилась в снег и примёрзла так до самой весны. Под этой аркой всю зиму проходили звери и люди изредка на лыжах.

Но я знаю одно простое волшебное средство, чтобы идти по такой дорожке, самому не сгибая спины. Я выламываю себе хорошую увесистую палочку, и стоит мне только этой палочкой хорошенько стукнуть по склонённому дереву, как снег валится вниз, дерево прыгает вверх и уступает мне дорогу. Медленно так я иду и волшебным ударом освобождаю множество деревьев.

Разговор деревьев

Почки раскрываются, шоколадные, с зелёными хвостиками, и на каждом зелёном клювике висит большая прозрачная капля. Возьмёшь одну почку, разотрёшь между пальцами, и потом долго всё пахнет тебе ароматной смолой берёзы, тополя или черёмухи.

Понюхаешь черёмуховую почку и сразу вспомнишь, как, бывало, забирался наверх по дереву за ягодами, блестящими, чёрно-лаковыми. Ел их горстями прямо с косточками, но ничего от этого, кроме хорошего, не бывало.

Вечер тёплый, а такая тишина, словно должно что-то в такой тишине случиться. И вот начинают шептаться между собой деревья: берёза белая с другой берёзой белой издали перекликаются; осинка молодая вышла на поляну, как зелёная свечка, и зовёт к себе такую же зелёную свечку-осинку, помахивая веточкой; черёмуха черёмухе подаёт ветку с раскрытыми почками.

Если с нами сравнить – мы звуками перекликаемся, а у них – аромат.

Лесной доктор

Мы бродили весной в лесу и наблюдали жизнь дупляных птиц: дятлов, сов. Вдруг в той стороне, где у нас раньше было намечено интересное дерево, мы услышали звук пилы. То была, как нам говорили, заготовка дров из сухостойного леса для стеклянного завода. Мы побоялись за наше дерево, поспешили на звук пилы, но было уже поздно: наша осина лежала, и вокруг её пня было множество пустых еловых шишек. Это всё дятел отшелушил за долгую зиму, собирал, носил на эту осинку, закладывал между двумя суками своей мастерской и долбил. Около пня, на срезанной нашей осинке, два паренька отдыхали. Эти два паренька только и занимались тем, что пилили лес.

– Эх вы, проказники! – сказали мы и указали им на срезанную осину. – Вам велено резать сухостойные деревья, а вы что сделали?

– Дятел дырки наделал, – ответили ребята. – Мы поглядели и, конечно, спилили. Всё равно пропадёт.

Стали все вместе осматривать дерево. Оно было совсем свежее, и только на небольшом пространстве, не более метра в длину, внутри ствола прошёл червяк. Дятел, очевидно, выслушал осину, как доктор: выстукал её своим клювом, понял пустоту, оставляемую червем, и приступил к операции извлечения червя. И второй раз, и третий, и четвёртый… Нетолстый ствол осины походил на свирель с клапанами. Семь дырок сделал «хирург» и только на восьмой захватил червяка, вытащил и спас осину. Мы вырезали этот кусок, как замечательный экспонат для музея.

– Видите, – сказали мы ребятам, – дятел – это лесной доктор, он спас осину, и она бы жила и жила, а вы её срезали.

Пареньки подивились.

Георгий Алексеевич Скребицкий (1903–1964)

Георгий Скребицкий родился в Москве. Его детские годы прошли в провинциальном городке Чернь Тульской губернии. В 1921 году Скребицкий заканчивает чернскую школу 2-й ступени и едет учиться в Москву, где в 1925 году заканчивает литературное отделение в Институте слова. Затем поступает в Московский Высший лесотехнический институт. Таким образом в одном человеке объединились две любимые профессии – литератора и любителя природы.

Уже первые сборники Скребицкого «Простофиля и хитрецы» (1944), «Рассказы охотника» (1948) поставили его в ряд лучших детских писателей-натуралистов. Его книги всегда пользовались большой популярностью и в нашей, и во многих зарубежных странах, будучи переведёнными на многие иностранные языки – болгарский, немецкий, албанский, венгерский, словацкий, чешский, польский и другие. Единомышленником и литературным соавтором Георгия Скребицкого с конца 1940-х годов стала известная писательница-анималист Вера Чаплина. В соавторстве Скребицкий и Чаплина создают сценарии к мультфильмам «Лесные путешественники» и «В лесной чаще».

Осень

…Для своей работы взяла Художник-Осень самые яркие краски и прежде всего отправилась с ними в лес. Там и принялась

за свою картину.

Берёзы и клёны покрыла Осень лимонной желтизной, а листья осины разрумянила, будто спелые яблоки. Стал осинник весь ярко-красный, весь, как огонь, горит.

Забрела Осень на лесную поляну. Стоит посреди неё столетний дуб-богатырь, стоит, густою листвою потряхивает.

«Могучего богатыря надо в медную кованую броню одеть», – подумала Осень.

Так и обрядила она старика.

Глядит – а неподалёку, с краю поляны, густые развесистые липы в кружок собрались, ветви вниз опустили. Им больше всего подойдёт тяжёлый убор из золотой парчи.

Все деревья и даже кусты разукрасила Осень по-своему, по-осеннему: кого в жёлтый наряд, кого в ярко-красный. Одни только сосны да ели не знала она, как разукрасить.

Вот и остались сосны да ели по-летнему тёмно-зелёными. И от этого ещё ярче, ещё наряднее сделался лес в своём пёстром осеннем уборе. Отправилась Осень из леса в поля, в луга. Убрала с полей золотые хлеба, а в лугах душистые копны сена сметала в высокие, словно башни, стога.

Опустели поля и луга. Ещё шире, просторнее стали. И потянулись над ними в осеннем небе косяки перелётных птиц: журавлей, гусей, уток…

Весна-художник

Приступила к работе Весна-красна. Не сразу взялась она за дело. Сперва призадумалась: какую бы ей картину нарисовать?

Вот стоит перед ней лес – ещё по-зимнему хмурый, угрюмый.

«А дай-ка я разукрашу его по-своему, по-весеннему!» Взяла она тонкие, нежные кисточки. Чуть-чуть тронула зеленью ветки берёз, а на осинах и тополях поразвесила розовые и серебряные серёжки.

День за днём всё наряднее картина весны.

На широкой лесной поляне синей краской нарисовала она большую весеннюю лужу. А вокруг неё, будто синие брызги, рассыпала первые цветы подснежника, медуницы.

Рисует день, другой. Вот на склоне оврага кусты черёмухи; их ветки покрыла Весна мохнатыми гроздьями белых цветов. И на лесной опушке, тоже все белые, будто в снегу, стоят дикие яблони, груши.

Посреди луговины уже зеленеет трава. А на самых сырых местах, как золотые звёзды, распустились цветы калужницы.

Всё оживает кругом. Почуяв тепло, выползают из разных

щёлок букашки и паучки. Майские жуки загудели возле берёзовых веток. Первые пчёлы и бабочки летят на цветы.

А сколько птиц в лесу и в полях! И для каждой из них Весна-красна придумала важное дело.

Догадливая синичка

В детстве у нас было так заведено: как наступит осень, мы и начинаем ловить птиц для своего живого уголка. Много птиц за осень и зиму наловим и рассадим по клеткам.

А весной, только пригреет солнце, побегут по дорогам весёлые ручьи, – тут мы вынесем все клетки во двор, раскроем дверцы и выпустим птичек на свободу: летите в рощи, в леса, вейте гнёзда, выводите птенцов, а осенью опять возвращайтесь к нам на зимнюю квартиру.

Разные птички у нас в клетках зимовали: синицы, щеглы, снегири. Ловили мы их западнёй. Это небольшая клеточка, только дверца у неё устроена, как у мышеловки.

Вот мы, бывало, откроем западню, а к входу палочку-сторожок приставим, чтобы он не давал дверце захлопываться. Внутрь конопляных семян насыплем и повесим западню в саду на сучке дерева.

Прилетят в сад какие-нибудь птички, сядут на дерево, где западня висит, и увидят в ней зёрнышки. Подлетят к западне, полезут внутрь, чтобы зёрна клевать, сторожок зацепят – дверца за птичкой и захлопнется.

Один раз попалась нам в западню синица, да только какая-то бесхвостая. Взяли мы её и выпустили. А через несколько дней она опять попалась. Мы её снова выпустили. Так она за неделю несколько раз в нашей западне побывала. Прыгает, бывало, внутри, зёрнышки поклёвывает, будто она на воле, а не в запертой клетке. Такая уж, видно, смелая! Может, раньше где-нибудь в клетке жила, вот и привыкла. И презабавная была пичужка: без хвостика, совсем кругленькая, как пушистый шарик. Важно так, бывало, в клетке сидит, словно у себя дома.

Мы уж и не знали, что с ней делать. Как в сад ни придём – западня закрыта, а в ней бесхвостая синица сидит, зёрна клюёт. Не даёт нам других птичек ловить, да и только.

А потом попадаться вдруг перестала. Мы думали, не случилось ли что-нибудь с нашей старой знакомой, даже пожалели, что её к себе домой зимовать не взяли.

Только однажды утром приходим в сад, смотрим, а наша бесхвостая синичка около западни с ветки на ветку перелетает. Затем на крышку западни уселась, с крышки – на дверцу

перебралась, а с дверцы прыг прямо в западню, да так ловко, что сторожок и не задела.

Стоим мы под деревом и смотрим, что же дальше будет. Наклевалась синичка досыта конопли, прыг из западни на дверцу, опять сторожок не задела. Посидела на дверце, почистила клювик, отряхнулась и улетела. Вот ведь какая догадливая: значит, смекнула, как ей в западню лазить, чтобы дверцу не захлопывать. Так всю зиму у нас и прокормилась.

Николай Иванович Сладков (1920–1996)

Николай Иванович Сладков родился в 1920 году в Москве, но всю жизнь прожил в Ленинграде, в Царском Селе. Здесь, неподалёку от его дома, было много старых лесопарков. С детства он любил природу и очень ею интересовался. Со второго класса начал вести дневники, куда записывал свои первые впечатления и наблюдения. С Виталием Валентиновичем Бианки – замечательным писателем, ставшим его учителем, другом и единомышленником – он познакомился, будучи юннатом. Вместе с Бианки он много лет готовил радиопередачу «Вести из леса», отвечал на многочисленные письма слушателей.

Во время войны добровольцем ушёл на фронт, стал военным топографом. В мирное время сохранил ту же специальность.

Много путешествовал, как правило, в одиночку, эти путешествия отражены в книгах. В молодости увлекался охотой, однако впоследствии отказался от этого занятия, считая спортивную охоту варварством. Вместо неё стал заниматься фотоохотой, выдвинул призыв «Не бери в лес ружьё, возьми в лес фоторужьё».

Бегство цветов

Долину у высокой снеговой горы за безводье назвали Мёртвой.

Мы пришли в долину в сумерках – ничего не успели разглядеть. А утром вдруг видим: по всей долине синие озёра в золотых берегах и холмы красных песков. Но глаза обманули нас. Не было в долине ни синих озёр, ни золотых песчаных берегов, ни красных холмов. Были цветы. В сырых впадинах синели незабудки. Они были такие яркие и такие синие, будто в них отразилось весеннее небо. Озёра незабудок окружали золотые лютики. А на сухих гривах горели маки. Маки были похожи на красные фонарики, зажжённые в зелёной траве. Их было много. Так много, что у нас начинало рябить в глазах и кружилась

голова. Вот так мёртвая долина! Как хорошо!

– Плохо, – сказали чабаны. – Мёртвая долина. Скоро всё сгорит от жары. Овцам нечего будет есть.

– И цветы сгорят? – пожалели мы.

Чабан прищурился.

– Цветы уйдут.

– Как уйдут? Куда?

– Нас поведут на новые пастбища.

Шутник чабан. Нашёл проводников…

Прошло несколько дней. И вдруг мы заметили, что цветы-то действительно пошли! Цветы стали подниматься в гору! Каждый день они поднимались всё выше и выше.

Цветы уходили из Мёртвой долины.

Цветы спешили!

Синими волнами вверх по сырым лощинкам выплеснулись незабудки. По скатам лощин поднимались жёлтые лютики. Будто среди жёлтых песков бежали синие ручьи.

Маки поднимались по гребням отрожков.

Всё злее жгло солнце.

Всё выше и выше поднимались на гору цветы. Высокая гора. Первыми стали отставать незабудки. Они поднялись до верхних родничков и окружили их бирюзовыми колечками. Но лютики и маки поднимались ещё выше.

Ночи стояли душные, жаркие. За горами метались зарницы.

Вершина горы из белой стала бурой – сошёл последний снег. Из бурой стала зелёной – покрылась травой. И наконец – золотой: это на саму вершину поднялись первые лютики. А скоро среди зелени и лютиков зажглись красные фонарики – на вершину вскарабкались маки!

Вслед за цветами и травой потянулись в горы и отары белых овец. Они, как курчавые весенние облака, ползли по горным склонам.

А внизу в долине всё сгорело. Долина стала мёртвой.

Но мы смотрели на горы и радовались: там, наверху, сочные травы, красные цветы – большие будут курдюки у овец, душистое будет овечье молоко.

Медведь и солнце

Просочилась в берлогу Вода – Медведю штаны промочила.

– Чтоб ты, слякоть, пересохла совсем! – заругался Медведь. – Вот я тебя сейчас.

Испугалась Вода, зажурчала тихим голосом:

– Не я, Медведушка, виновата. Снег во всём виноват. Начал

таять. Воду пустил. А моё дело водяное – теку под уклон.

– А, так это Снег виноват? Вот я его сейчас! – взревел Медведь.

Побелел Снег, испугался.

Заскрипел с перепугу:

– Не я виноват, Медведь. Солнце виновато. Так припекло, так прижгло – растаешь тут!

– Ах, так это Солнце мне штаны намочило! – рявкнул Медведь. – Вот я его сейчас!

А что «сейчас»? Солнце ни зубами не схватить, ни лапой не достать.

Сияет себе. Снег топит, воду в берлогу гонит. Медведю штаны мочит.

Делать нечего – убрался Медведь из берлоги. Поворчал, поворчал да и покосолапил. Штаны сушить. Весну встречать.

Бежал ёжик по дорожке

Бежал ёжик по дорожке – только пяточки мелькали. Бежал и думал: «Ноги мои быстры, колючки мои остры – шутя в лесу проживу». Повстречался с Улиткой и говорит:

– Ну, Улитка, давай-ка наперегонки. Кто кого перегонит, тот того и съест.

Глупая Улитка говорит:

– Давай!

Пустились Улитка и Ёж. Улиткина скорость известно какая – семь шагов в неделю. А Ёжик ножками туп-туп, носиком хрюк-хрюк, догнал Улитку, хруп – и съел.

Дальше побежал – только пяточки замелькали. Повстречал Лягушку-Квакушку и говорит:

– Вот что, пучеглазая, давай-ка наперегонки. Кто кого перегонит, тот того и съест.

Пустились Лягушка и Ёж. Прыг-дрыг Лягушка, туп-туп-туп Ёжик. Лягушку догнал, за лапку схватил и съел.

Съел Лягушку – дальше пятками замелькал. Бежал-бежал, видит – Филин на пне сидит, с лапы на лапу переминается и клювищем щёлкает.

«Ничего, – думает Ёж, – у меня ноги быстрые, колючки острые. Я Улитку съел, Лягушку съел – сейчас и до Филина доберусь!»

Почесал храбрый Ёж сытенькое брюшко лапкой и говорит этак небрежно:

– Давай, Филин, наперегонки. А коли догоню – съем!

Филин глазищи прищурил и отвечает:

– Бу-бу-будь по-твоему!

Пустились Филин и Ёж.

Не успел Ёж и пяточкой мелькнуть, как налетел на него Филин, забил широкими крыльями, закричал дурным голосом.

– Крылья мои, – кричит, – быстрее твоих ног, когти мои длиннее твоих колючек! Я тебе не Лягушка с Улиткой – сейчас целиком проглочу да и колючки выплюну!

Испугался Ёж, но не растерялся: съёжился да под корни и закатился. До утра там и просидел.

Нет, не прожить, видно, в лесу шутя. Шути, шути, да поглядывай!

Эхо

Стоит на берегу лес, густой, как стена. Крикнешь – лес ответит. Спросишь один раз – лес три раза ответит.

– Эхо лесное, спросить могу?

– Ау, ау, ау…

– Куда это листья лесные пропали?

– Опали, опали, опали.

– Трава лесная, где ты, не вижу?

– Ниже, ниже, ниже.

– Цветы луговые, а вы что пропали?

– Завяли, завяли, завяли.

– Птички-певички, давно ли вы пели?

– Они улетели, они улетели.

– Рыбы речные, куда вы уплыли?

– А мы на дне в иле, в иле, в иле.

– Лягушки и раки, куда подевались?

– А мы закопались, мы закопались.

– Белки и зайцы, про вас мы не знаем!

– Мы шубки меняем, меняем, меняем.

– Так что же случилось в лесу? – мы спросим.

– Пришла к нам осень, осень, осень.

Апрельские шутки

Любит пошутить этот Апрель. Взял нынче и прикинулся на первое апреля зимой. Снегу высыпал, морозом ударил.

Скворцы и грачи, что с юга уже прилетели, испугались. Плохо дело: надо назад заворачивать.

Услыхал про то Апрель и перетрусил. «Что ж я, – думает, – за Апрель, что за весенний месяц, коли всех птиц разогнал?»

Давай кричать:

– Эй, птицы перелётные! Не бойтесь, не улетайте! Я пошутил. Я вас просто с первым апреля надул! Я весенний, не зимний! Сейчас снегопад остановлю, морозы прогоню. Потом за снега возьмусь, потерпите!

Легко сказать: потерпите. А есть что?

Ой, не твёрдое апрельское слово!

Не серьёзный это месяц, весенний. Всё бы ему шутить да обманывать. Не только на первое апреля может обмануть, но даже и на пятнадцатое, а то и на двадцатое. Ему – шутки, а лесным птицам и зверям – горе.

Но, спасибо, юннаты помогают. Скворечники и дуплянки[16] развесили. Голодных подкормят, замёрзших отогреют, слабых поддержат – тех, кто к человеческому жилью в непогоду жмётся.

Апрель тоже не одни шутки шутит, но и дело делает. Снега растопляет, льды взламывает, землю прогревает. Большое дело делает. Нешуточное.

Поэзия

Валентин Дмитриевич Берестов (1928–1998)

Валентин Дмитриевич Берестов родился 1 апреля 1928 года в городе Мещовске Калужской области в семье учителя. Читать будущий поэт научился в четыре года. Стихи начал писать с детства. Во время войны, в эвакуации в Ташкенте, познакомился с К.И. Чуковским и А.А. Ахматовой, которые поддержали его увлечение литературой и сочинительством. Прежде чем стать писателем, Берестов окончил исторический факультет МГУ, затем аспирантуру. Став археологом, много бывал в экспедициях.

Первый сборник стихов вышел в 1967 году и получил признание читателей, поэтов и критиков. В том же году выходит первая книга для детей «Про машину». Затем последовали многие другие сборники стихов: «Весёлое лето», «Как найти дорожку», «Улыбка», «Жаворонок», «Первый листопад», «Определение счастья», «Пятая нога».

«Гляжу с высоты на обиду…»

Гляжу с высоты
На обиду,
Теряю обиду
Из виду.

Знакомый

Сегодня вышел я из дома.
Пушистый снег лежит кругом.
Смотрю – навстречу мой знакомый
Бежит по снегу босиком.

И вот мы радости не прячем.
Мы – неразлучные друзья.
Визжим, и прыгаем, и скачем —
И он, и я, и он, и я!

Объятья, шутки, разговоры.
– Ну как живёшь? Ну как дела? —
Вдруг видим, кошка вдоль забора,

Как тень, на цыпочках прошла.

– Побудь со мной ещё немного! —
Но я его не удержал.
– Гав! Гав! – сказал знакомый
строго.
Махнул хвостом и убежал.

Путешественники

Возьмём с собой сушёных груш
И двинемся в лесную глушь,
Одни – в далёкий путь.
Я у Старкова за спиной,
Спешит Красильников за мной —
Назад не повернуть.
Взлетают палки наши в лад,
И наши лыжи в лад скрипят.
Всё дальше, дальше дом.
Но мы – мужчины. И к тому ж
У нас запас сушёных груш.
И мы не пропадём!

«Если хочется пить…»

Если хочется пить, то колодец копай.
Если холодно станет, то печь истопи.
Если голоден, то испеки каравай.
Если ж ты одинок, то чуть-чуть
потерпи.
И потянутся путники по одному
И к воде, и к теплу, и к тебе
самому.

Гололедица

Не идётся
И не едется,
Потому что гололедица.
Но зато

Отлично падается.
Почему ж никто
Не радуется?

«Посадили игрушку на полку…»

Посадили игрушку на полку,
И бедняжка грустит втихомолку,
Что она не игрушка,
Что она безделушка,
От которой ни проку, ни толку.
Посадили игрушку на полку.

Приятная весть

– Без четверти шесть!
Без пятнадцати шесть!
Хотите услышать
Приятную весть?

– Так что же случилось
Без четверти шесть?
Какая такая
Приятная весть?

– А то, что я сам,
Понимаете, САМ,
Умею часы
Узнавать по часам…

Александр Александрович Блок (1880–1921)

Александр Блок родился 16 ноября 1880 года в Санкт-Петербурге. В девять лет будущего поэта отдали в гимназию. В младших классах у него не было друзей, в старших он сдружился с двумя одноклассниками – Гуном и Виктором Греком. В 1898 году окончил гимназию, поступил на юридический факультет Петербургского университета. Через три года перевёлся на славяно-русское отделение историко-филологического факультета, которое окончил в 1906 году.

Первые стихи Блок написал в пять лет. А в 10 лет Александр Блок написал два номера журнала «Корабль». С 1894-го по 1897 год он вместе с братьями выпускал рукописный журнал «Вестник». В 16 лет Блок увлёкся театром. В Петербурге он записался в театральный кружок. Однако после первого успеха ролей в театре ему больше не давали.

Постепенно Блок становится профессиональным литератором, у него выходят несколько сборников. Его имя становится достаточно широкоизвестным.

Сны

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!

Луч лампадки, как в тумане,
Раз-два, раз-два, раз!..
Идёт конница… а няня
Тянет свой рассказ…

Внемлю сказке древней, древней
О богатырях,
О заморской о царевне,
О царевне… ах…

Раз-два, раз-два! Конник в латах
Трогает коня
И манит и мчит куда-то
За собой меня…

За моря, за океаны
Он манит и мчит,
В дымно-синие туманы,
Где царевна спит…

Спит в хрустальной, спит в кроватке
Долгих сто ночей,
И зелёный свет лампадки
Светит в очи ей…

Под парчами, под лучами
Слышно ей сквозь сны,

Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены…

С кем там бьётся конник гневный,
Бьётся семь ночей?
На седьмую – над царевной
Светлый круг лучей…

И сквозь дрёмные покровы
Стелятся лучи,
О тюремные засовы
Звякают ключи…

Сладко дремлется в кроватке.
Дремлешь? – Внемлю… сплю.
Луч зелёный, луч лампадки,
Я тебя люблю!

Сергей Александрович Есенин (1895–1925)

Великий русский поэт Сергей Александрович Есенин родился в селе Константинове Рязанской губернии. Вскоре отец Есенина уехал в Москву, устроился работать там приказчиком, поэтому Есенина отдали на воспитание в семью деда по матери. У деда было трое взрослых неженатых сыновей. Сергей Есенин позже вспоминал: «Мои дяди были озорными братьями. Когда мне было три с половиной года, они посадили меня на лошадь без седла и пустили в галоп. Ещё меня учили плавать: сажали в лодку, плыли на середину озера и бросали в воду. Когда мне исполнилось восемь лет, я заменял одному своему дяде охотничью собаку, плавал по воде за подстреленными утками».

В Москву Есенин приехал осенью 1912 года и поступил на работу в книжный магазин, затем продолжил работу в типографии И.Д. Сытина. В 1913 году будущий поэт поступил в Московский городской народный университет имени Шанявского на историко-философский факультет.

Первые стихи С. Есенина были опубликованы в 1914 году в детском журнале. В 1915 году поэт из Москвы перебрался в Петроград, где читал свои произведения Блоку, Городецкому, многим другим известным поэтам того времени, кроме того, сохранились сведения, что Есенин выступал и в Царском Селе перед императрицей и её дочерями.

«Нивы сжаты, рощи голы…»

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.
Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем, совсем немного
Ждать зимы седой осталось.
Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребёнком
Запрягался в наши сани.

Пороша

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу.
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна.
Словно белою косынкой
Повязалася сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А под самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много.
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

Ночь

Тихо дремлет река.
Тёмный бор не шумит.

Соловей не поёт,
И дергач[17] не кричит.

Ночь. Вокруг тишина.
Ручеек лишь журчит.
Своим блеском луна
Всё вокруг серебрит.

Серебрится река.
Серебрится ручей.
Серебрится трава
Орошённых степей.

Ночь. Вокруг тишина.
В природе всё спит.
Своим блеском луна
Всё вокруг серебрит.

Эмма Эфраимовна Мошковская (1926–1981)

Эмма Мошковская родилась 15 апреля 1926 года. Окончила музыкально-педагогическое училище имени Гнесиных, работала в Архангельской филармонии. В начале поэтического пути её поддержал Самуил Маршак. В 1962 году выпустила первый сборник стихов для детей «Дядя Шар», за которым последовали более 20 сборников стихов и сказок для дошкольного и младшего школьного возраста. Занималась переводами, писала стихи и рассказы. На стихи Мошковской писали песни советские композиторы.

Трудный путь

Я решил и отправляюсь,
Я иду в этот трудный путь.
Я иду в соседнюю комнату,
Где молча сидит моя мама.
И придётся открыть дверь
И сделать шаг… и ещё
И ещё, может десять, десять шагов!
И тихо к ней подойти,
И тихо сказать: «прости…»
Есть мужество стоять под выстрелом,
Под прорезью прицела тонкого,

Есть мужество решенья быстрого,
И мужество терпенья долгого.
А есть ещё такое мужество,
Что может быть других важнее.
Когда не в силах больше мучаться
Приходишь к нему иль ней.
Я был не прав, не прав до ужаса,
Прости меня и мне доверься
И отогреет это мужество
Тобой обиженное сердце.

«Я ушёл в свою обиду…»

Я ушёл в свою обиду
и сказал, что я не выйду.
Вот не выйду никогда!
Буду жить в ней все года!
И в обиде
я не видел
ни цветочка, ни куста…
И в обиде
я обидел
и щеночка, и кота…
Я в обиде
съел пирог
и в обиде
я прилёг,
и проспал в ней два часа,
открываю я глаза…
А она куда-то делась!
Но искать не захотелось!

«Всего труднее дело…»

Всего труднее дело —
Сидеть совсем без дела.
Сидеть совсем без дела
Я б даже не сумела!
Ведь не простое дело
Сидеть совсем без дела!
Что делают без дела?..

Вот в этом-то и дело!

Жадина

Пёс
Шагал
По переулку.
Он
Жевал
Большую
Булку.
Подошёл
Щеночек,
Попросил кусочек.
Сел
Пёс,
Стал гадать:
«Дать или не дать?»
Погадал-погадал,
Пожевал-пожевал…
Не дал!

Подошла
Кошка-Мяушка,
Попросила Кошка
Мякушка.
Встал
Пёс,
Стал гадать:
«Дать
или не дать?»
Погадал-погадал,
Пожевал-пожевал…
Не дал!

Прискакала
Лягушка,
Пошептала
На ушко,
Попросила
Лягушка
Горбушку.
Сел

Пёс,
Стал гадать:
«Дать
или не дать?»
Погадал-погадал,
Пожевал-пожевал…
Не дал!

Подошла
Уточка,
Постояла минуточку,
Попросила
Уточка
Чуточку-чуточку!
Только попробовать!
Встал
Пёс,
Стал гадать:
«Дать
или не дать?»
Погадал-погадал,
Пожевал-пожевал…
Не дал!

Подошла
Курочка,
Попросила Курочка
Корочку!
Сел
Пёс,
Стал гадать:
«Дать
или не дать?»
Погадал-погадал,
Пожевал-пожевал…
И сказал:
– Я бы дал!
У меня у самого
Больше нету ничего!

Нина Саконская (1896–1951)

Нина Саконская (настоящее имя – Антонина Павловна

Соколовская) родилась 22 июня 1896 года в деревне Мысовая, близ Красноярска. Свою юность провела в Баку. Училась в Московской консерватории. Преподавала музыку в школе. В 1927 году опубликовала книгу для детей «Книжка эта про четыре цвета».

Зимний праздник

Ясный день, замечательный воздух!
Забирайте коньки – и на лёд!
Встретим так новогодний наш отдых,
Чтоб потом вспоминать целый год.

На санях хорошо, на коньках хорошо,
И с горы хорошо прокатиться!
Но сейчас веселей, в десять раз веселей
Возле ёлки играть и кружиться!

Серпантина бумажные стружки,
Извиваясь, над нами шуршат,
Из мешка доставая игрушки,
Дед Мороз поздравляет ребят.

На санях хорошо, на коньках хорошо,
И с горы хорошо прокатиться!
Но сейчас веселей, в десять раз веселей
Возле ёлки играть и кружиться!

Ватный снег на иголках не тает,
Как сосульки, блестят леденцы.
Огоньков разноцветная стая,
Голосов молодых бубенцы.

На санях хорошо, на коньках хорошо,
И с горы хорошо прокатиться!
Но сейчас веселей, в десять раз веселей
Возле ёлки играть и кружиться!

«От чистого сердца…»

От чистого сердца,
Простыми словами,

Давайте, друзья,
Потолкуем о маме.
Мы любим её,
Как хорошего друга,
За то, что у нас
С нею всё сообща,
За то, что, когда
Нам приходится туго,
Мы можем всплакнуть
У родного плеча.
Мы любим её и за то,
Что порою
Становятся строже
В морщинках глаза,
Но стоит с повинной
Прийти головою —
Исчезнут морщинки,
Умчится гроза.
За то, что всегда,
Без утайки и прямо,
Мы можем доверить
Ей сердце своё.
И просто за то,
Что она наша мама,
Мы крепко и нежно
Любим её!

Саша Чёрный (1880–1832)

Саша Чёрный (настоящее имя – Александр Гликберг) родился в многодетной еврейской семье в Одессе. В семье было двое детей с именем Саша. Блондина называли Саша Белый, а брюнета – Саша Чёрный. Чтобы дать ребёнку возможность поступить в гимназию, родители крестили его. В гимназии Александр проучился недолго, за плохие отметки мальчика жестоко наказывали. Чёрный сбежал из дома, стал нищим-попрошайкой. О его горестной судьбе написали в газете, и житомирский чиновник К.К. Роше, растроганный этой историей, взял мальчика к себе.

В 1905 году Чёрный переезжает в Петербург, где активно публикует в журналах сатирические стихи и прозу. Корней Чуковский писал, что «…получив свежий номер журнала, читатель, прежде всего, искал в нём стихи Саши Чёрного».

Два года Саша Чёрный жил в Германии, учился в

Гейдельбергском университете. Вернулся в Петербург в 1908 году. Становится известным как детский писатель: книги «Тук-Тук», «Живая азбука» и другие.

«Что ты тискаешь утёнка?…»

Что ты тискаешь утёнка?
Он малыш, а ты – большой.
Ишь, задравши головёнку,
Рвётся прочь он всей душой…

Ты представь такую штуку, —
Если б толстый бегемот
Захотел с тобой от скуки
Поиграть бы в свой черёд?

Взял тебя бы крепко в лапу,
Языком бы стал лизать.
Ух, как стал бы звать ты папу
И брыкаться и кричать!..

Ты снеси утёнка к утке,
Пусть идёт купаться в пруд.
Лапы мальчика не шутки,
Чуть притиснешь – и капут.

Воробей

Воробей мой, воробьишка!
Серый-юркий, словно мышка.
Глазки – бисер, лапки – врозь,
Лапки – боком, лапки – вкось…

Прыгай, прыгай, я не трону —
Видишь, хлебца накрошил…
Двинь-ка клювом в бок ворону,
Кто её сюда просил?

Прыгни ближе, ну-ка, ну-ка,
Так, вот так, еще чуть-чуть…
Ветер сыплет снегом, злюка,
И на спинку, и на грудь.

Подружись со мной, пичужка,
Будем вместе в доме жить,
Сядем рядышком под вьюшкой,
Будем азбуку учить…

Ближе, ну ещё немножко…
Фурх! Удрал… Какой нахал!
Съел все зёрна, съел все крошки
И спасиба не сказал.

Корней Иванович Чуковский (1882–1969)

Корней Иванович Чуковский (настоящее имя – Николай Васильевич Корнейчуков) родился 19 (31) марта 1882 года в Санкт-Петербурге. Детство и юность прошли в Одессе. Некоторое время он проучился в гимназии, затем занимался самообразованием, изучил английский язык. С 1901 года Чуковский начинает писать статьи в «Одесских новостях». Затем в 1903 году он был отправлен корреспондентом в Лондон, где основательно ознакомился с английской литературой. В 1906 году Корней Иванович приезжает в финское местечко Куоккала, где знакомится с художником Репиным и писателем Короленко. Здесь он прожил около 10 лет.

Возглавив по приглашению М. Горького детский отдел издательства «Парус», Чуковский и сам начал писать стихи (затем и прозу) для детей. Примерно с этого времени у Корнея Ивановича начинается увлечение детской словесностью. В 1916 году Чуковский составил сборник «Ёлка» и написал свою первую сказку «Крокодил». Работая с детской литературой, Чуковский начинает изучать психику детей и то, как они овладевают речью. Он записал свои наблюдения за детьми, за их словесным творчеством в книге «От двух до пяти».

Мойдодыр

Одеяло
Убежало,
Улетела простыня,
И подушка,
Как лягушка,
Ускакала от меня.

Я за свечку,
Свечка – в печку!
Я за книжку,
Та – бежать
И вприпрыжку
Под кровать!

Я хочу напиться чаю,
К самовару подбегаю,
Но пузатый от меня
Убежал, как от огня.

Боже, Боже,
Что случилось?
Отчего же
Всё кругом
Завертелось,
Закружилось
И помчалось колесом?

Утюги
за
сапогами,
Сапоги
за
пирогами,
Пироги
за
утюгами,
Кочерга
за
кушаком[18] —
Всё верти́тся,
И кружится,
И несётся кувырком.

Вдруг из маминой из спальни,
Кривоногий и хромой,
Выбегает умывальник
И качает головой:

«Ах ты, гадкий, ах ты, грязный,
Неумытый поросёнок!
Ты чернее трубочиста,

Полюбуйся на себя:
У тебя на шее вакса,
У тебя под носом клякса,
У тебя такие руки,
Что сбежали даже брюки,
Даже брюки, даже брюки
Убежали от тебя.

Рано утром на рассвете
Умываются мышата,
И котята, и утята,
И жучки, и паучки.

Ты один не умывался
И грязнулею остался,
И сбежали от грязнули
И чулки и башмаки.

Я – Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир!
Если топну я ногою,
Позову моих солдат,
В эту комнату толпою
Умывальники влетят,
И залают, и завоют,
И ногами застучат,
И тебе головомойку,
Неумытому, дадут —
Прямо в Мойку,
Прямо в Мойку
С головою окунут!»
Он ударил в медный таз
И вскричал: «Кара-барас!»

И сейчас же щётки, щётки
Затрещали, как трещотки,
И давай меня тереть,
Приговаривать:

«Моем, моем трубочиста
Чисто, чисто, чисто, чисто!
Будет, будет трубочист

Чист, чист, чист, чист!»

Тут и мыло подскочило
И вцепилось в волоса,
И юлило, и мыли́ло,
И кусало, как оса.

А от бешеной мочалки
Я помчался, как от палки,
А она за мной, за мной
По Садовой, по Сенной.

Я к Таврическому саду,
Перепрыгнул чрез ограду,
А она за мною мчится
И кусает, как волчица.

Вдруг навстречу мой хороший,
Мой любимый Крокодил.
Он с Тотошей и Кокошей
По аллее проходил
И мочалку, словно галку,
Словно галку, проглотил.

А потом как зарычит
На меня,
Как ногами застучит
На меня:
«Уходи-ка ты домой,
Говорит,
Да лицо своё умой,
Говорит,
А не то как налечу,
Говорит,
Растопчу и проглочу! —
Говорит».

Как пустился я по улице
бежать,
Прибежал я к умывальнику
опять.

Мылом, мылом
Мылом, мылом

Умывался без конца,
Смыл и ваксу
И чернила
С неумытого лица.

И сейчас же брюки, брюки
Так и прыгнули мне в руки.

А за ними пирожок:
«Ну-ка, съешь меня, дружок!»

А за ним и бутерброд:
Подскочил – и прямо в рот!

Вот и книжка воротилась,
Воротилася тетрадь,
И грамматика пустилась
С арифметикой плясать.

Тут Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир,
Подбежал ко мне, танцуя,
И, целуя, говорил:

«Вот теперь тебя люблю я,
Вот теперь тебя хвалю я!
Наконец-то ты, грязнуля,
Мойдодыру угодил!»

Надо, надо умываться
По утрам и вечерам,
А нечистым
Трубочистам —
Стыд и срам!
Стыд и срам!

Да здравствует мыло душистое,
И полотенце пушистое,
И зубной порошок,
И густой гребешок!

Давайте же мыться, плескаться,

Купаться, нырять, кувыркаться
В ушате, в корыте, в лохани,
В реке, в ручейке, в океане, —

И в ванне, и в бане,
Всегда и везде —
Вечная слава воде!

Бутерброд

Как у наших ворот
За горою
Жил да был бутерброд
С колбасою.

Захотелось ему
Прогуляться,
На траве-мураве
Поваляться.

И сманил он с собой
На прогулку
Краснощёкую сдобную
Булку.

Но чайные чашки в печали,
Стуча и бренча, закричали:
«Бутерброд,
Сумасброд,
Не ходи из ворот,
А пойдёшь —
Пропадёшь,

Муре в рот попадёшь!
Муре в рот,
Муре в рот,
Муре в рот
Попадёшь!»

Загадка

Шёл Кондрат
В Ленинград,
А навстречу – двенадцать ребят.
У каждого по три лукошка,
В каждом лукошке – кошка,
У каждой кошки – двенадцать котят.

У каждого котёнка
В зубах по четыре мышонка.
И задумался Кондрат:
«Сколько мышат и котят
Ребята несут в Ленинград?»

(Глупый, глупый Кондрат!
Он один и шагал в Ленинград.
А ребята с лукошками,
С мышами и кошками
Шли навстречу ему —
В Кострому.)

Зарубежная литература

Ганс Христиан Андерсон (1805–1875)

Ганс Христиан Андерсен родился 2 апреля 1805 года в городе Оденсе на острове Фюн. Отец Андерсена был бедным башмачником, а мать – прачкой из бедной семьи. С детства мальчик рос мечтателем и сочинителем, часто устраивал домашние спектакли. Отец Андерсена очень рано умер, и мальчику пришлось работать, чтобы помогать матери кормить семью. Он был подмастерьем у ткача, затем у портного, потом работал на сигаретной фабрике. В раннем детстве Ганс Христиан был замкнутым ребёнком, любимой игрой которого был кукольный театр.

В возрасте 14 лет Андерсен поехал в Копенгаген. Мать надеялась, что он побудет там немного и вернётся. Сначала Андерсен выступает на вторых ролях в театре. Когда Андерсен написал свою первую книгу и она была напечатана, её никто не покупал, и она пошла на обёртку. Однако он не терял надежды. Добрые люди помогли Андерсену учиться, видя его желание. Король Дании Фредерик VI разрешил ему учиться в школе в городке Слагельсе, а затем в другой школе в Эльсиноре за счёт казны. Это означало, что больше не нужно будет думать о пропитании, о том, как прожить дальше. Ученики в школе были на шесть лет моложе Андерсена. Но одолеть грамоту Андерсен так и не смог – всю жизнь он делал на письме множество ошибок.

Штопальная игла

Жила-была штопальная игла; она считала себя такой тонкой, что воображала, будто она швейная иголка.

– Смотрите, смотрите, что вы держите! – сказала она пальцам, когда они вынимали её. – Не уроните меня! Упаду на пол – чего доброго, затеряюсь: я слишком тонка!

– Будто уж! – ответили пальцы и крепко обхватили её за талию.

– Вот видите, я иду с целой свитой! – сказала штопальная игла и потянула за собой длинную нитку, только без узелка.

– Пальцы ткнули иглу прямо в кухаркину туфлю, – кожа на туфле лопнула, и надо было зашить дыру.

– Фу, какая чёрная работа! – сказала штопальная игла. – Я не выдержу! Я сломаюсь!

И вправду сломалась.

– Ну вот, я же говорила, – сказала она. – Я слишком тонка!

«Теперь она никуда не годится», – подумали пальцы, но им

всё-таки пришлось крепко держать её: кухарка накапала на сломанный конец иглы сургуч и потом заколола ею косынку.

– Вот теперь я – брошка! – сказала штопальная игла. – Я знала, что буду в чести: в ком есть толк, из того всегда выйдет что-нибудь путное.

И она засмеялась про себя, – ведь никто не видал, чтобы штопальные иглы смеялись громко, – она сидела в косынке, словно в карете, и поглядывала по сторонам.

– Позвольте спросить, вы из золота? – обратилась она к соседке-булавке. – Вы очень милы, и у вас собственная головка… Только маленькая! Постарайтесь её отрастить, – не всякому ведь достаётся сургучная головка!

При этом штопальная игла так гордо выпрямилась, что вылетела из платка прямо в раковину, куда кухарка как раз выливала помои.

– Отправляюсь в плавание! – сказала штопальная игла. – Только бы мне не затеряться!

Но она затерялась.

– Я слишком тонка, я не создана для этого мира! – сказала она, лёжа в уличной канаве. – Но я знаю себе цену, а это всегда приятно.

И штопальная игла тянулась в струнку, не теряя хорошего расположения духа.

Над ней проплывала всякая всячина: щепки, соломинки, клочки газетной бумаги…

– Ишь, как плывут! – говорила штопальная игла. – Они понятия не имеют о том, кто скрывается тут под ними. – Это я тут скрываюсь! Я тут сижу! Вон плывёт щепка: у неё только и мыслей, что о щепках. Ну, щепкой она век и останется! Вот соломинка несётся… Вертится-то, вертится-то как! Не задирай так носа! Смотри, как бы не наткнуться на камень! А вон газетный обрывок плывёт. Давно уж забыть успели, что на нём напечатано, а он, гляди, как развернулся!.. Я лежу тихо, смирно. Я знаю себе цену, и этого у меня не отнимут!

Раз возле неё что-то заблестело, и штопальная игла вообразила, что это бриллиант. Это был бутылочный осколок, но он блестел, и штопальная игла заговорила с ним. Она назвала себя брошкой и спросила его:

– Вы, должно быть, бриллиант?

– Да, нечто в этом роде.

И оба думали друг про друга и про самих себя, что они настоящие драгоценности, и говорили между собой о невежественности и надменности света.

– Да, я жила в коробке у одной девицы, – рассказывала

штопальная игла. – Девица эта была кухаркой. У неё на каждой руке было по пяти пальцев, и вы представить себе не можете, до чего доходило их чванство! А ведь занятие у них было только одно – вынимать меня и класть обратно в коробку!

– А они блестели? – спросил бутылочный осколок.

– Блестели? – отвечала штопальная игла. – Нет, блеску в них не было, зато сколько высокомерия!.. Их было пять братьев, все – урождённые «пальцы»; они всегда стояли в ряд, хоть и были различной величины. Крайний – Толстяк, – впрочем, отстоял от других, он был толстый коротышка, и спина у него гнулась только в одном месте, так что он мог кланяться только раз; зато он говорил, что если его отрубят, то человек не годится больше для военной службы. Второй – Лакомка – тыкал нос всюду: и в сладкое, и в кислое, тыкал и в солнце, и в луну; он же нажимал перо, когда надо было писать. Следующий – Долговязый – смотрел на всех свысока. Четвёртый – Златоперст – носил вокруг пояса золотое кольцо и, наконец, самый маленький – Пер – музыкант – ничего не делает и очень этим гордился. Да, они только и знали, что хвастаться, и вот – я бросилась в раковину.

– А теперь мы сидим и блестим! – сказал бутылочный осколок.

В это время воды в канаве прибыло, так что она хлынула через край и унесла с собой осколок.

– Он продвинулся! – вздохнула штопальная игла. – А я осталась лежать! Я слишком тонка, слишком деликатна, но я горжусь этим, и это благородная гордость!

И она лежала, вытянувшись в струнку, и передумала много дум.

– Я просто готова думать, что родилась от солнечного луча, – так я тонка! Право, кажется, будто солнце ищет меня под водой! Ах, я так тонка, что даже отец мой солнце не может меня найти! Не лопни тогда мой глазок, я бы, кажется, заплакала! Впрочем, нет, плакать неприлично!

Однажды пришли уличные мальчишки и стали копаться в канавке, выискивая старые гвозди, монетки и прочие сокровища. Перепачкались они страшно, но это-то и доставляло им удовольствие!

– Ай! – закричал вдруг один из них; он укололся о штопальную иглу. – Смотри, какая штука!

– Чёрное на белом фоне очень красиво! – сказала штопальная игла. – Теперь меня хорошо видно! Только бы не поддаться морской болезни, этого я не выдержу: я такая хрупкая!

Но она не поддалась морской болезни – выдержала.

– Я не штука, а барышня! – заявила штопальная игла, но её

никто не расслышал. Сургуч с неё сошёл, и она вся почернела, но в чёрном всегда выглядишь стройнее, и игла воображала, что стала ещё тоньше прежнего.

– Вон плывёт яичная скорлупа! – закричали мальчишки, взяли штопальную иглу и воткнули в скорлупу.

– Против морской болезни хорошо иметь стальной желудок, и всегда помнить, что ты не то что простые смертные! Теперь я совсем оправилась. Чем ты благороднее, тем больше можешь перенести!

– Крак! – сказала яичная скорлупа: её переехала ломовая телега.

– Ух, как давит! – завопила штопальная игла. – Сейчас меня стошнит! Не выдержу! Сломаюсь!

Но она выдержала, хотя её и переехала ломовая телега; она лежала на мостовой, вытянувшись во всю длину, – ну и пусть себе лежит!

Пятеро из одного стручка

В стручке сидело пять горошин; сами они были зелёные, стручок тоже зелёный, ну, они и думали, что и весь мир зелёный; так и должно было быть! Стручок рос, росли и горошины; они приноравливались к помещению и сидели все в ряд. Солнышко освещало и пригревало стручок, дождик поливал его, и он делался всё чище, прозрачнее; горошинам было хорошо и уютно, светло днём и темно ночью, как и следует. Они всё росли да росли и всё больше и больше думали, сидя в стручке, – что-нибудь да надо же было делать!

– Век, что ли, сидеть нам тут? – говорили они. – Как бы нам не зачерстветь от такого сидения!.. А сдаётся нам, есть что-то и за нашим стручком! Уж такое у нас предчувствие!

Прошло несколько недель; горошины пожелтели, стручок тоже пожелтел.

– Весь мир желтеет! – сказали они, и кто ж бы им помешал говорить так?

Вдруг они почувствовали сильный толчок: стручок был сорван человеческой рукой и сунут в карман, к другим стручкам.

– Ну, вот теперь скоро нас выпустят на волю! – сказали горошины и стали ждать.

– А хотелось бы мне знать, кто из нас пойдёт дальше всех! – сказала самая маленькая. – Впрочем, скоро увидим!

– Будь что будет! – сказала самая большая.

– Крак! – стручок лопнул, и все пять горошин выкатились на яркое солнце. Они лежали на детской ладони; маленький

мальчик разглядывал их и говорил, что они как раз пригодятся ему для стрельбы из бузинной трубочки. И вот одна горошина уже очутилась в трубочке, мальчик дунул, и она вылетела.

– Лечу, лечу, куда хочу! Лови, кто может! – закричала она, и след её простыл.

– А я полечу прямо на солнце; вот настоящий-то стручок! Как раз по мне! – сказала другая. Простыл и её след.

– А мы куда придём, там и заснём! – сказали две следующие. – Но мы-таки до чего-нибудь докатимся! – Они и правда прокатились по полу, прежде чем попасть в бузинную трубочку, но всё-таки попали в неё. – Мы дальше всех пойдём!

– Будь что будет! – сказала последняя, взлетела кверху, попала на старую деревянную крышу и закатилась в щель как раз под окошком чердачной каморки.

В щели был мох и рыхлая земля, мох укрыл горошину; так она и осталась там, скрытая, но не забытая господом богом.

– Будь что будет! – говорила она.

А в каморке жила бедная женщина. Она ходила на подённую работу: чистила печи, пилила дрова – словом, исполняла всякую тяжёлую работу; сил у неё было довольно, охоты работать тоже не занимать стать, но из нужды она всё-таки не выбивалась! Дома оставалась у неё её единственная дочка, подросток. Она была такая худенькая, тщедушная; целый год уж лежала в постели: не жила и не умирала.

– Она уйдёт к сестрёнке, – говорила мать. – У меня ведь их две было. Тяжеленько было мне кормить двоих; ну, вот господь бог и поделил со мною заботу, взял одну к себе! Другую-то мне хотелось бы сохранить, да он, видно, не хочет разлучать сестёр!

Но больная девочка всё не умирала; терпеливо, смирно лежала она день-деньской в постели, пока мать была на работе.

Дело было весною, рано утром, перед самым уходом матери на работу. Солнышко светило через маленькое окошечко прямо на пол, и больная девочка посмотрела в оконце.

– Что это там зеленеет за окном? Так и колышется от ветра!

Мать подошла к окну и приотворила его.

– Ишь ты! – сказала она. – Да это горошинка пустила ростки! И как она пошла сюда в щель? Ну, вот у тебя теперь будет свой садик!

Придвинув кроватку поближе к окну, чтобы девочка могла полюбоваться зелёным ростком, мать ушла на работу.

– Мама, я думаю, что поправлюсь! – сказала девочка вечером. – Солнышко сегодня так пригрело меня. Горошинка, видишь, как славно растёт на солнышке? Я тоже поправлюсь, начну вставать и выйду на солнышко.

– Дай-то бог! – сказала мать, но не верила, что это сбудется.

Однако она подпёрла зелёный росток, подбодривший девочку, небольшою палочкой, чтобы он не сломался от ветра; потом взяла тоненькую верёвочку и один конец её прикрепила к крыше, а другой привязала к верхнему краю оконной рамы. За эту верёвочку побеги горошины могли цепляться, когда станут подрастать. Так и вышло: побеги заметно росли и ползли вверх по верёвочке.

– Смотри-ка, да она скоро зацветёт! – сказала женщина однажды утром и с этой минуты тоже стала надеяться и верить, что больная девочка её поправится.

Ей припомнилось, что девочка в последнее время говорила как будто живее, по утрам сама приподнималась на постели и долго сидела, любуясь своим садиком, где росла одна-единственная горошина, а как блестели при этом её глазки! Через неделю больная в первый раз встала с постели на целый час. Как счастлива она была посидеть на солнышке! Окошко было отворено, а за окном покачивался распустившийся бело-розовый цветок. Девочка высунулась в окошко и нежно поцеловала тонкие лепестки. День этот был для неё настоящим праздником.

– Господь сам посадил и взрастил цветочек, чтобы ободрить и порадовать тебя, милое дитятко, да и меня тоже! – сказала счастливая мать и улыбнулась цветочку, как ангелу небесному.

Ну, а другие-то горошины? Та, что летела, куда хотела, – лови, дескать, кто может, – попала в водосточный жёлоб, а оттуда в голубиный зоб и лежала там, как Иона во чреве кита. Две ленивицы ушли не дальше – их тоже проглотили голуби, значит, и они принесли немалую пользу. А четвёртая, что собиралась залететь на солнце, упала в канаву и пролежала несколько недель в затхлой воде, пока не разбухла.

– Как я славно раздобрела! – говорила горошина. – Право, я скоро лопну, а уж большего, я думаю, не сумела достичь ни одна горошина. Я самая замечательная из всех пяти!

Канава была с нею вполне согласна.

А у окна, выходившего на крышу, стояла девочка с сияющими глазами, румяная и здоровая; она сложила руки и благодарила бога за цветочек гороха.

– А я всё-таки стою за мою горошину! – сказала канава.

Свинопас

Жил-был бедный принц. Королевство у него было маленькое-премаленькое, но жениться всё-таки было можно, а жениться-то принцу хотелось.

Разумеется, с его стороны было несколько смело спросить дочь императора: «Пойдёшь за меня?» Впрочем, он носил славное имя и знал, что сотни принцесс с благодарностью ответили бы на его предложение согласием. Да вот, ждите-ка этого от императорской дочки! Послушаем же, как было дело.

На могиле у отца принца вырос розовый куст несказанной красоты; цвёл он только раз в пять лет, и распускалась на нём всего одна-единственная роза. Зато она разливала такой сладкий аромат, что, впивая его, можно было забыть все свои горести и заботы.

Ещё был у принца соловей, который пел так дивно, словно у него в горлышке были собраны все чудеснейшие мелодии, какие только есть на свете. И роза и соловей предназначены были в дар принцессе; их положили в большие серебряные ларцы и отослали к ней.

Император велел принести ларцы прямо в большую залу, где принцесса играла со своими фрейлинами в гости; других занятий у неё не было. Увидав большие ларцы с подарками, принцесса захлопала от радости в ладоши.

– Ах, если бы тут была маленькая киска! – сказала она.

Но появилась прелестная роза.

– Ах, как это мило сделано! – сказали все фрейлины.

– Больше чем мило! – сказал император, – Это прямо недурно!

Но принцесса потрогала розу и чуть не заплакала.

– Фи, папа! – сказала она. – Она не искусственная, а настоящая!

– Фи! – повторили все придворные. – Настоящая!

– Погодим сердиться! Посмотрим сначала, что в другом ларце! – возразил император.

И вот из ларца появился соловей и запел так чудесно, что нельзя было сейчас же найти какого-нибудь недостатка.

– Superbe! Charmant![19] – сказали фрейлины; все они болтали по-французски, одна хуже другой.

– Как эта птичка напоминает мне органчик покойной императрицы! – сказал один старый придворный. – Да, тот же тон, та же манера давать звук!

– Да! – сказал император и заплакал, как ребёнок.

– Надеюсь, что птица не настоящая? – спросила принцесса.

– Настоящая! – ответили ей доставившие подарки послы.

– Так пусть она летит! – сказала принцесса и так и не позволила принцу явиться к ней самому.

Но принц не унывал, вымазал себе всё лицо чёрной и бурой краской, нахлобучил шапку и по-стучался.

– Здравствуйте, император! – сказал он. – Не найдётся ли у вас для меня во дворце какого-нибудь местечка?

– Много вас тут ходит да ищет! – ответил император. – Впрочем, постой, мне нужен свинопас! У нас пропасть свиней!

И вот принца утвердили придворным свинопасом и отвели ему жалкую, крошечную каморку рядом со свиными закутками. Весь день просидел он за работой и к вечеру смастерил чудесный горшочек. Горшочек был весь увешан бубенчиками, и когда в нём что-нибудь варили, бубенчики названивали старую песенку:

Ах, мой милый Августин,
Всё прошло, прошло, прошло!

Занимательнее же всего было то, что, держа над подымавшимся из горшочка паром руку, можно было узнать, какое у кого в городе готовилось кушанье. Да уж, горшочек был не чета какой-нибудь розе!

Вот принцесса отправилась со своими фрейлинами на прогулку и вдруг услыхала мелодичный звон бубенчиков. Она сразу же остановилась и вся просияла: она тоже умела наигрывать на фортепиано «Ах, мой милый Августин». Только одну эту мелодию она и наигрывала, зато одним пальцем.

– Ах, ведь и я это играю! – сказала она. – Так свинопас-то у нас образованный! Слушайте, пусть кто-нибудь из вас пойдёт и спросит у него, что стоит этот инструмент.

Одной из фрейлин пришлось надеть деревянные башмаки и пойти на задний двор.

– Что возьмёшь за горшочек? – спросила она.

– Десять принцессиных поцелуев! – отвечал свинопас.

– Как можно! – сказала фрейлина.

– А дешевле нельзя! – отвечал свинопас.

– Ну, что он сказал? – спросила принцесса.

– Право, и передать нельзя! – отвечала фрейлина. – Это ужасно!

– Так шепни мне на ухо!

И фрейлина шепнула принцессе.

– Вот невежа! – сказала принцесса и пошла было, но… бубенчики зазвенели так мило:

Ах, мой милый Августин,
Всё прошло, прошло, прошло!

– Послушай! – сказала принцесса фрейлине. – Пойди спроси,

не возьмёт ли он десять поцелуев моих фрейлин?

– Нет, спасибо! – ответил свинопас. – Десять поцелуев принцессы, или горшочек останется у меня.

– Как это скучно! – сказала принцесса. – Ну, придётся вам стать вокруг, чтобы никто нас не увидал!

Фрейлины обступили её и растопырили свои юбки; свинопас получил десять принцессиных поцелуев, а принцесса – горшочек.

Вот была радость! Целый вечер и весь следующий день горшочек не сходил с очага, и в городе не осталось ни одной кухни, от камергерской до сапожниковой, о которой бы они не знали, что в ней стряпалось. Фрейлины прыгали и хлопали в ладоши.

– Мы знаем, у кого сегодня сладкий суп и блинчики! Мы знаем, у кого каша и свиные котлеты! Как интересно!

– Ещё бы! – подтвердила обер-гофмейстерина.

– Да, но держите язык за зубами, я ведь императорская дочка!

– Помилуйте! – сказали все.

А свинопас (то есть принц, но для них-то он был ведь свинопасом) даром времени не терял и смастерил трещотку; когда ею начинали вертеть по воздуху, раздавались звуки всех вальсов и полек, какие только есть на белом свете.

– Но это superbe! – сказала принцесса, проходя мимо. – Вот так попурри! Лучше этого я ничего не слыхала! Послушайте, спросите, что он хочет за этот инструмент. Но целоваться я больше не стану!

– Он требует сто принцессиных поцелуев! – доложила фрейлина, побывав у свинопаса.

– Да что он, в уме? – сказала принцесса и пошла своею дорогой, но сделала два шага и остановилась.

– Надо поощрять искусство! – сказала она. – Я ведь императорская дочь! Скажите ему, что я дам ему по-вчерашнему десять поцелуев, а остальные пусть дополучит с моих фрейлин!

– Ну, нам это вовсе не по вкусу! – сказали фрейлины.

– Пустяки! – сказала принцесса. – Уж если я могу целовать его, то вы и подавно! Не забывайте, что я кормлю вас и плачу вам жалованье!

И фрейлине пришлось ещё раз отправиться к свинопасу.

– Сто принцессиных поцелуев! – повторил он. – А нет – каждый останется при своём.

– Становитесь вокруг! – скомандовала принцесса, и фрейлины обступили её, а свинопас принялся её целовать.

– Что это за сборище у свиных закуток? – спросил, выйдя на балкон, император, протёр глаза и надел очки. – Э, да это фрейлины опять что-то затеяли! Надо пойти посмотреть.

И он расправил задники своих домашних туфель. Туфлями служили ему стоптанные башмаки. Эх ты, ну, как он быстро зашлёпал в них!

Придя на задний двор, он потихоньку подкрался к фрейлинам, а те все были ужасно заняты счётом поцелуев, – надо же было следить за тем, чтобы расплата была честной и свинопас не получил ни больше, ни меньше, чем ему следовало. Никто поэтому не заметил императора, а он привстал на цыпочки.

– Это ещё что за штуки! – сказал он, увидав целующихся, и швырнул в них туфлей как раз в ту минуту, когда свинопас получал от принцессы восемьдесят шестой поцелуй. – Вон! – закричал рассерженный император и выгнал из своего государства и принцессу и свинопаса.

Принцесса стояла и плакала, свинопас бранился, а дождик так и лил на них.

– Ах, я несчастная! – плакала принцесса. – Что бы мне выйти за прекрасного принца! Ах, какая я несчастная!

А свинопас зашёл за дерево, стёр с лица чёрную и бурую краску, сбросил грязную одежду и явился перед ней во всём своём королевском величии и красе, и так он был хорош собой, что принцесса сделала реверанс.

– Теперь я только презираю тебя! – сказал он. – Ты не захотела выйти за честного принца! Ты не поняла толку в соловье и розе, а свинопаса целовала за игрушки! Поделом же тебе!

И он ушёл к себе в королевство, крепко захлопнув за собой дверь. А ей оставалось стоять да петь:

Ах, мой милый Августин,
Всё прошло, прошло, прошло!

Братья Якоб Гримм (1785–1863) и Вильгельм Гримм (1786–1859)

Братья Гримм родились в семье адвоката в городе Ханау (Германия). Старший брат – Якоб Гримм родился 4 января 1785 года, а младший – Вильгельм Гримм – 24 февраля 1786 года. С самого раннего возраста братья очень дружили. Их отец умер рано, когда детям едва исполнилось 10 и 11 лет, и только благодаря помощи родственников братья Гримм смогли закончить учёбу, к которой у них уже очень рано проявились прекрасные способности.

Сначала братья поступили в Марбургский университет, желая изучать юридические науки по примеру отца. Однако позже братья Гримм стали всё больше свободного времени посвящать изучению немецкой и иностранной литературы и в итоге занимались этим всю свою жизнь. В 1840 году король Фридрих-Вильгельм Прусский вызвал братьев в Берлин. Они были избраны в члены Берлинской академии наук и получили право на чтение лекций в Берлинском университете.

С тех пор братья Гримм жили в Берлине постоянно до самой смерти. Вильгельм Гримм умер 16 декабря 1859 года, а через четыре года, 20 сентября 1863 года, скончался и Якоб. За свою жизнь братья опубликовали множество сочинений, а их сборник «Детские и семейные сказки» известен всему миру.

Госпожа Метелица

У одной вдовицы были две дочери-девицы; одна-то была и красива, и прилежна; а другая и лицом некрасивая, и ленивая. Но эта некрасивая да ленивая была вдовице дочь родимая, а к тому же она её и любила, а на другую всю чёрную работу валила, и была у ней та в доме замарашкой. Бедняжка должна была каждый день выходить на большую дорогу, садиться у колодца и прясть до того много, что кровь выступала у неё из-под ногтей.

Вот и случилось однажды, что веретено у ней было всё перепачкано кровью; девушка наклонилась к воде и хотела веретено обмыть, а веретено-то у неё из рук выскользнуло и упало в колодец. Бедняжка заплакала, бросилась к мачехе и рассказала ей о своей невзгоде. Та её так стала бранить и такою выказала себя безжалостною, что сказала: «Умела веретено туда уронить, сумей и достать его оттуда!»

Пришла девушка обратно к колодцу и не знала, что ей

делать, да с перепугу-то прыгнула она в колодец – задумала сама оттуда веретено добыть. Она тотчас потеряла сознание и, когда очнулась и снова пришла в себя, то увидела, что лежит на прекрасной лужайке, что на неё и солнышко весело светит, и цветов кругом многое множество.

Пошла девушка по этой лужайке и пришла к печке, которая была полнёшенька хлебами насажена. Хлебы ей крикнули: «Вынь ты нас, вынь скорее, не то сгорим: мы давно уже испеклись и готовы». Она подошла и лопатой повынимала их из печи.

Затем пошла она дальше и пришла к яблоне, и стояла та яблоня полнёшенька яблок, и крикнула девушке: «Обтряси ты меня, обтряси, яблоки на мне давно уж созрели». Стала она трясти яблоню, так что яблоки с неё дождём посыпались, и трясла до тех пор, пока на ней ни одного яблочка не осталось; сложила их в кучку и пошла дальше.

Наконец подошла она к избушке и увидала в окошке старуху; а у старухи зубы большие-пребольшие, и напал на девушку страх, и задумала она бежать. Но старуха крикнула ей вслед: «Чего испугалась, красавица-девица? Оставайся у меня, и если всю работу в доме хорошо справлять станешь, то и тебе хорошо будет. Смотри только, постель мне хорошенько стели да перину мою взбивай постарательнее, так, чтобы перья во все стороны летели: когда от неё перья летят, тогда на белом свете снег идёт. Ведь я не кто иная, как сама госпожа Метелица».

Речь старухи поуспокоила девушку и придала ей настолько мужества, что она согласилась поступить к ней в услужение. Она старалась угодить старухе во всём и перину ей взбивала так, что перья, словно снежные хлопья, летели во все стороны; зато и жилось ей у старухи хорошо, и бранного слова она от неё не слышала, и за столом у ней было всего вдоволь.

Прожив некоторое время у госпожи Метелицы, девушка вдруг загрустила и сначала сама не знала, чего ей недостаёт, наконец догадалась, что просто истосковалась по дому; как ей тут ни было хорошо, а всё же домой её тянуло и позывало.

Наконец она созналась старухе: «Я по дому соскучилась, и как мне ни хорошо здесь у тебя под землёю, а всё же не хотелось бы мне долее здесь оставаться и тянет меня вернуться туда – со своими повидаться».

Госпожа Метелица сказала: «Мне это любо, что тебе опять к себе домой захотелось, а так как ты мне служила хорошо и верно, то я сама тебе укажу дорогу на землю».

Тут взяла она её за руку и подвела к большим воротам. Ворота распахнулись, и когда девица очутилась под сводом их, просыпалось на неё дождём из-под свода золото да так облепило

её, что она вся была золотом сплошь покрыта. «Вот это тебе награда за твоё старание», – сказала госпожа Метелица да, кстати, вернула ей и веретено, упавшее в колодец.

Затем ворота захлопнулись, и красная девица очутилась опять на белом свете, невдалеке от мачехиного дома; и когда она вступила во двор его, петушок сидел на колодце и распевал:

Ку-ка-ре-ку! Вот чудеса!
Наша-то девица в золоте вся!

Тогда вошла она к мачехе в дом, и так как на ней было очень много золота, то и мачеха, и сестра приняли её весьма ласково.

Рассказала им девица всё, что с нею приключилось, и когда мачеха услыхала, как она добыла себе такое богатство, то задумала и другой своей дочке, злой и некрасивой, добыть такое же счастье.

Она свою дочку усадила прясть у того же колодца; а чтобы на веретене у дочки кровь была, та должна была уколоть себе палец и расцарапать руку в колючем терновнике. Затем та бросила веретено в колодец и сама за ним туда же спрыгнула.

И очутилась она точно так же, как прежде сестра её, на прекрасной лужайке, и пошла той же тропинкой далее.

Пришла к печке, и закричали ей хлебы: «Вынь ты нас, вынь скорее, не то сгорим: мы давно уж совсем испеклись». А лентяйка им отвечала: «Вот ещё! Стану ли я из-за вас пачкаться!» – и пошла далее.

Вскоре пришла она и к яблоне, которая крикнула ей: «Обтряси ты меня, обтряси поскорее! Яблоки на мне давно уж созрели!» Но лентяйка отвечала: «Очень мне надо! Пожалуй, ещё которое-нибудь яблоко мне на голову грохнется», – и пошла своей дорогою.

Придя к дому госпожи Метелицы, она её не испугалась, потому уж слыхала от сестры о её больших зубах, и тотчас поступила к ней на службу.

В первый-то день она ещё кое-как старалась переломить свою лень и выказала некоторое рвение, и слушалась указаний своей госпожи, потому что у ней из головы не выходило то золото, которое ей предстояло получить в награду; на другой день она уже стала разленяться, на третий – ещё того более; а там уж и вовсе не хотела поутру вставать с постели.

И постель госпожи Метелицы она постилала не как следовало, и не вытряхивала её так, чтобы перья летели во все стороны.

Вот она вскоре и прискучила своей хозяйке, и та отказала ей

от места. Ленивица обрадовалась этому, думала: вот сейчас на неё золотой дождь просыплется!

Госпожа Метелица подвела её к тем же воротам, но когда ленивица под ворота стала, на неё просыпалось не золото, а опрокинулся целый котёл, полнёшенек смолы. «Это тебе награда за твою службу», – сказала госпожа Метелица и захлопнула за нею ворота.

Пришла ленивица домой, с ног до головы смолою облеплена, и петушок на колодце, увидав её, стал распевать:

Ку-ка-ре-ку – вот чудеса!
Залита девица смолою вся!

И эта смола так крепко к ней пристала, что во всю жизнь не сошла, не отстала.

Маленькие человечки

Один сапожник так обеднел, что у него не осталось ничего, кроме куска кожи на одну только пару сапог. Ну вот, скроил он вечером эти сапоги и решил на следующее утро приняться за шитьё. А так как совесть у него была чиста, он спокойно улёгся в постель и заснул сладким сном.

Утром, когда сапожник хотел взяться за работу, он увидел, что оба сапога стоят совершенно готовые на его столе.

Сапожник очень удивился и не знал, что об этом и думать. Он стал внимательно разглядывать сапоги. Они были так чисто сделаны, что сапожник не нашёл ни одного неровного стежка. Это было настоящее чудо сапожного мастерства!

Вскоре явился покупатель. Сапоги ему очень понравились, и он заплатил за них больше, чем обычно. Теперь сапожник мог купить кожи на две пары сапог.

Он скроил их вечером и хотел на следующее утро со свежими силами приняться за работу.

Но ему не пришлось этого делать: когда он встал, сапоги были уже готовы. Покупатели опять не заставили себя ждать и дали ему так много денег, что он закупил кожи уже на четыре пары сапог.

Утром он нашёл и эти четыре пары готовыми.

Так с тех пор и повелось: что он с вечера скроит, то к утру готово. И вскоре сапожник снова стал зажиточным человеком.

Однажды вечером, незадолго до Нового года, когда сапожник опять накроил сапог, он сказал своей жене:

– А что, если мы в эту ночь не ляжем спать и посмотрим, кто это нам так хорошо помогает?

Жена обрадовалась. Она убавила свет, оба они спрятались в углу за висевшим там платьем и стали ждать, что будет.

Наступила полночь, и вдруг появились два маленьких голых человечка. Они сели за сапожный стол, взяли скроенные сапоги и принялись так ловко и быстро колоть, шить, приколачивать своими маленькими ручками, что удивлённый сапожник не мог от них глаз отвести. Человечки работали без устали до тех пор, пока не сшили все сапоги. Тогда они вскочили и убежали.

На другое утро жена сапожника сказала:

– Эти маленькие человечки сделали нас богатыми, и мы должны отблагодарить их. У них нет никакой одежды, и они, наверно, зябнут. Знаешь что? Я хочу сшить им рубашечки, кафтанчики, штанишки и связать каждому из них по паре чулок. Сделай и ты им по паре башмачков.

– С удовольствием, – ответил муж.

Вечером, когда всё было готово, они положили на стол вместо скроенных сапог свои подарки. А сами спрятались, чтобы увидеть, что станут делать человечки.

В полночь человечки появились и хотели взяться за работу. Но вместо кожи для сапог они увидели приготовленные для них подарки. Человечки сначала удивились, а потом очень обрадовались.

Они сейчас же оделись, расправили на себе свои красивые кафтанчики и запели:

Что мы за красавчики!
Любо взглянуть.
Славно поработали —
Можно отдохнуть.

Потом они стали скакать, плясать, перепрыгивать через стулья и скамейки. И наконец, приплясывая, выскочили за дверь.

С тех пор они больше не появлялись. Но сапожник жил хорошо до самой своей смерти.

Король лягушонок, или железный Генрих

В старые годы, когда стоило лишь пожелать чего-нибудь и желание исполнялось, жил-был на свете король; все дочери его были одна краше другой, а уж младшая королевна была так прекрасна, что даже само солнышко, так много видавшее всяких

чудес, и то дивилось, озаряя её личико.

Близ королевского замка был большой тёмный лес, а в том лесу под старой липой вырыт был колодец. В жаркие дни заходила королевна в тёмный лес и садилась у прохладного колодца; а когда ей скучно становилось, брала она золотой мячик, подбрасывала его и ловила: это была её любимая забава.

Но вот случилось однажды, что подброшенный королевной золотой мяч попал не в протянутые ручки её, а пролетел мимо, ударился оземь и покатился прямо в воду. Королевна следила за ним глазами, но, увы, мячик исчез в колодце. А колодец был так глубок, так глубок, что и дна не было видно.

Стала тут королевна плакать, плакала-рыдала всё громче да горестней и никак не могла утешиться.

Плачет она, заливается, как вдруг слышит чей-то голос: «Да что с тобой, королевна? От твоего плача и в камне жалость явится». Оглянулась она, чтобы узнать, откуда голос ей звучит, и увидела лягушонка, который высунул свою толстую уродливую голову из воды. «Ах, так это ты, старый водошлёп! – сказала девушка. – Плачу я о своём золотом мячике, который в колодец упал». – «Успокойся, не плачь, – отвечал лягушонок, – я могу горю твоему помочь; но что дашь ты мне, если я тебе игрушку достану?» – «Да всё, что хочешь, милый лягушонок, – отвечала королевна, – мои платья, жемчуг мой, каменья самоцветные, а ещё в придачу и корону золотую, которую ношу».

И отвечал лягушонок: «Не нужно мне ни платьев твоих, ни жемчуга, ни камней самоцветных, ни твоей короны золотой; а вот если бы ты меня полюбила и стал бы я везде тебе сопутствовать, разделять твои игры, за твоим столиком сидеть с тобой рядом, кушать из твоей золотой тарелочки, пить из твоей стопочки, спать в твоей постельке: если ты мне всё это обещаешь, я готов спуститься в колодец и достать тебе оттуда золотой мячик». – «Да, да, – отвечала королевна, – обещаю тебе всё, чего хочешь, лишь бы ты мне только мячик мой воротил».

А сама подумала: «Пустое городит глупый лягушонок! Сидеть ему в воде с подобными себе да квакать, где уж ему быть человеку товарищем».

Заручившись обещанием, лягушонок исчез в воде, опустился на дно, а через несколько мгновений опять выплыл, держа во рту мячик, и бросил его на траву. Затрепетала от радости королевна, увидев снова свою прелестную игрушку, подняла её и убежала вприпрыжку. «Постой, постой! – закричал лягушонок. – Возьми ж меня с собой. Я не могу так бегать, как ты».

Куда там! Напрасно ей вслед во всю глотку квакал лягушонок: не слушала беглянка, поспешила домой и скоро

забыла о бедном лягушонке, которому пришлось несолоно хлебавши опять лезть в свой колодец.

На следующий день, когда королевна с королём и всеми придворными села за стол и стала кушать со своего золотого блюдца, вдруг – шлёп, шлёп, шлёп, шлёп! – кто-то зашлёпал по мраморным ступеням лестницы и, добравшись доверху, стал стучаться в дверь: «Королевна, младшая королевна, отвори мне!»

Она вскочила посмотреть, кто бы там такой мог стучаться, и, отворив дверь, увидела лягушонка. Быстро хлопнула дверью королевна, опять села за стол, и страшно-страшно ей стало.

Увидел король, что сердечко её шибко бьётся, и сказал: «Дитятко моё, чего ты боишься? Уж не великан ли какой стоит за дверью и хочет похитить тебя?» – «Ах, нет! – отвечала она. – Не великан, а мерзкий лягушонок!» – «Чего же ему нужно от тебя?» – «Ах, дорогой отец! Когда я в лесу вчера сидела у колодца и играла; упал мой золотой мячик в воду; а так как я очень горько плакала, лягушонок мне достал его оттуда; и когда он стал настойчиво требовать, чтобы нам быть отныне неразлучными, я обещала; но ведь никогда я не думала, что он может из воды выйти. А вот он теперь тут за дверью и хочет войти сюда».

Лягушонок постучал вторично и голос подал:

Королевна, королевна!
Что же ты не отворяешь?!
Иль забыла обещанья
У прохладных вод колодца?
Королевна, королевна,
Что же ты не отворяешь?

Тогда сказал король: «Что ты обещала, то и должна исполнить; ступай и отвори!»

Она пошла и отворила дверь.

Лягушонок вскочил в комнату и, следуя по пятам за королевной, доскакал до самого её стула, сел подле и крикнул: «Подними меня!» Королевна всё медлила, пока наконец король не приказал ей это исполнить. Едва лягушонка на стул посадили, он уж на стол запросился; посадили на стол, а ему всё мало: «Придвинь-ка, – говорит, – своё блюдце золотое поближе ко мне, чтоб мы вместе покушали!»

Что делать?! И это исполнила королевна, хотя и с явной неохотой. Лягушонок уплетал кушанья за обе щеки, а молодой хозяйке кусок в горло не лез.

Наконец гость сказал: «Накушался я, да и притомился. Отнеси ж меня в свою комнатку да приготовь свою постельку

пуховую, и ляжем-ка мы с тобою спать». Расплакалась королевна, и страшно ей стало холодного лягушонка: и дотронуться-то до него боязно, а тут он ещё на королевниной мягкой, чистой постельке почивать будет!

Но король разгневался и сказал: «Кто тебе в беде помог, того тебе потом презирать не годится».

Взяла она лягушонка двумя пальцами, понесла к себе наверх и ткнула в угол.

Но когда она улеглась в постельке, подполз лягушонок и говорит: «Я устал, я хочу спать точно так же, как и ты: подними меня к себе или я отцу твоему пожалуюсь!» Ну, уж тут королевна рассердилась до чрезвычайности, схватила его и бросила, что было мочи, об стену. «Чай теперь уж ты успокоишься, мерзкая лягушка!»

Упавши наземь, обернулся лягушонок статным королевичем с прекрасными ласковыми глазами. И стал он по воле короля милым товарищем и супругом королевны. Тут рассказал он ей, что злая ведьма чарами оборотила его в лягушку, что никто на свете, кроме королевны, не в силах был его из колодца вызволить и что завтра же они вместе поедут в его королевство.

Тут они заснули, а на другое утро, когда их солнце пробудило, подъехала к крыльцу карета восьмериком: лошади белые, с белыми страусовыми перьями на головах, сбруя вся из золотых цепей, а на запятках стоял слуга молодого короля, его верный Генрих.

Когда повелитель его был превращён в лягушонка, верный Генрих так опечалился, что велел сделать три железных обруча и заковал в них своё сердце, чтобы оно не разорвалось на части от боли да кручины.

Карета должна была отвезти молодого короля в родное королевство; верный Генрих посадил в неё молодых, стал опять на запятки и был рад-радёшенек избавлению своего господина от чар.

Проехали они часть дороги, как вдруг слышит королевич позади себя какой-то треск, словно что-нибудь обломилось. Обернулся он и закричал:

– Что там хрустнуло, Генрих? Неужто карета?

– Нет! Цела она, мой повелитель… А это

Лопнул обруч железный на сердце моём:
Исстрадалось оно, повелитель, о том,
Что в колодце холодном ты был заключён
И лягушкой остаться навек обречён.

И ещё, и ещё раз хрустнуло что-то во время пути, и королевич в эти оба раза тоже думал, что ломается карета; но то лопались обручи на сердце верного Генриха, потому что господин его был теперь освобождён от чар и счастлив.

Семеро швабов

Однажды собрались семеро швабов[20] вместе: первый был Шульц, второй – Яхли, третий – Марли, четвёртый – Ергли, пятый – Михаль, шестой – Ганс и седьмой – Вайтли.

Все семеро задумали весь белый свет обойти, приключений поискать и великие подвиги совершить. А для того, чтобы странствовать им было безопаснее, они решили идти с оружием и заказали себе хоть и на семерых одно, но зато очень крепкое и длинное копьё.

За это копьё они ухватились всемером, и впереди-то всех пошёл самый смелый из них и самый мужественный, а таковым был Шульц! За ним уж следовали все по очереди, и Вайтли был между ними последним.

Случилось однажды в самый разгар сенокоса, когда они уже прошли порядочный конец пути, но ещё было далеко от деревни, в которой хотели переночевать, уж в сумерки близ наших швабов пролетел вечерний жук или шершень. И жужжание его очень грозно прозвучало где-то за стогом сена.

Тут храбрый Шульц так перепугался, что чуть не выронил копья из рук, и холодный пот сразу прошиб его по всему телу. «Слышите? Слышите ли? – крикнул он своим товарищам. – Ах, Боже мой! Да это барабан!»

Яхли, который вслед за ним держался за копьё и которому Бог весть почему почуялся какой-то запах, сейчас добавил: «Да, что-то неладно! Я чую запах пороха и горелого фитиля!»

При этих словах Шульц пустился бежать и мигом перескочил через забор; но так как он зацепил ногами за зубья грабель, забытых там во время сенокоса, то грабли ударили его в лицо и очень сильно. «Ай-ай, ай-ай! – закричал Шульц. – Бери меня в плен, сдаюсь! Сдаюсь!»

И остальные шестеро туда же друг за другом перепрыгнули и стали кричать: «Коли ты сдаёшься, то и мы все тоже сдаёмся!»

Наконец, не увидев неприятеля, который хотел бы их связать и забрать в плен, они поняли, что испугались напрасно; а чтобы не пошли об этом слухи между людьми да не вздумал бы кто-нибудь их из-за этого осмеивать и дурачить, то было между ними решено об этом приключении хранить молчанье, пока кто-нибудь из них случайно не проболтается.

Затем они двинулись далее. Но следующая опасность, которую пришлось им пережить, не может и сравниться с первой.

Несколько дней спустя путь их лежал через пашню, на которой заяц, присев на солнышке, грелся и дремал: уши его торчали вверх, а большие, словно стеклянные, глаза застыли неподвижно.

Вот и перепугались наши швабы не на шутку при виде этого страшного и дикого зверя, перепугались все и стали между собою совещаться о том, что менее всего опасно было бы предпринять в данном случае. Так как они собирались бежать, то можно было опасаться, что чудовище помчится вслед за ними и поглотит их всех с кожей и волосами.

Вот и стали они говорить: «Мы должны выдержать большую и опасную битву! Чем смелее вступим в неё, тем больше можем надеяться на победу!» И разом ухватились за копьё: Шульц впереди всех, а Вайтли позади.

Господин Шульц хотел было попридержать копьё, но Вайтли позади всех расхрабрился, задумал ударить по врагу и воскликнул:

Валяй во имя швабов всех!
Надейся смело на успех!

Но Ганс подсмеялся над ним и сказал:

Да! Хорошо тебе болтать —
А сам глядишь – куда б удрать?

Михаль воскликнул:

Нельзя не опасаться нам:
Никак ведь это дьявол сам?

А за ним и Ергли сказал в свою очередь:

Коли не сам – верней всего,
Что это брат родной его!

Догадливый Марли добавил к этому:

Ступай-ка, Вайтли, сам вперёд,
Так нас и страх не заберёт!..

Но Вайтли его не послушал, и Яхли сказал:

Нет, нужно Шульцу первым быть:
Честь эту можем уступить!..

Выслушав это, господин Шульц ободрился и произнёс с великою важностью:

Так двинемся в кровавый бой!
Вперёд, ребята, все гурьбой!..

И ударили все разом против дракона. Господин Шульц всё крестился и Бога призывал на помощь; но так как всё это не помогало и он подходил к врагу всё ближе и ближе, то наконец уж он со страху стал кричать: «Ату его! Ату! Ату-ту-ту!»

Заяц от всех этих криков наконец проснулся и поспешно бежал.

Когда господин Шульц увидал, как он улепётывает, то радостно воскликнул:

Ох, Вайтли, как я заблуждался:
Дракон-то зайцем оказался!

Но наши швабы не унялись и после этого; стали искать новых приключений и пришли к широкой и глубокой реке, на которой мостов было мало и во многих местах приходилось переправляться на судах.

Так как швабы этого не знали, то и стали кричать человеку, работавшему по ту сторону реки, расспрашивая его, как бы к нему перебраться.

Человек из-за дальности расстояния не расслышал вопроса и отвечал по-своему: «Что, как?» Господину Шульцу и покажись, что он говорит: «Шагай так!»

И он, как шёл впереди, так и вступил в реку. Сделав несколько шагов, он увяз ногами в илистом дне, и его покрыло волнами, а шапку его перенесло ветром на ту сторону… Села на неё лягушка и заквакала: «Квак, квак!»

Остальные шестеро швабов услыхали это и сказали: «Наш товарищ, господин Шульц, нас зовёт; и коли уж он через реку перебрался, так почему бы и нам не пойти за ним следом?»

И все поспешно попрыгали в воду и утонули…

Хоть и храбрые были богатыри, а из-за лягушки погибли лютою смертью, и никто из них домой не вернулся.

Бременские уличные музыканты

У одного хозяина был осёл, который уж много лет сряду таскал да таскал кули на мельницу, да наконец-таки обессилел и начал становиться к работе непригодным. Хозяин стал соображать, как бы его с корму долой сбыть; но осёл вовремя заметил, что дело не к добру клонится, убежал от хозяина и направился по дороге в Бремен: там, мол, буду я городским музыкантом.

Прошёл он сколько-то по дороге и наткнулся на легавую собаку, которая лежала на дороге и тяжело дышала: видно было, что бежала издалека. «Ну, что ты так запыхалась, Хватайка?» – спросил осёл. «Ах, постарела ведь я да ослабла и к охоте негодна становлюсь, – отвечала собака, – так хозяин-то мой убить меня собирался! Ну, я и удрала из дому! Да вот только не знаю, чем мне будет теперь хлеб заработать?» – «А знаешь ли, что я придумал? – сказал осёл. – Иду в Бремен и собираюсь там быть уличным музыкантом. Пойдём вместе, поступай тоже в музыканты. Я стану на лютне играть, а ты в медные тарелки бить». Собака согласилась с удовольствием, и пошли они далее.

Немного прошли, повстречали на дороге кота; сидит хмурый такой, пасмурный. «Ну, тебе что не по нутру пришлось, Усатый?» – спросил осёл. «Небось не очень развеселишься, когда до твоей шкуры добираться станут! – отвечал кот. – Из-за того, что я стар становлюсь и зубы у меня притупились и что я охотнее сижу за печкой да мурлычу, чем мышей ловлю, хозяйка-то моя вздумала меня утопить. Я, конечно, от неё-таки улизнул и вот теперь и не знаю: куда голову приклонить?» – «Пойдём с нами в Бремен. Ведь ты ночью вон какую музыку разводишь – значит, и в уличные музыканты пригодишься». Коту совет показался дельным, и он пошёл с ними по дороге. Пришлось затем нашим трём беглецам проходить мимо одного двора, и видят они – сидит на воротах петух и орёт что есть мочи. «Чего ты это орёшь во всю глотку так, что за ушами трещит?» – спросил его осёл. «Да вот я предсказал на завтра хорошую погоду, – сказал петух, – потому что завтра Богородицын день; но из-за того, что завтра, в воскресенье, к нам гости будут, хозяйка всё же без жалости велела меня заколоть на суп, и мне сегодня вечером, наверно, свернут шею. Ну, и кричу я во всё горло, пока могу». – «Ишь ведь, что выдумал, красная головушка! – сказал осёл. – Да тебе же лучше с нами уйти! Идём

мы в Бремен. Всё это лучше смерти будет! Да и голос у тебя такой славный: а если мы все вместе заведём музыку, так это будет очень и очень недурно».

Понравилось петуху это предложение, и вот они все четверо направились далее.

Однако же в один день им не удалось добраться до Бремена. Вечером пришли они к лесу, где и задумали заночевать. Осёл и собака легли у корня большого дерева, кошка и петух забрались в ветви его, а петух взлетел даже на самую вершину дерева, где ему казалось всего безопаснее.

Прежде чем глаза сомкнуть, он ещё раз огляделся во все стороны, и показалось ему, что вдали что-то светится: вот он и крикнул товарищам, что где-нибудь неподалёку есть жильё, потому огонёк мерцает.

Осёл и сказал: «Ну, так надо с места сниматься и ещё-таки вперёд брести, потому что тут приют у нас неважный». Собака при этом подумала, что пара косточек да мясца кусочек ей были бы и очень кстати.

Вот и пошли они на огонёк, и огонёк светил всё светлее, становился больше и больше – и наконец вышли они к ярко освещённому дому, который был разбойничьим притоном.

Осёл был повыше всех, подошёл к окошку да и стал смотреть. «Ты что там видишь, Серый?» – спросил петух. «Что вижу? Накрытый стол, а на нём и яства, и питьё, и разбойники за столом сидят и угощаются». – «Это бы и для нас не вредно было!» – сказал петух. «Да, да, хорошо бы и нам быть там!» – сказал осёл.

Тогда стали они между собою совещаться, как бы им ухитриться и разбойников из дома выгнать…

Наконец-таки нашли способ. Осёл должен был упереться передними ногами в подоконник, собака вспрыгнуть ему на спину, кошка взобраться на спину собаки, а петух должен был взлететь и сесть кошке на голову. Как установились, так по данному знаку разом и принялись за свою музыку: осёл заревел, собака залаяла, кот замяукал, а петух стал кукарекать. А потом и вломились в дом через окно, так что оконницы задребезжали.

Разбойники, заслышав этот неистовый рёв, повскакали со своих мест; им показалось, что в окно лезет какое-то страшное привидение, и они в ужасе разбежались по лесу.

Тут уселись наши четверо приятелей за стол, принялись за остатки ужина и так наелись, как будто им предстояло голодать недели с три.

Покончив с ужином, все четверо музыкантов загасили огни в доме и стали себе искать постели, каждый по своему вкусу и удобству.

Осёл улёгся на навозе, собака прикорнула за дверью, кошка растянулась на очаге около тёплой золы, а петух взлетел на шесток; и так как они все были утомлены своим долгим странствованием, то и заснули очень скоро.

Когда минула полночь и разбойники издали увидели, что огни в их доме погашены и всё, по-видимому, спокойно, тогда их атаман сказал им: «Чего мы это сдуру так пометались!» – и велел одному из шайки пойти к дому и поразнюхать.

Посланный видит, что всё тихо, и вошёл в кухню, чтобы вздуть огонь; подошёл к очагу, и покажись ему кошачьи глаза за горящие уголья. Он и ткнул в них серной спичкой, чтобы огня добыть. Но кот шутить не любил: как вскочит, как фыркнет ему в лицо да как цапнет!

Разбойник с перепугу бросился к чёрному ходу, но и тут собака сорвалась со своего места да как укусит его в ногу!

Он пустился напрямик через двор мимо навозной кучи, а осёл-то как даст ему заднею ногою!

В довершение всего петух на своём шестке от этого шума проснулся, встрепенулся и заорал во всю глотку: «Ку-каре-ку!»

Побежал разбойник со всех ног к атаману и доложил: «В доме там поселилась страшная ведьма! Она мне в лицо дохнула и своими длинными пальцами поцарапала! А у дверей стоит человек с ножом – мне им в ногу пырнул! А на дворе дрыхнет какое-то чёрное чудище, которое на меня с дубиной накинулось. А на самом-то верху сидит судья да как крикнет: «Давай его, плута, сюда!» Едва-едва я оттуда и ноги уволок!»

С той поры разбойники не дерзали уж и носа сунуть в дом, а четверым бременским музыкантам так в нём полюбилось, что их оттуда ничем было не выманить.

Кто их там видал, тот мне о них рассказывал, а я ему удружил – эту сказку сложил.

Три брата

Давным-давно жил да был человек, у которого было три сына, а всего достатка было немного: только тот дом, в котором он сам жил. Каждый из сыновей желал бы тот дом получить в наследство после его смерти, но отцу они были все одинаково милы; вот и не знал он, как ему быть, чтобы никого не обидеть.

Продать бы дом да вырученные деньги между ними поделить, так продавать-то ему не хотелось, потому что дом был им унаследован от его пра-дедов…

Наконец пришла ему в голову хорошая мысль, и он сказал своим детям: «Ступайте-ка вы в люди да поиспытайте себя, и

каждый пусть изберёт себе какое-нибудь ремесло для изучения; по возвращении вашем домой тот из вас, который выкажет себя искуснее других в своем деле, получит от меня дом в наследство».

Сыновья были довольны решением отца и избрали себе ремёсла по вкусу: старший задумал быть кузнецом, второй – парикмахером, а третий – учителем фехтования.

Затем они назначили время, в которое они должны были снова сойтись в доме отца, и разошлись в разные стороны.

Случилось так, что каждый из них в своём деле нашёл себе отличного учителя, у которого мог надлежащим образом выучиться своему мастерству.

Кузнецу поручено было подковывать королевских лошадей, и он подумал: «Ну, теперь, кажется, без ошибки можно сказать, что дом именно мне достанется».

Парикмахеру пришлось брить только знатных господ, и он тоже подумал, что дом никому другому, кроме него, не достанется.

Фехтовальщику пришлось получить не один удар, и он всё же скрепя сердце думал про себя: «Нечего этих ударов пугаться, а то, пожалуй, дом-то и выскользнет у меня из рук!»

Когда же наконец миновало условленное время, все они сошлись в доме отца; но они не знали, как бы им найти случай высказать перед отцом своё искусство, а потому и стали между собою сове-щаться.

Во время их совещания видят – бежит к ним с поля заяц. «Э-э! – сказал парикмахер. – Вот очень кстати явился! Точно званый!»

Тотчас взял он тазик и мыло, взбил пену, а когда заяц подбежал поближе, он на бегу намылил ему мордочку и на бегу же выбрил ему бородку и при этом не порезал его и ни одного волоска не повредил.

«Недурно, – сказал отец, – и если только остальные двое не слишком превзойдут тебя в своём мастерстве, то дом останется за тобою».

Вскоре после того видят, что мчится какой-то господин во всю прыть в своей карете. «Вот извольте-ка взглянуть, батюшка, на моё уменье!» – сказал кузнец, побежал вслед за каретой, сорвал у одной лошади на скаку все четыре подковы и подковал её четырьмя новыми. «Ты – просто молодчина! – сказал ему отец. – Со своим делом ты справляешься так же хорошо, как твой брат… Право, я даже не знаю, кому из вас двоих я должен отдать свой дом…»

Тогда сказал третий сын: «Батюшка, дозвольте и мне показать своё мастерство!»

Как раз в это время стал накрапывать дождь, и фехтовальщик,

вынув свою шпагу, стал ею быстро вращать над головою, так что ни одна капля на него не упала…

Дождь пошёл сильнее и наконец обратился в ливень, который лил как из ведра, а фехтовальщик всё быстрее и быстрее вращал шпагою над головой и остался сухохонек, словно под крышей стоял.

Когда отец это увидел, он изумился и сказал: «Ты превзошёл своих братьев в твоём мастерстве – дом принадлежит тебе!»

Оба остальные брата по предварительному уговору остались вполне довольны таким решением отца, и так как они друг друга очень любили, то стали жить вместе в отцовском доме и продолжали заниматься каждый своим ремеслом; а при своих знаниях и умениях они зарабатывали много денег.

Так дожили они в полном довольстве до старости, и когда один из них заболел и умер, двое других так о нём горевали, что вскоре тоже заболели и умерли.

По их взаимной любви и тесной дружбе их и похоронили в одной общей могиле.

Шарль Перро (1628–1703)

Шарль Перро родился в семье парижского судьи Пьера Перро и был младшим из его семи детей. Большинству людей Перро известен как сказочник, а между тем он был поэтом, академиком Французской академии, автором знаменитых научных трудов. Тем не менее всемирную известность ему принесли именно замечательные сказки «Кот в сапогах», «Золушка», «Синяя Борода».

Рикке-хохолок

Жила-была одна королева, и родила она сына, такого урода, что долго сомневались, да полно, человек ли это? Волшебница, которая находилась при его рождении, заверила, что он будет очень умён. Она прибавила даже, что, силою её чародейства, он будет сообщать свой ум всякому, кого крепко полюбит.

Всё это несколько утешило бедную королеву, которая очень огорчалась тем, что родила такого безобразного ребёнка.

Но едва этот ребёнок начал лепетать, как он стал говорить чрезвычайно умные вещи, и во всём, что только он ни делал, было столько ума, что все приходили от него в восхищение.

Я забыл сказать, что дитя родилось с небольшим пучком волос на голове, отчего его и прозвали Рикке-хохолком.

Лет этак через семь или восемь королева соседнего царства родила двух дочерей.

Первая, которая явилась на свет, была прекрасна как день; королева так этому обрадовалась, что с нею чуть не сделалось дурно.

Та самая волшебница, которая находилась при рождении маленького Рикке-хохолка, присутствовала и здесь и, чтобы умерить радость королевы, объявила, что новорожденной принцессе бог не дал разума и что она будет столько же глупа, сколько хороша.

Это очень тронуло королеву; но через несколько минут с нею случилось ещё большее горе: она родила вторую дочь, страшного уродца.

– Не горюйте, сударыня, – сказала ей волшебница, – ваша дочь будет награждена другими достоинствами: она будет так умна, что почти никто и не заметит в ней недостатка красоты.

– Дай бог! – отвечала королева. – Но нельзя ли снабдить немножко умом старшую, которая так красива?

– Со стороны ума, сударыня, я ничего не могу сделать, –

отвечала волшебница, – но всё могу со стороны красоты, и как для вас я всё готова предпринять, то даю ей в дар, что она будет сообщать свою красоту всякому, кого крепко полюбит.

По мере того как принцессы подрастали, их совершенства увеличивались. Везде только и было речей, что о красоте старшей да об уме младшей.

Правда, что с возрастом увеличивались и их недостатки: младшая дурнела с каждой минутой, а старшая с каждым часом становилась всё глупее и глупее. Кроме того, она была такая разиня, что не могла чашку на стол поставить, не отбив ей ушка, а когда пила воду, половину стакана опрокидывала себе на платье.

Хотя красота и большое достоинство в молодой особе, однако гостям младшая почти всегда нравилась больше старшей.

Сперва гости подседали к красавице, поглядеть на неё, полюбоваться; но потом они переходили к разумнице, послушать её приятные речи, и, к изумлению всей компании, минут через десять возле старшей уже не оставалось никого и гости толпились вокруг младшей.

Старшая, хотя и была глупа как пробка, однако заметила это, и она без сожаления отдала бы всю красоту за половину сестриного ума.

Королева, несмотря на всё своё благоразумие, не могла удержаться, чтобы не попрекать дочь её глупостью. От этого бедная принцесса чуть не умирала с горя.

Раз пошла она в лесок поплакать о своём несчастье, только видит – подходит к ней молодой человек, весьма некрасивый и весьма неприятный, но в роскошном платье.

То был молодой принц Рикке-хохолок, который влюбился в неё по портретам, распространённым по всему свету, и оставил своё королевство, чтобы иметь удовольствие видеть её и говорить с нею.

Радуясь, что встретил принцессу наедине, Рикке-хохолок подошёл к ней как можно почтительнее и вежливее. Поздоровавшись как следует, он заметил, что принцесса печальна, и говорит:

– Не понимаю, сударыня, как такая прекрасная особа может находиться в такой задумчивости, ибо хотя я могу похвалиться, что видел множество прекрасных особ, однако обязан сказать, что никогда не видел такой красоты, какова ваша.

– Какой вы комплиментщик, сударь! – отвечала принцесса, да на том и остановилась.

– Красота, – продолжал Рикке-хохолок, – есть такое великое достоинство, что она должна заменять всё, и кто красотою

обладает, тот не может, по моему мнению, ни о чём горевать.

– Лучше я была бы, – говорит принцесса, – такой же урод, как вы, да имела бы ум, чем с моею красотою да быть такой дурой.

– Ничто, сударыня, так не доказывает ум, как убеждение в его отсутствии. Ум по природе своей такое достояние, что чем больше его имеешь, тем больше веришь в его недостаток.

– Этого я не знаю, – говорит принцесса, – но знаю, что я очень глупа, оттого и горюю до смерти.

– Только-то, сударыня! Я могу положить конец вашей печали.

– Как так? – спросила принцесса.

– Я могу, сударыня, сообщить свой ум той особе, которую крепко полюблю; а как вы-то, сударыня, и есть эта самая особа, то от вас самих зависит поумнеть, как только возможно, лишь бы вы согласились пойти за меня замуж.

Принцесса смутилась и ничего не отвечала.

– Вижу, – продолжал Рикке-хохолок, – что это предложение вам не по вкусу, и не удивляюсь, но даю вам целый год времени: подумайте и решитесь.

Принцесса была так глупа, и вместе с тем ей так хотелось поумнеть, что, думая, когда-то ещё год пройдёт, она согласилась на предложение. Как только она обещала Рикке-хохолку выйти за него ровно через год, день в день, так сейчас почувствовала себя совсем иною: нашла в себе невероятное умение говорить всё, что вздумается, и говорить тонким, естественным и приятным манером. В ту же минуту она повела с Рикке-хохолком живой и галантный разговор, в котором так отличилась, что Рикке-хохолок недоумевал, уж не сообщил ли он ей больше ума, чем себе самому оставил.

Когда принцесса возвратилась во дворец, придворные не знали, чем объяснить такое внезапное и необыкновенное превращение, ибо сколько прежде у неё вырывалось глупостей, столько теперь слышали от неё здравых и умных речей.

Весь двор пришёл в невообразимую радость, только одна младшая сестра была не совсем довольна, потому что, потеряв своё прежнее преимущество над сестрою, она теперь казалась в сравнении с нею не чем иным, как безобразной мартышкой.

Король стал обращаться к принцессе за советом и даже решал иногда в её комнате государственные дела.

Слух об этой перемене распространился повсюду. Из всех соседних королевств стали съезжаться молодые принцы, стараясь понравиться принцессе и добиваясь её руки, но она не находила их достаточно умными и выслушивала предложения, никому не давая слова.

Наконец явился жених такой могущественный, такой

богатый, такой умный и такой стройный, что принцесса почувствовала к нему склонность.

Заметив это, король сказал, что предоставляет выбор супруга на её волю и что, как она решит, так тому и быть.

Известно, что чем человек умнее, тем ему в этих брачных делах труднее принять какое-нибудь решение. Поэтому принцесса, поблагодарив отца, просила дать ей время подумать.

Потом она пошла прогуляться и, попав нечаянно в тот самый лесок, где свела с Рикке-хохолком знакомство, принялась раздумывать на свободе, что ей делать.

Гуляет она, думает свою думу… Только вдруг слышит под ногами глухой шум, точно под землёю ходят, бегают, справляют какое-то дело.

Прислушалась она внимательнее и слышит, один кричит: «Подай мне котёл», а другой: «Подложи в огонь дров»…

В ту же самую минуту земля разверзлась, и она увидела у себя под ногами как бы большую кухню, полную поваров, поварёнков и всякого люда, какой только нужен для приготовления роскошного пира. Толпа человек в двадцать или в тридцать выскочила оттуда, пошла в одну из ближайших аллей, уселась вокруг длинного стола и с кухонными ножами в руках, с поварскими колпаками набекрень давай рубить в такт мясо, напевая весёлую песню.

Принцесса, удивлённая этим зрелищем, спросила их, для кого они подняли такую возню?

– Для принца Рикке-хохолка, сударыня, – отвечал старший промеж ними, – завтра он празднует свою свадьбу.

Принцесса удивилась ещё больше и, вспомнив вдруг, что ровно год назад, день в день, она обещала выйти за Рикке-хохолка замуж, чуть было не свалилась с ног. А забыла она про всё это потому, что, когда давала обещание, тогда была дурой, получив же от принца ум, запамятовала все свои глупости.

Не прошла она и тридцати шагов, продолжая прогулку, как явился перед нею сам Рикке-хохолок, весёлый и бравый, разодетый, как следует жениху.

– Вы изволите видеть, сударыня, – сказал он, – что я свято держу своё слово. Не сомневаюсь, что и вы также пришли сюда, чтобы сдержать своё и, отдав мне вашу руку, сделать меня счастливейшим из смертных.

– Признаться вам откровенно, – отвечала принцесса, – я ещё не приняла на этот счёт никакого решения, да, кажется, никогда и не приму такого решения, какое вам было бы желательно.

– Вы меня удивляете, сударыня! – вскричал Рикке-хохолок.

– Верю, – отвечала принцесса, – и, без сомнения, имей я дело

с нахалом или с дураком, я находилась бы в очень затруднительном положении. Он сказал бы мне, что принцесса должна держать своё слово и что так как я слово дала, то и выйти за него должна. Но как я говорю с самым умным человеком в свете, то уверена, что он примет мои резоны. Вам известно, что я не решалась выйти за вас даже тогда, когда была набитой дурой. Как же вы хотите, чтобы, получив от вас ум, сделавший меня ещё разборчивее прежнего, я приняла теперь решение, которого избегала прежде? Если вы так дорожите этою женитьбою, вы напрасно избавили меня от глупости и открыли мне глаза.

– Если бы даже дураку, – отвечал Рикке-хохолок, – было позволительно, как вы сейчас изволили заметить, попрекнуть вас изменой, то как же вы хотите, сударыня, чтоб я удержался от упрёков, когда дело идёт о счастье всей жизни? Справедливо ли требовать, чтоб умные люди терпели больше дураков? Можете ли вы утверждать это, вы, особа умная и столь желавшая поумнеть? Но приступим, если позволите, к делу. Помимо моего безобразия имеете ли вы ещё что другое против моей персоны? Находите вы мой род худым, или мой ум, или мой нрав, или мои манеры вас не удовлетворяют?

– Нисколько, – отвечала принцесса, – мне, напротив, нравится в вас всё, что вы сейчас пересчитали.

– Если так, – продолжал Рикке-хохолок, – я буду счастлив, ибо вы можете сделать меня красивейшим из смертных.

– Каким это образом? – спросила принцесса.

– Очень просто, – отвечал Рикке-хохолок. – Это сбудется, стоит только полюбить меня и пожелать, чтоб это сбылось. А чтобы вы, сударыня, не сомневались в моих словах, знайте, что та самая волшебница, которая в день моего рождения дозволила мне сообщить свой ум тому, кого я крепко полюблю, эта самая волшебница и вам разрешила сообщить вашу красоту тому, кого вы крепко полюбите и кому пожелаете оказать такую милость.

– Если так, – сказала принцесса, – желаю всем сердцем, чтобы вы были самым красивым и самым любезным принцем в свете, и сообщаю вам свою красоту, насколько это от меня зависит.

Принцесса ещё не договорила своих слов, как Рикке-хохолок показался ей самым красивым, самым стройным и самым любезным человеком в свете.

Иные историки утверждают, что не чародейство волшебницы, а любовь произвела это превращение. Они говорят, что когда принцесса поразмыслила о постоянстве своего жениха, о его скромности и обо всех его качествах душевных и телесных, то безобразие его лица и уродливость его тела скрылись от её глаз. Горб показался ей осанкой важного человека, хромоту она нашла

приятной походкой, косые глаза превратились в выразительные очи, растерянный взгляд пошёл за признак сильной любовной страсти, и даже большой красный нос явился ей в воинственном, геройском виде…

Так или иначе, но принцесса тут же обещала ему свою руку, если только он получит согласие короля.

Король, сведав, что дочь его очень уважает Рикке-хохолка, и зная принца с хорошей стороны, с удовольствием согласился сделать его своим зятем.

На другой же день сыграли свадьбу, как Рикке-хохолок это предвидел, и с церемониею, которую давно уже приготовили по его приказу.

Джоэль Харрис (1848–1908)

Харрис Джоэль Чандлер родился в очень бедной семье. В 13 лет ему пришлось оставить свой дом и уйти на заработки. Харрис поступил в ученики к плантатору. На плантации он впервые познакомился с негритянским фольклором. Дж. Харрис пишет юмористические рассказы по мотивам негритянских сказок, которые позже будут объединены в книги о дядюшке Римусе.

Первые публикации обработанных сказок появились в 1879 году в атлантской газете. В 1880 году был опубликован первый сборник сказок дядюшки Римуса. В дальнейшем было опубликовано ещё три сборника сказок дядюшки Римуса. Вместе с тем Харрис продолжал работать журна-листом.

Братец Кролик и Братец Лис

Как-то вечером мама долго искала своего сынишку. Джоэля не было ни в доме, ни во дворе. Она услышала голоса в старой хижине дядюшки Римуса, заглянула в окно и увидела, что мальчик сидит рядом со стариком.

Мальчик прислонил голову к плечу дядюшки Римуса, во все глаза глядя в морщинистое ласковое лицо.

И вот что услышала мама.

…Гонялся-гонялся Братец Лис за Братцем Кроликом, и так и этак ловчился, чтобы его поймать. А Кролик и так и этак ловчился, чтобы Лис его не поймал.

– Ну его совсем, – сказал Лис.

И только вылетели эти слова у него изо рта, глядь, вот он скачет по дороге – гладкий, толстый и жирный Кролик!

– Эй там, погоди. Братец Кролик! – сказал Лис.

– Некогда мне, Братец Лис.

– Мне с тобой поболтать охота, Братец Кролик.

– Ладно, Братец Лис. Только ты оттуда кричи, где стоишь, не подходи ко мне близко: блох у меня сегодня, блох! – так сказал Кролик.

– Я видал вчера Братца Медведя, – сказал Лис. – Он такую мне трёпку задал за то, что мы с тобой всё не ладим. «Вы, – говорит, – соседи, должны жить дружно». Я обещал ему, что потолкую с тобой.

Тут Кролик поскрёб лапкой за ухом – вроде как от радости, – встал и говорит:

– Отлично, Братец Лис. Приходи ко мне завтра, пообедаем вместе. Ничего такого нет у нас дома, да жёнушка с ребятками

пошарят, уж найдут, чем тебя угостить.

– Я с удовольствием, – сказал Лис.

– Ну я буду ждать, – сказал Кролик.

Домой пришёл Братец Кролик грустный-грустный.

– Что с тобой, муженёк? – спрашивает Матушка Крольчиха.

– Завтра в гости обещался прийти Братец Лис, – говорит Кролик. – Нужно нам держать ухо востро, чтобы он не застал нас врасплох.

На другой день Братец Кролик и Матушка Крольчиха встали ранёхонько, до света, и пошли в огород; набрали капусты, моркови и спаржи, состряпали знатный ужин.

Вдруг один из крольчат, который играл во дворе, кричит:

– Ой, мама! Ма! Братец Лис идёт!

Тогда Кролик живо детишек за уши и усадил их, а сам с Матушкой Крольчихой – у дверей ждут Братца Лиса.

Ждут они, ждут – не идёт Лис.

Вот немного погодя выглянул Братец Кролик за дверь потихоньку. Смотрит – из-за угла торчит самый кончик хвоста Лиса. Тогда закрыл Кролик дверь, сел, лапки положил за уши и запел:

Если миску уронить —
Разобьётся миска.
Если близко лисий хвост —
Значит, близко Лиска.

Вот пообедали Братец Кролик, и Матушка Крольчиха, и все ребятки, и никто им не мешал. А потом приходит Братец Ёж и говорит:

– Братец Лис просит прощения: он захворал, никак не мог прийти. Он просит, чтобы Братец Кролик завтра пришёл к нему на обед.

Солнышко поднялось совсем высоко; тогда Кролик вскочил и побежал к дому Лиса. Прибегает, слышит – стонет кто-то. В дверь заглянул и видит: сидит Лис в кресле, весь закутанный в байковое одеяло, а вид у него слабый-слабый.

Глянул Кролик по сторонам – нигде не видно обеда. Миска стоит на столе, а рядом острый ножик.

– Никак, на обед у тебя курочка, Братец Лис? – говорит Кролик.

– Да, Братец Кролик, а какая молоденькая да свеженькая! – говорит Лис.

Тут Кролик разгладил усы и сказал:

– Ты, никак, сготовил без укропа, Братец Лис? Что-то мне в

горло не лезет курятина без укропа.

Выскочил Кролик из дверей и стрельнул в кусты, присел и ждёт Лиса.

Долго ждать не пришлось, потому что Лис сразу скинул байковое одеяло – и за ним вдогонку. А Кролик кричит ему:

– Эй, Братец Лис! Вот я тут положил на пенёк укроп. Бери скорей, пока не увял!

Так он крикнул и поскакал дальше. И Лис его не поймал.

Как повстречались братец Лис и братец Черепаха

Дядюшка Римус точил свой сапожный нож и рассказывал:

– Как-то шёл Братец Лис. Вдруг видит – на самой середине дороги лежит Братец Черепаха. Братец Черепаха тотчас подумал, что надо держать ухо востро, а один глазок – открытым. Но Старый Лис прикинулся ласковым – ну болтать: дескать, он страшно рад встрече, целых сто лет не видал он Братца Черепаху.

– Здравствуй, Братец Черепаха! Что это тебя не видать давно?

– Всё брожу где придётся, Братец Лис. Всё брожу.

– Что-то вид у тебя нездоровый, Братец Черепаха, – говорит Лис.

– Всё ползаю да хвораю, – отвечает Черепаха.

– А что с тобой, дружок? Никак, и глазок у тебя красный!

– Ох, где тебе понять, Братец Лис! Попробовал бы ты всё ползать да ползать, хворать да хворать.

– Да у тебя оба глаза красны! Ты совсем разболелся, Братец Черепаха!

– Уж куда хуже, Братец Лис.

– Какая же беда приключилась с тобой, Братец Черепаха?

– Да так. Пошёл прогуляться вчера, встретился мне один человек и бросил меня в огонь.

– Как же ты выбрался из огня, Братец Чере-паха?

– Всё сидел и терпел, Братец Лис! Сидел и терпел, а дым разъел мне глаза, и огонь опалил мне спину.

– Никак, хвост у тебя и вовсе сгорел? – сказал Лис.

– Нет, хвост-то вот он, – сказал Братец Черепаха и высунул хвост из-под панциря.

А Лис только того и ждал: схватил Черепаху за хвост и кричит:

– Вот он, вот он, Братец Черепаха! А помнишь, как ты стукнул меня по макушке у Матушки Мидоус? Или забыл? Вы были там вместе с Братцем Кроликом? Ну, теперь ты пропал!

Просил, просил Братец Черепаха отпустить его. Сколько ни упрашивал, всё ни к чему.

– Ну, теперь я тебя утоплю, – сказал Братец Лис.

А Братец Черепаха взмолился:

– Только не топи меня, Братец Лис! Уж лучше брось меня в огонь – я всё-таки немножко привык к огню.

Но Старый Лис и слушать ничего не хотел. Он потащил братца Черепаху к ручью и сунул его в воду.

А Черепаха кричит:

– Брось этот корешок и хватай меня за хвост! Брось этот корешок и хватай меня за хвост!

Лис в ответ:

– Какой корешок? Я твой хвост держу, а не корешок.

Но Братец Черепаха поднял крик:

– Скорей хватай меня, а то я утону! Я тону, тону! Брось этот корешок и хватай меня за хвост!

Ну, тут Лис выпустил его хвост, и Братец Черепаха пошёл ко дну – керблонкети-блинк!

Никакими буквами нельзя изобразить, какие звуки вылетели тут из горла у дядюшки Римуса. Это были такие чудные звуки, что мальчик переспросил:

– Как, как пошёл он ко дну?

– Керблонкети-блинк!

– И утонул, дядюшка Римус?

– Кто? Старый Братец Черепаха? Да разве ты тонешь, когда мама кладёт тебя в кроватку?

– Ну, нет, – задумчиво ответил Джоэль.

– Вот и Братец Черепаха не утонул. Потому что в воде он был дома, дружок.

Керблонкети-блинк!

notes

Примечания

1

Зипун – русская народная верхняя одежда без воротника, с длинными рукавами и раскошенными книзу полами.

2

Последки – (прост.) остатки.

З

Зака́яться – дать себе обещание не делать чего-нибудь.

4

Ватажиться – собираться толпой, ватагой.

5

Паляница – лепёшка по-крестьянски.

6

Секира – разновидность топора.

Пожня – сенокосное угодье.

8

Тын – забор, частокол.

9

Петь лазаря – жаловаться на судьбу, плакаться.

10

Полба – разновидность пшеницы.

11

Вечор – вчера вечером.

12

Советский Союз – так называлось с 1917-го по 1991 год наше государство.

13

Шпиц – (устар.) то же, что шпиль, верхушка.

14

Аршин – старая русская мера длины, равна 71 см, полуаршин – 35,5 см.

15

Десятина – мера земельной площади, равна примерно 1,12 га.

16

Дуплянка – вид искусственного гнездовья для птиц.

17

Дергач – коростель, небольшая птица из семейства болотных курочек.

18

Кушак – пояс, обычно широкий, матерчатый.

19

Superbe! Charmant! (фр.) – Бесподобно! Прелестно!

20

Швабы – немцы, говорящие на особом швабском диалекте (одном из южнонемецких диалектов) немецкого языка.